
Игорь ШУМЕЙКО

ВЕЩЕСТВО ВЕРЫ*

Федеральный роман

1

— Ма! Ты как думаешь, вода в Кане Галилейской в одну секунду, мгновенно в вино превратилась, или была какая-то там... реакция шла?

— Ой, болтаешь, Марин! Вместо чтобы учить. И откуда...

— Болтаю как раз из заданной главы. Смотри сама, вот, у Лопухина.

Марина расколола богословский том на заложенной пальцем странице и, повернувшись, как стрелой крана, протянула на руках матери. Три секунды подождала — тяжелый — и, вернув книгу к себе, зачитала громко-внятно, как на уроке: «Но почему Христос не произвел вина без воды? Это он сделал, по мысли Иоанна Златоуста, чтобы черпавшие воду были свидетелями и чтобы оно, то есть вино, — подняв от строчек глаза, другим тоном пояснила матери, — нисколько не казалось призраком...»

— Ну. И что ж неясного? Видишь, профессор Лопухин объясняет, цитируя Иоанна Злато...

— ...А то и неясно, что если быстро превращать, то оно ведь забурлило бы, да? Как варенье у тебя?

— Н-ну... н-наверно... — провела мысленный опыт мать, совершенно не представляя, куда еще вывернет ее упрямыца стежку комментария из «Толковой Библии» Лопухина.

— Вот! И я говорю! А если оно не бурлило, не кипело, значит, оно не быстро, а целых несколько... наверно, десять минут превращалось в «лучшее вино». Так?

Мать чуть склонила голову, словно заглянула в те диковинные библейские каменные чаны, увидав там отражением на поверхности полуводы-полувина напряженный взгляд дочери... подумала и кивнула.

— Так! — торжествовала Марина, — А значит, если десять минут превращалось, то я и спрашиваю: а что там было, если бы кто зачерпнул на пятой?! — Энергичным кивком Марина подводила мать к сути своего странного эксперимента. — Что бы это оказалось? Вино? Но не самое лучшее? А плохое-похуже? Как дядя Витя в канистре привозил? Или все же лучшее, но как бы еще... разбавленное? Точно! — Уважаемые господа, убежденно подвела итог «лабораторной работы». — Mam, я хочу вина. Сейчас!

— Рин! Да что ты? Какого тебе ви...

— Лучшего! Как в Кане! — и снизойдя к испугу матери: — Мне только ложечку. Чайную. На язык.

* Журнальный вариант.

Игорь Николаевич Шумейко — историк, публицист, по образованию кибернетик. Автор стихов, рассказов, очерков, опубликованных в 1980-х годах в журнале «Юность», «Литературной газете». В 1994 году издан роман «Вартимей-очевидец», радиопостановка по которому шла в 1995 году на «Радио России». В XXI веке его рассказы, путевые очерки, эссе опубликованы в «Независимой», «Литературной» и «Новой» газетах, «Комсомольской правде», в журналах «Новая неделя», «Роман-газета», «Моя Москва».

С бутылкой муската и чайной ложкой мать вернулась из кухни. Дочь потянулась к ней, с пациентской покорностью протянула язык и даже зажмурила глаза. Мать, воскрешая полузабытую процедуру «причастия» — приема рыбьего жира в пионерском лагере, опрокинула ложку на влажный, подрагивающий кончик — и как в каком-то кукольном механизме, язычок Марины втянулся одновременно с раскрытием глаз. И мать, будто на нее брызнули синевой, в который раз удивилась ясному детскому цвету дочкиных радужных оболочек...

Марина потянулась к вазе. Из букета, как из снопа на государственном гербе, торчали длинные травинки. Марина решительно выдернула какой-то луговой лист, заложила им страницу «Толковой Библии», поставила на полку и начала «беситься», танцуя, подбрасывая и ловя диванные подушки.

— Тьфу ты, коза! Скачешь тут! — Мать, словно отходя от предчихового, так и не разрешившегося порыва, поднялась.

— Ма! А почему папа хотел меня выдать за священника?

— С чего ты взяла?

— Ой, только ты еще не притворяйся! Я ж все слышала и знаю!

— Ну а за кого бы ты хотела?

Теперь пришел черед озадачиться дочери, мысленно перебрать фигурки людей, как их рисуют в познавательной литературе: схематично, с гладкими лицами, в одежде соответствующей специальности: летчик, врач, моряк, шахтер, артист, банкир... Вообще уже непонятно, что рисовать. По колено в монетках?

— Нет, ма, я же не говорю, что я против, только...

— Что, Мариночка?

— Странно как-то. У меня ни одной подруги нет, чтобы хоть у кого сестра или знакомая вышли бы за священника... На дворе — двадцать первый век! — передразнивая не то отца, не то какую-то передачу. — А меня папа — хочет выдать за попа! — вальсируя вокруг матери и переходя на стихотворно-напевный лад.

— Перестань! Риночка, овечка, бяшенька моя! Вот если б кто услышал, что ты тут болтаешь? Еще чуть-чуть подрастешь и тогда поймешь своей кучерявой барашковой головенкой... Господи, в кого ж ты такая у нас кудрявая?!

Уворачиваясь от руки, тянущейся погладить, дочь перешла на торжественную декламацию:

— Марина Вадимовна Сумерова венчается рабу божьему... Марина Вадимовна, несколько слов для прессы, объясните, пожалуйста, почему вы решили стать женой...

2

— Да потому что дурак твой папашка!... Хотя нет, конечно, не дурак. Но хитрый и жадюга — уж точно.

Подполковник Григорий Рейнин ткнул на кнопку, дождался выползания серебряного диска, похожего на чешую гигантской рыбы, аккуратно поставил — диски стояли, из экономии места или коробочек, голыми, с искоса их строй был и правда похож на чешую библейского гиганта Левиафана.

— Нет, — вспомнил Рейнин. — Отставить! Левиафан был кит, у них чешуи нет... Ох, Сумеров! И мизинцем не двинул без расчета. Может, и дочку планирует за какого-нибудь перспективного священника пристроить? Карьерного... Нет — чушь! Попы, которые с попадьями, только в приходах служат. Выше — назначают из этих... игумены, там, монахи... безбрачные. А Сумеров-то хотел что? — свою дочь, типа... архиепископшей? Или даже... митрополитшей?

Подполковник мысленно хохотнул, представив крушение дурацких планов

бывшего коллеги Сумерова, но через секунду заставил себя вернуться к реальности, стер с лица кривую ухмылку. Тяжелый вздох, возвращение к исходному раскладу: отставной генерал Сумеров хитрее многих. И банк себе к увольнению подобрал устойчивый. То и обидно: подполковник Рейнин к нему даже не просился, только проектец один предложил, а Сумеров его... вывел за скобки своего интереса, можно сказать, послал.

— Но мы еще посмотрим... Вишь ты, Кана! — хмыкнул Рейнин. — Галилейская!

Хотя смотрел так подполковник: и подсматривал, и подслушивал, и записывал, наращивая лазерную чешую на полке, уже почти четыре месяца. А докладывать, по сути, нечего. Сумеров — акционер и председатель правления банка. Из бывших коллег взял к себе троих, платит хорошо, но держит на посылках. Плюс какого-то кандидата медицинского, но это еще ладно... а вот бывший его подследственный из старого, развалившегося дела об изнасиловании на кой черт ему сдался?

3

— Геннадий Исидорович, статья готова, даже раньше на полдня... чем назначали. Вот, на флешке, файл: Театр-три. Третья версия, семь страниц. А вы не посмотрите? Нет? Жаль. Только заголовок у меня пока не придумался. Может, вы... в вашем... стиле...

Юная журналистка Альбина начала этот монолог в редакционном коридоре, стараясь догнать, обогнать и «подрезать» шефа, всучить ему флешку, но тот прибавил шагу и обернулся, уже подходя к дверям своего «предбанника», приемной.

— Ну а подзаголовок, Альбиночка, у вас... придумался?

— Да... О современном российском театральном искусстве, — сомневающимся, падающим голосом. — Как-то длинно, да? Может мне...

— Оставьте уж.

— Ну а заголовочек тогда?

Геннадий считывающим взглядом посмотрел на флешку со шнурком, улегшуюся на груди, высокой природно, но еще и вздыбленной черной подпругой бюстгальтера.

— Заголовок будет... Пропиваем наследие Станиславского.

— Блеск-блеск-блеск! Ну почему я сама не придумала-а?! А у меня еще два задания от Софьи Генриховны и колонка ответов на письма. Вы же обещали помочь, помните? И когда?

В общем, популярный коктейль «Редакционный»: восхищение идеей шефа, кокетливые сокрушения по поводу самое себя. Все взболтать, подавать — жеманно, со вздохом. Геннадий Исидорович «пить» не стал, переходя близ кабинета на режим самососредоточения.

Но вдруг, сманеврировав и ускорясь, Альбина первой схватилась за золоченую дверную ручку. За две-три секунды Геннадий так и не расшифровал: то ли она собиралась услужливо открыть элегантную стеклянную дверцу с табличкой «*Российский фокус. Главный редактор*», то ли, наоборот, решила не пускать его. Эта неопределенность и подвигла его на следующий финт.

— Когда? Когда вот здесь, — он указал авторучкой на ее живот, — будет бултыхаться не менее двухсот граммов коньяка. А вот здесь, — он описал вокруг фигуры журналистки окружность, как на леонардодавинчевском чертеже, — здесь из всех одежек-застежек будет только вот эта красная ленточка, с флешкой... тогда я и помогу нашей пери, нашей Тэффи, нашей...

Забегая, подобно коридорному маневру Альбины, чуть вперед, можно выдать

Геннадия Исидоровича: неопределенность, двойственность была его Культом, тайным стилем журнала, чаемым стандартом поведения, к которому он пододвигал своих сотрудников: так же неопределенно, неявно. И тиражи даже в трудные постперестроечные, постчернушные времена порой взбрыкивали, аж до тридцати двух тысяч, под общим негласным девизом: «Разоблачаем общественные пороки, смакуя оные». Дернув плечиком и отвернувшись на пол-оборота, она подождала пару секунд и отправилась по коридору почти победительной походкой.

Но на этот раз Геннадий Исидорович Лодкин отпускал растлительную реплику не в формате легкого редакционного трепа. Провожая удалявшийся маятник тугой джинсовой задницы, главный редактор принимал и принял одно важное для будущей журнальной жизни решение: да, он пойдет с Альбиной.

Назначено на послезавтра, пятнадцать ноль-ноль. Процедура привычная в эти времена (*О времена, о нравы!*): «Смотрины у нового хозяина». Банкир, ментовской экс-генерал, и купил их Издательский дом и почти сразу закрыл газету «Тема». Звезд там, конечно, не хватало, но... два приложения, почти сорок человек, только штатных, все — на улицу. Другим «активом» в Издательском доме был его журнал «Российский фокус». Уж второй раз за шесть лет Геннадию Исидоровичу предстояла эта, немного антично-работорговая, немного библейская процедура. «*Взвешен. Найден огонь легким. Царство твое передано персам*».

Прошлый раз, когда их журнал покупал цветмет-фабрикант и в душе главреда набухал такой же тяжелый комок, ему очень помог коллега Семен из «Русского шелкопера»:

— Берешь папку рекламных контрактов. Журнала много тащить не надо, экземпляров семь-восемь. У тебя номер, где эксклюзивное интервью с Ростроповичем, был неплохой. И обязательно берешь самую разбитную журналистку. Тут прокола не бойся. Ключет — журнал ему отдушиной станет, эдакой лоцией богемной жизни. А не ключет, так ты ведь приводил ее: интервью с ним делать: Новые горизонты, видение проблем, амбициозные планы, главное, чтоб разбитная, веселенькая была. И пьющая. У меня вон для таких целей Луизка Кошелева, автор, между прочим, очень толковых статей по московскому городскому хозяйству, Москомархитектуре...

И теперь надо входить повторно в ту же... бр-бр-бр, холодную воду. Оглядев длинный строй подарочных безделушек на подоконнике кабинета (дни рождения, годовщины журнала), Геннадий Лодкин застыл в позе примерного ученика: не растекаясь на нежных изгибах итальянского кресла, а столбиком, на краешке, руки аккуратно сложены, правая сверху, в готовности поднять: «*Марь Иванн! Я ответу!*» Секретарша, кроме имени-отчества, похожего, как считал Геннадий Исидорович, на позывные его школьной учительницы, имела и другие важные качества: те же пятьдесят с хвостиком, такой же усталый вид, и голос, и очки примерно похожей конструкции. Так что, пройдя по отделам и отпустив положенное число двусмысленностей и сальностей, он возвращался в кабинет и замирал, отдыхая в этой ученической позе: столбиком на краешке кресла, «руки на парте»...

— Марин Петровн! Пусть ко мне зайдет Альбина Терлецкая.

4

Вызванную журналистку Альбину в кабинет ввела секретарша Марина Петровна, словно не доверяя шефу. Вводить, сопровождать было принято только каких-нибудь важных гостей. Сотрудники, получая кивок секретаря, входили сами. Но

уж такова была Альбинына аура, что и сейчас в вошедшей паре его «Марин Петровн», секретная копия мудрой учительницы Марь Ивановны, вдруг показалась Геннадию Исидоровичу похожей на бандершу, «мамку», выводящую на запрос: «А можно еще посмотреть?» — свой живой товар...

«Точно, — подумал главред. — Она! И сколько в ней такого брызжущего... оптимизма!»

Геннадий Исидорович показал гранки статьи «Пропиваем наследие Станиславского», прошедшей обработку завотдела, Альбина мельком глянула, но, не найдя в тексте почти ничего знакомого, особо не расстроилась и с азартом выслушала новое журналистское задание.

— Понятно, Альбиночка?

— Абсолютно!

— Блеск! Ну, полный блеск! — это уже Геннадий Исидорович, но после пятнадцати минут беседы с Альбиной.

К заданию она была готова «абсолютно!» — но вот насчет «брызжущего оптимизма»...

В раннем разводе родителей она считала стопроцентно виновной свою мать. Академические высоты, достижения, широкая и даже общественно известная жизнь отца, конечно, были абсолютно несовместимы с ее ограниченностью, убогой зашоренностью. Отец, хоть и не желал видиться с дочерью (как она понимала, из-за риска увидеть хоть черточку ненавистной женщины), тем не менее сделал в ее жизни три важных дела. Это не считая алиментов, рост которых был единственной «данной им в ощущениях» проекцией его жизненного роста.

Первое дело: звонок — и ее приняли на факультет журналистики. Второй, через пять лет, тоже звонок — и ее взяли на работу в журнал.

Третий отцов знак был, скорее, *непротивление, недеяние*, в духе даосизма. Отец не возразил, когда она твердо решила взять его фамилию — Терлецкая. Мать сразу же после развода вернула себе девичью, под которой и растила наливающуюся здоровьем и ненавистью дочку. Отец, правда (а это был тоже телефонный разговор), сначала выразил сомнение: ведь в его семье сейчас подрастала Алина Терлецкая.

5

Года через три она разузнала школу, класс, где училась Алина Терлецкая. Потом пришла и посмотреть. Точнее, это была хитрая журналистская операция. Она только что закончила институт, пришла (по второму звонку отца) в «Российский фокус» и порадовала завотдельшу Софью Генриховну своей — с порога — инициативой: выдать статью об элитных московских школах.

Выправив журналистское задание, псевдоним взяла: «Альбина Стрелецкая» — чтоб директора школы не наводит на лишние сопоставления фамилий и учениц не смущать в беседе... И в назначенный день, включив диктофон, покорно записав все самоупоенные планы директрисы *одной из самых элитных московских школ*, перешла-таки к *настроениям детей*. Выбрала «наугад» одиннадцатый-а класс и наконец на перемене в группе подруг увидела ее...

Усмехнулась давнему видению: выносимой на руках из горящего дома Алинке. Настроив, как у нивелира, строго горизонтальный взгляд, Альбина сделала засечку на уровне пухлых Алиных губ: девочка была сантиметров на семь выше ее ростом, примерно той благословенной русской комплекции, когда, если надо, скинь

три килограмма — и в мировые модели! А пока эти три, ровным нежным слоем разлитые по телу, и есть: Защита от сухих Мировых Стандартов.

Главное, в чем убедилась Альбина: нежность ее, живая благодарность к сестре абсолютно неизвестно за что не исчезла.

Статья об элитной школе, хоть и с обильной правкой Софьи Генриховны, имела успех («такой добрый и внимательный портрет нашего нового поколения»), но в разряде успешных так и оставалась в одиночестве весь этот год. Далее из-под Альбиного пера выходила лишь дежурная ерунда, но это была уже проблема Софьи Генриховны: насколько она подпортила первую, настолько пришлось вытягивать последующие. Редакционные аналитики сформулировали версию: Альбина почувствовала, что слишком резко взяла, что удобнее быть вечно начинающей, купаться в помощи и снисхождении, сыпать всюду: «Блеск! Блеск!.. Дорогуша», косить под Монро, доказывая, что «и брюнетки могут...». Чему и общая шалавистость ее характера весьма способствовала...

6

Месяц по выходу журнала с элитношкольной статьей Альбина набиралась духу. Она была спокойна за первую часть встречи, легко представляла это шушание страниц на столике кафе, легкие взвизги радости, бурное щебетание... Но в чем Альбина абсолютно была не уверена — это в своей выдержке: ну какой из нее граф Монте-Кристо, полромана холодно несущий свою тайну! Даже представляя все шпионские выгоды сохранения своей псевдонимности, Альбина не надеялась провести выдержанную, отстраненную линию и... была совершенно права. Уже на второй чашечке капучино без сахара быстро во всем создалась, вытащив даже и паспорт с фамилией-отчеством...

Реветь они убежали в туалет и, изведя полдюжины бумажных салфеток из автомата, долго смотрелись в зеркало.

— А ты вообще... красивая такая!

— А ты станешь еще красивей! Поверь старшей сестре!

Сошлись на том, что больше всего похожи глаза, брови, мочки ушей и что об их знакомстве папе лучше пока не говорить...

7. Роман-донос

Я, податель сего, можно сказать, и предатель сего, Эдуард Васильевич Кумихин, психолог, кандидат медицинских наук, уже восемь месяцев «работаю» в полументовском банке.

О самих банковских операциях понятия не имею — с меня сто раз хватит и того, что пришлось узнать в связи с главным поручением, за которое уже девятнадцать месяцев получаю свои пятьдесят восемь тыщ, плюс премии по непонятному графику — бонусы, плюс «фольксваген» и бензин... Я — начальник отдела обеспечения. Да, еще у меня — оплата всего моего мобильного трепа, без ограничений, так что я мог бы и по сотовому рассказать всю эту историю, да некому позвонить.

Не затягивая, скажу: мой единственный объект — Игнат Жданов. Автор всей комбинации, хитро сведшей, сделавшей нас с Игнатом коллегами по отделу и «друзьями», — лично хозяин банка, Вадим Сергеевич. А выпала Игнату честь такая, что зовется с ним долларовый миллионер, рублевый, может, и миллиардер, вслед-

ствие ненароком раскрытой его, Игнатовой, странной личной способности. Мы пока не определили, не замерыли: излучает он или испускает то что я здесь для краткости назову: Вещество Веры. Рабочий термин.

Вадим Сергеевич Сумеров поймал Игната на этом, допустим, феномене два года тому назад, когда работал в ГУВД.

На квартире Игната двое его друзей изнасиловали женщину, то есть — девушку, то есть кем/чем она была/являлась до попадания в квартиру, — это и было одним из вопросов следственного дела. Плюс два сопутствующих обстоятельства. Отец девушки Жанны оказался депутатом. Правда, Мособлдумы, но с финансами, связями не слабее, чем — Гос. А один из той пары весельчаков, Павел, оказался — рекламное лицо крупной страховой компании — назвал бы, но — Закон об антирекламе (ха-ха!), скажу только: из первой тройки. Их сорокапятисекундная рекламная сказка со счастливым страховым концом транслировалась на центральных телеканалах уже года полтора, бюджет акции — можно представить. Равно как и возможный эффект, когда конкуренты по первой страховой тройке или кто-то еще, стремящийся в их число, вдруг запустит серию скандальных репортажей. И окажется, что «лицо компании», тот молодежавый красавец, протягивающий с добро-снисходительной улыбкой бедному семейству рулончик спасительного полиса... матерый уголовнище, насильник?! Не допустят, конечно, такой ерунды — под него вон даже выправили линию сериала на НТВ. Там у них было, ну все как положено, негоддяй на негодяе, но где-то начиная с триста восемьдесят пятой серии один продажный оперативник, начал (когда игравший его Павлик попал в «рекламные лица») потихоньку сопротивляться диктату всемогущей мафии.

Так что свидетель, журналист (малоизвестный) Игнат Жданов, в юридической битве столь высоких заинтересованных сторон мог оказаться: лжесвидетелем, соучастником, организатором и даже единственным исполнителем, да кем/чем угодно. Подследственным Жданов в итоге стал, месяц в Бутырке. Друзей своих Игнат явно покрывал, но проверка на полиграфе, «детекторе лжи» показала: чист, и все его слова — чистая правда. Ну а «самое-самое» началось, когда ему дали поговорить с потерпевшей Жанной, рекламным другом Павликом и вторым приятелем. Очные ставки проводились без тех предосторожностей, которыми Игната окружили сейчас. Кто бы тогда знал! Да и на сегодня про этот феномен знают, как я предполагаю, три-четыре человека.

То ли в шутку, то ли в качестве «контрольного выстрела» полковник Сумеров сказал ведшему дело капитану: «Ты еще расскажи мне, что это трое марсиан прилетали на тарелочке и трахнули эту... мособлдепутатскую идиотку!»

Уже тогда подозревая кое-что, Сумеров сымитировал обычный начальственный гнев, швырнув папку «Дело № ...», ну, не совсем чтоб в лицо, но близко-близко в сторону капитана. Лично пообщаться с Игнатом Ждановым он не пробовал, точнее, даже избегал этого, ограничиваясь просмотром видеозаписей допросов, экспертиз, очных ставок.

Нельзя сказать, что собеседники Игната сходили с ума или даже просто получали какие-либо психические отклонения. Рекламно-страховое лицо Павлик, его дружок и потерпевшая Жанна прошли полное психическое обследование с самым мажорным диагнозом. И следовательно, капитан Семионов, на следующем докладе был совершенно нормален, хотя и пришел с новыми полиграммами, утверждавшими истинность версии про *«двух гуманоидов розовато-сиреневого цвета, ростом чуть ниже среднего по Центральной России, с немного индонезийскими чертами лица, дружелюбными жестами убеждавших Жанну Рябову пойти на первый межпланетный контакт, но, не добившись согласия потерпевшей, приступили».*

Психологически весьма достоверным был тон доклада: капитан и сам принял «марсиан» единственно правильной версией, хотя лично ему было стыдно. Как в армии: офицер вроде и уверен в своей невиновности, а все равно неприятно перед вышестоящими, что стихийное ЧП имело место именно на территории вверенной ему части. Теперь «марсианская банда» насильников еще много чего натворит, и капитан Семионов искренне переживал, что он их не поймал, что оказался точкой их первого прорыва... эдаким... «Гагариным наоборот», «пассивным космонавтом» (его собственные выражения), на чьем участке ответственности злоумышленные инопланетяне впервые вырвались на оперативный простор... Врачебная экспертиза и по Семионову показала: нормален, абсолютно нормален. Но так же абсолютно: он верит и в марсиан-насильников, про которых ему наплел, с его же полуподачи, свидетель Жданов...

Шила ведь в мешке не утаишь, и семионовские «гуманоиды розовато-сиреневого цвета, ростом ниже среднего по Центральной России... с индонезийскими чертами лица... убеждавших Жанну Рябову...», стали главным анекдотом управления. Еле сдерживая ухмылки, коллеги подходили к Семионову, сочувственно спрашивали: «Слушай! А может, и правда — то индонезийцы были? Гастарбайтеры какие-нибудь? А розовато-сиреневыми стали от портвейна нашего». Так что подверглись капитан повторной экспертизе через полгода — его нормальность уже не была бы такой «аксиомой»

Как бывший научный работник я должен признать, что два первых шага, столкнувшись с этим феноменом, генерал-милиционер Сумеров сделал мгновенно и абсолютно правильно. Вот как представляю лабораторию своего НИИ, допустим, получившую на исследования этот случай устойчивого преодоления детекторов лжи, и тут... должен признать (из-за чего и мой раздраженный тон): наши ниишники лет пять бы ходили вокруг да около, «сердцебиение, потливость, дыхание, адреналин, надпочечники...», замеряли бы то да се, в общем, все замеряли бы всё — на что есть соответствующие приборы замерять... Начертили бы сотню графиков «выброса адреналина в кровяное русло», «снижения амплитуды по каналам верхнего и нижнего дыхания вследствие расширения бронхов, каковое в свою очередь — следствие повышения концентрации адреналина», «увеличения концентрации CO₂ в крови, воздействия на хеморецепторы и последующего нарастания амплитуды при ответе на значимые вопросы...».

Тут и задумаешься: что вообще значат эти наши отдельные лестнички ученых званий, степеней. Ведь этот мент, по сути, гораздо умнее, креативнее член-кора Никодимова, директора НИИ и прочая, прочая... Посмотрел пристально (или как там они смотрят) и рубанул вполне по-архимедовски: Игнат Жданов... просто верит всему, что говорит! В определенный эмоциональный момент речь Игнатова становится — чистой Верой. Наши обиходные словосочетания «убедительный тон», «он говорил убедительно» в случае Игната получили уникальное, буквальное, замеренное полиграфами значение.

И вторая догадка Сумерова была убийственно проста и точна: влияние Игната передается слушающим, практически без потери качества, но далее — Реципиенты, принявшие порцию его Веры, сами быть донорами не могут. Вроде бы. То есть они верят, но далее, как Игнат, передавать Веру — не могут. Как сказали бы физики: «Цепной реакции нет». Или «наши» биологи: «Не заразно».

А сегодня мы спокойно и осторожно замеряем эту «Ауру Жданова». Выдаем вороха таблиц вполне научных, близких к здравому смыслу данных. Оказалось, для

достижения «игнатовского эффекта» требуется: от трех до двадцати минут разговора на близкой, метр-полтора, дистанции. Женщины более восприимчивы (вполне понятно), мужчины менее, мужчины с аналитическим складом ума — еще менее. Вначале рабочей версией было излучение, лучи, но Сумеров мрачно пророчил: «Вещество. Ловите, идентифицируйте газ, или микрокапли какой-то взвеси, или микрочастицы, или... наночастицы — сегодня даже актуальнее». По аналитическим способностям Сумеров выбрал и поставил меня во главе группы, можно сказать — научного кордона вокруг Игната. Уж я судьбу «уверовавшего», подпавшего капитана Семионова не повторю. И не доставлю подобной радости козлине этому, Румянцеву.

«Эффект Мидаса» и некоторые предосторожности

Антично-научное название — моя придумка, но суть эффекта, еще раз признаю, вычислил Сумеров. Получается, сам Игнат не может даже и догадаться о феномене, ведь для этого нужно суметь глянуть на свое «исходящее» — критически, а для этого утратить в них Веру, но для этого суметь глянуть... а для этого...

В общем, Игнату так и суждено купаться в Океане Чистой Правды и Веры. Напомнил он мне царя Мидаса, превращавшего своим прикосновением все — в золото. Но античный испытуемый, как известно, умер от голода, ибо еда, коснувшись его уст, тоже становилась золотом, а Игнат Жданов имеет перспективы более радужные. Не очень пока понятные, но точно нефатальные. Не сомневаюсь, они еще поладят, сойдутся на точке взаимопользования: литератор-«гипнотизер» и мент-банкир. Просто удача, синяя птица в руки бывшему поэту, а может, и просто графоману, перебивавшемуся заказными статейками в журнале «Российский фокус» да еще — щедротами друзей, пользовавшихся его квартирой (трехкомнатная, четыре минуты пешком от «Новослободской») в случаях, подобных тому, с облдепутатской дочкой... плавно, а затем наверняка и... ритмично (видел я эту Жанну Рябову!) перетекшему в уголовное дело...

8

Андрей Румянцев не стал далее тянуть свой комментарий к выкраденному (скачанному без ведома хозяина) дневнику Эдуарда, и файл его пояснения на флешке, которая еще дойдет до Сумерова, был в десять раз короче исходного кумихинского. В этой ситуации и во многих других, о которых будет речь, он был симпатичнее своего визави.

Единственно, что извиняло, объясняло раздраженный тон кандидата наук Эдуарда Васильевича Кумихина — незадолго до этого он убедился: новоназначенный ему сотрудник Румянцев не биолог, не психолог, не имеет вообще опыта научной работы. Бывший компьютерщик из МВД и назначен, понятно, шпионить за ним.

Сумеров успокаивал их, организовал даже некое торжественное, в комфортной обстановке загородного ресторана собрание втроем. Внушил им, что специфика работы требует взаимного (подчеркнул) перекрестного контроля. Ведь случайно подпавший под ждановское излучение сам того заметить не сможет «по определению». Второй из них и должен обнаружить это. И, конечно, сразу сообщить, но какое ж это «стукачество»?! Вон и водолазы работают — только по двое. Какой будет исследователь, если он сам станет рупором, ходячей проекцией объекта нашего изучения?..

9

Исследуемый Игнат Жданов вовсе не сидел в лабораторной клетке, под контролем Кумихина с Румянцевым, где-нибудь в подвалах сумеровского банка или загородного дома. Проживал после Бутырки в своей квартире на Новослободской, работал у Сумерова в банке. Излучающий, (или испускающий) Вещество непобедимой веры, сам Игнат был или стал человеком сильно внушаемым, доверчивым крайне. В его новом мире царил «Спаситель» — Вадим Сергеевич, вытащивший его из узилища, спасший от семи-восьми-десяти (или насколько еще мог «продать» судей разъяренный отец Рябовой) тюремно-лагерных лет. Выправивший его здоровье: месяцы в буйной камере стоили Игнату двух выбитых зубов, сломанных ребра и пальца, психических травм.

Мало того, Вадим Сергеевич взял его к себе в банк, предложил интересную, творческую работу: придумывать, разрабатывать различные рекламные лозунги, образы и исследовать, насколько они удачны, сильно ли влияют на людей. Редкостно великодушный экс-генерал Сумеров взял на себя и защиту бывшего своего подследственного: не нашедший юридического удовлетворения мособлдепутат Рябов вроде бы собирался отомстить приватно, и тут очень кстати оказалась идея поселить пока у Игната на Новослободской крепкого парня, нового коллегу. Андрей Румянцев оказался к тому же коммуникабельным, веселым жильцом. И очень благодарным, его выигрыш был: не мотаться каждый день к себе в Подольск и обратно. Прежние друзья своим поведением во время следствия очень разочаровали Игната, а теперь... «Новый старт, вокруг — все новое. Сыплется как из рога изобилия. Мне давно был нужен новый кусок жизни».

Выбрасывая кусок жизни предыдущей, он будто вычел его и из паспортно-анкетных данных, будто помолодел, и двадцативосьмилетний Андрей казался ему почти ровесником. А уж другом, собутыльником — без всяких «почти».

Под статью была и новая работа. Иногда, правда, Игнат опасался, что этих рекламных исследований, нейролингвистических стратегий, слишком много для их Инвесткредо... и вообще для любого банка и эта лавочка может закрыться. Но Вадим Сергеевич объяснял, что он будет продавать рекламные продукты другим банкам, торговым, страховым, девелоперским компаниям, политикам и вообще поставит это дело на поток. И уже полностью раскрепощая Игнатов творческий полет, шеф объяснил ему, что эти вкладываемые в мозги образы, лозунги необязательно должны быть благостными, в духе той сорокапятисекундной сказки, где рекламным лицом подвизался его друг Павлик.

— Нет, Игнат, фонтанируй, диктуй что угодно, в конце концов, ведь и антирекламу можно продать. Допустим, конкурентам. А где реклама, там рядом и сопутствующий товар: PR, пиар. Те ж байки, но не шампуни-йогурты, а про людей. Позиционировать какого-либо персонажа — опорой страны или, наоборот, полным подонком... В общем, Игнат, как говорил твой коллега-поэт из эпохи социалистического реализма: «Твори, выдумывай, пробуй!» А вот плановой выработки, норм, в отличие от социализма, никаких. Разрабатывай любой «контент». Пересказывать каждую новую придумку начальству? Не надо, не надо!.. Зачем?! — достаточно фиксировать идеи на компьютере, а потом рассказывать испытуемым, представителям «целевой аудитории» и смотри: нравится ли? верят ли они? Можно пройтись и по каким-то общим проблемам народного менталитета. Ты же был известным поэтом почвеннического или даже патриотического направления, Игнат Жданов! Ну и как тебе сегодня... допустим, это засилье импортной всякой рекламной липучки, брен-

дов этих самых?! Разве не вызывает желания шмякнуть по ним? Пробуй. Стреляй вообще «по всем азимутам»!

Неожиданным продолжением, возможно, этих самых планов стала покупка Сумеровым Издательского дома с журналом «Российский фокус», где до этого дела как раз и работал Игнат.

Дивясь такому совпадению и порядочно опасаясь встреч со старыми знакомыми и воспоминаний, Игнат катался на удобном офисном стуле по громадному залу их отдела, уклончиво названном — «Отделом обеспечения», где под руководством Эдуарда Васильевича Кумихина и проходила работа по созданию и опробованию рекламных образов и лозунгов.

По полям многих страниц, накрывая и аккуратные рядки распечатанных текстов, тянулась ручная синефломастерная вязь:

- Носишь «Рибок» — получишь грибок.
- «Кнор» вкусен и скор, но — вызывает запор.

10

— Надолго, Андрюш?

— Минут тридцать мне надо, Вадим Сергеевич. Вообще-то я и распечатал кое-что, но без комментариев это будет не совсем ясно... Я вычислил его. Со всей достоверностью.

«Его» означало, конечно, Кумихина. Антагонисты работают, как угольный комбинат, «выдают на-гора». Сумеров мельком оценил папку в руках Румянцева: страниц пятьдесят.

— Ладно, в дороге расскажешь, мне надо к другу одному в гарнизон съездить, под Солнечногорском. — Сумеров проследил скошенный взгляд. — Андрей, да какие тут конфиденциальности, секреты!.. Ну ладно... Василий, — подходившему водителю, — я сегодня сам поведу. Свободен.

Вывернув на третье транспортное кольцо у Беговой и пристроившись в относительно спокойный ряд, Сумеров выдохнул:

— Ну, Андрюш, выкладывай тайны своего мадрит-едрит-ского двора!

Но сразу включиться, окунуться в поток «разоблачений» он был не готов.

— Вот секреты твои! Отпустил Василия, а я ж, между прочим, после всех дел в гарнизоне очень рассчитывал опрокинуть пару рюмочек со своим другом Колей, сто лет не виделись! Думаешь, какой пустяк! — но я-то Колины рюмочки знаю, многие их называют — стаканчиками. И я уже не рискую, нет.

— Вадим Сергеевич! А обратно я могу повести. И махнете свои рюмочки. Но дело сейчас важное. Я вычислил его... и распечатал.

— И припечатал. Ну, давай.

Андрей зачитал основные пункты «Роман-доноса» Эдуарда Кумихина. Но Сумеров не «загорелся», его почему-то больше заинтересовал способ получения Румянцквым этого «компромата», и пришлось погружаться в сугубо компьютерные подробности, как программа-жучок, впрыснутая через флешку на домашний кумихинский ноутбук, срисовала все текстовые файлы и тем же путем вернулась в отдел, тяжелой трудовой пчелой, с медосбора. Эта сугубая виртуальность, отсутствие физических взломов совершенно успокоила Сумерова, а к собственно содержанию «Роман-доноса» он особых претензий не выразил.

— Это ж я ему и советовал. Вести типа дневника. Понимаешь, Андрюш, на его

месте, встречаясь, разговаривая каждый день с нашим феноменальным Игнатушкой, совершенно необходима такая мера отстраненности, итоговый взгляд со стороны. По нему ты и сам можешь распознать, сравнивая, например, со страницами двухмесячной давности, подпал ли ты под Игнатушкино облако, заговорил ли ты его речами.

— Вы...

— Да, сказал ему, пусть хоть роман об этом напишет. В свое время, говорю, можешь хоть опубликовать. Прославиться! В свое время... сейчас-то это — чистая фантастика, все равно никто не поверит. Как же — вся Вера у нас. Под замком! — Сумеров хохотнул, как бы цитируя свой хохот в разговоре с Кумихиным и одновременно расцветивая текущий разговор с постепенно прозревающим Андреем Румянцевым.

— Сейчас не поверит никто, а потом какая уж разница... — когда все будут верить всему! И тебе, Андрюша, посоветую: пиши тоже, фиксируй, формируй свой взгляд на эти наши... приключения, со своей стороны. Вот ты сейчас мне изложил, но пойми, у меня ведь нет времени каждый, допустим, день так вас заслушивать. А ты веди свой дневник, фиксируй, можешь там и комментировать кумихинские перлы. Пиши, пиши, Андрюш, бумага терпит...

— Кремний.

— Что?

— Вы только, Вадим Сергеевич, не думайте, что мне тут надо было подсидеть Кумихина. Да мне, честно скажу, сто раз насрать на его должностишку. Просто мы... просто Игнат — мой друг, настоящий. И даже не в этом дело! Ему столько пришлось вынести! Сами же знаете, что на него свалилось. И он при этом остался таким доверчивым. Я ведь долго уже наблюдаю: это ваше искомое Вещество Веры, он ведь его не производит, чтобы нам доить его как корову, а он...

— Что — а он?

— Он будто его ретранслирует, фокусирует. Вы и сами-то видите, как он вам, например, верит. Если эти ваши молекулы, Вещество Веры и есть, то они, по-моему...

— Ну-ну. — Сумеров и не считал нужным скрывать заинтересованность. — И они...

— Они — всюду. А Игнат их... как бы фокусирует, как линзой.

— Вот и прекрасно. Вот тебе и задание на ближайшие... — задумался, воображая объем, — на три недели. Возьмешь у Кумихина три тома: «Заратустра», «Рональд Хаббард» и «Григорий Грабовой». Там самое полное досье, какое может быть. А Хаббард, это американец такой, саентологию придумал. Изучи и сопоставь: как они говорили? Перед какой аудиторией: число, социальный, половой, возрастной состав? На каком расстоянии люди сидели? Под каким углом смотрели? То ведь, похоже, тоже были мощные... фокусировщики. А Хаббард еще и через прессу ухитрялся, как ты говоришь, фокусировать. Фокусничать. А с Грабовым, если что, можно даже и личную встречу организовать, он, кажется, в мордовских сейчас лагерях.

— Служу России! — Андрей, подражая строевому приему, вытянулся в кресле, задрал подбородок.

— Встать в строй! — принял шутку Сумеров. — А Кумихину я правда не приказывал оформлять свои записки именно как «Донос», это уж его собственные, личностные... оттенки.

— Ага. Значит, и все его комплименты в ваш адрес: «креативный» и «умнее директора НИИ членкора Никодимова», это все — в расчете...

— Ну, наверно, не без расчета...

— А ваш, Вадим Сергеич, расчет? Я же никогда не спрашивал дальше текущих заданий. Но вы ведь и сами предполагаете, что ваш сотрудник что-то же сам думает, прикидывает. Размышляет, так сказать, факультативно. Невозможно же поверить, что такой феномен, какой... сейчас в вашей власти, — против желания Румянцева несколько выделенным оказалось слово «сейчас», — и будет запряжен в какую-то фирмочку — по предоставлению услуг: тренинг по обману каких-то детекторов лжи. Ведь тут же дело... почти... религиозное!

— Во-первых, зря ты так пренебрежительно о какой-то фирмочке. По-моему, так — сломать детекторы лжи, свалить всю эту индустрию, всю отрасль — вполне «религиозное», даже богоугодное дело. Медали с тобой получим от Патриарха и Папы Римского. — Он замолк, словно воображая процедуру награждения. — Да, и от Папы. А от других-прочих... вряд ли. Им, сектантам, детекторы лжи как раз и нужны...

11

Часа через четыре, когда они возвращались домой и шереметьевские ориентиры, взлетающие и планирующие самолеты поменялись местами слева направо, разговор продолжился, правда, не совсем в духе, на возможность которого намекал Сумеров: «туда». «обратный». Сумеров если от Колиных рюмочек и размяк, то где-то очень глубоко внутри.

— Так что, Андрей, можешь мне пока на Кумихина не жаловаться. Выцыганивай, скачивай его дневники, складируй у себя — все правильно. Мне неси — если только что-то интересное, так сказать, выбранные места. А вот что может быть понастоящему интересным — в этом, надеюсь, я тебя сегодня немного продвинул? — Андрей, не отрываясь от дороги, кивнул.

— Я ведь наблюдаю, Андрей, ваше с Кумихиным «кто кого?». И Игнат канатом между вами. Кандидат наук, психолог, девять лет работал по тематике отечественных полиграфов, нейролингвистике. А Эдик, кстати, — второе поколение научных сотрудников, отец его кто-то там... И ты — старлей милицейский, отставной, отец — шофер, мать — парикмахер. Но — более душевный, интуитивный психолог, да? И, по-моему, твои шансы — чуть выше. Игнат Жданов, он, ты что думаешь — абсолютно не осознает своей особенности? Что он теперь, как его Кумихин обозначил, стопроцентный царь Мидас и все, что он говорит, его Чистая Вера? А может, он это как-нибудь и возгоняет в себе? Входит в раж? Тигр, часто показывают, бьет себя хвостом, доходит, и потом уже — чистая ярость... Но это я так, Андрюша, тебе к размышлению...

Звонок мобильного, и Сумеров после нескольких напряженных, выжидательных «да» погрузился в долгое слушание, дав Румянцеву время для обработки сегодняшних впечатлений и «вводных». Поездка в гарнизон и, главное, этот их — «Генетический страж», Альберт Григорьевич Нартов, конечно, дали пишу размышлениям. Андрей будто снова «прокрутил пленку», пытаясь вспоминать «замедленно», раскладывая впечатления по полочкам...

Еще по дороге туда, скосив взгляд на вгрызающийся в атмосферу шереметьевский лайнер, Сумеров, предупреждая возможные удивления Румянцева, уделил остаток пути до гарнизона развернутому предисловию, объяснению, включая даже и автобиографические моменты.

— Едем мы в гарнизон к Коле Василенко. Их пвшное вооружение давно сняли, распилили, переплавили, нового пока нет, но военный городок как боевую единицу

сохранили до лучших, — усмехнулся, — времен. Там сейчас склады, коммерсантские, а полигон сдают киношникам, для съемок батальных сцен, вместе, кстати, с личным составом для массовок. В общем, выживают, как могут. А сегодня к Коле заедет и Алик Нартов. Компания у нас давняя была, с Суворовского училища, новочеркасского. Нас тогда с Володькой Маникеевым во внутренние войска сагитировали, а Колю с Альбертом — вот в войска ПВО. Нартов уже лет семь как в отставке, он самый у нас — пассионарий, живчик. Я тебя так и так собирался с ним знакомить. Для важного проекта одного, очень нужного. Только ты не удивляйся сразу тому, что он будет тебе рассказывать... поверь, из нас четверых, считая и генерала Маникеева, Альберт самый мощный, у него связи... в общем, его и на самом-самом верху, — Сумеров кивнул, но «верхний» кивок получился на зеркальце заднего вида, — Нартова очень хорошо знают и к идеям его — внимательны. А проект очень важный, что я хочу тебе поручить, он касаться будет... президентской администрации, да-да. Так что сегодня не пугайся, послушай его. Душа у него — неумная, но светлая...

Зайдя в кабинет командира гарнизона и застав у него, как планировалось, Нартова, Сумеров представил своего сотрудника, ткнул и громко объявил: «А не наливать сегодня — ему!» Это звучало еще и как приглашение поскорее налить всем остальным, что и было проделано. В какой-то момент Сумеров вышел с командиром поговорить, «натравив» Нартова на своего сотрудника... Если в страдательном восприятии нынешней жизни он не особенно отличался от однокашников и сослуживцев, то по набору «болевых точек» Нартов был исключительно оригинален. И все, что он говорил уже, наверно, сотню раз, в том числе и в самых высоких кабинетах, Нартов «вывалил» и на Румянцева...

Подурнение нации — вот главное, что его занимало, заботило, бесило, порою просто убивало. И не только как проблема дня сегодняшнего, но, главное, в измерении — «Нация, Генофонд, История, Будущее». Он придвинулся к Андрею и начал:

— Меня еще в восемьдесят, не помню каком, году, еще при Меченом, просто как обожгло. Тогда показали первые конкурсы красоты, и девушки наши по миру побежали... Тогда меня и ударило: «Гены, геномы!» Ведь издавна признавалось: мы же красивая нация. И женщины наши это несут. У меня полное историческое досье. А ведь красота нации... если подойти арифметически, даже... среднеарифметически — что получится?! Если все красавицы вот так полетят, то скажи, кем мы станем через поколение-два? А там и ученые поехали, и хоккеисты. И ведь тоже — не только физическая статья, но и «все красавцы удалые»! Да мы же не просто дурнушным — мы чахлым и уродливым народцем станем! Лес новый вырастет, нефть, газ поищут — еще найдут! Это все — тьфу!! — Часто бывало, особенно если Альберт Нартов доходил до этого места своего плана в состоянии подпития, — в стену летели пепельница или стакан. — А они, с... Они же... вот так нашу красоту в генах к себе всю вывезут... Как я мечтал стать диктатором! Железным диктатором — но только по одному пункту, о чем тебе и рассказываю. А экономика эта... вывоз бабок, Совместные Предприятия — да хоть подавитесь!! Тут хозяйский инстинкт раньше проснется. Раньше, чем все разворуют. И все потоки финансовые, и прочего дерьма потоки — все выправится, все здесь заработает. Вот только для чего?! Нам-то что тут останется делать?! А там будет... ты представь: сидят эти юные америкашечки, лопочут по-своему — и зыркают по сторонам — своими красивыми серыми, синими и карими! — своими... НАШИМИ глазами! Селекция... У-ф. Вон Петр Первый за янтарную комнату подарил королю прусскому три роты солдат-великанов. По два метра с лишком. Тот прусак тащился с них просто. Ну и где теперь та янтарная, хрен ее в душу... комната? А мы все, ВСЕ мы — стали чуточку ниже...

12

Отец Мефодий, выслушав рассказ Галины Антоновны, жены банкира Сумерова, был на этот раз порядочно сбит с толку. Знакомы они уже лет двенадцать, после гибели на Кавказе их старшего сына, лейтенанта внутренних войск Сергея Сумерова.

Сегодняшний рассказ Галины Антоновны не был собственно исповедью, она, стесняясь и борясь с собой, попросила просто зайти, поговорить, но по мере искренности это стоило любой исповеди выслушиваемой отцом Мефодием в храме.

Обрывки своих сведений Галина Антоновна передавала словами, еще ей самой малопонятными, так что отец Мефодий почувствовал сначала, что кто-то из этой тройцы: действующее лицо Сумеров, или рассказчица-жена, или даже слушатель, то есть он, грешный, что кто-то из них быстро сходит с ума.

«Настоящая революция», «Вещество Веры», порошок. Все будут верить во все — такое могучее средство теперь в руках ее мужа, Вадима Сергеевича.

Нет, он не хочет повредить церкви, может, даже наоборот, планирует этим помочь или, во всяком случае, не дать это оружие в руки различных сектантов... Но в том и был страх Галины Антоновны, что супруг даже и с лучшими, добрыми планами, вдруг может стать похожим на какого-нибудь исторического злодея, инквизитора и его «военная операция», самоуверенный «десант Веры», громко провалится, навлечет проклятия.

Диск с записью этой беседы — «Сумеров. 4 августа, 14 часов 10 минут. Дома. Жена и священник» — Григорий Рейнин ставил на полку в большом раздражении. Исповедовалась жена Сумерова очень быстро, сбивчиво.

13

Но немногим больше понял из этого разговора и сам отец Мефодий. Еще в Суриковском училище он однажды понял, что его картины ему самому не понравятся никогда. Друзья пристроили его в иконописную мастерскую, тогда много храмов восстанавливалось, строилось, работы было — на годы вперед. И нельзя было сказать в духе документальных фильмов, рисующих быстрыми штрихами «пути прихода современного человека в церковь», что, в отличие от прежних картин, его иконы ему нравились, были лучше...

К следующему шагу подтолкнул Аркадий, с которым они работали вместе больше полугода. Тот много рассказывал о Феофане Греке, водил показать иконы Благовещенского собора, а потом уговорил съездить на день в Новгород, увидеть Феофановы росписи храма Спаса Преображения.

Картина мира, мировой истории, ниспадающая фресками Феофана с купола, с верхнего светового барабана, со сводов и люнетов, конечно, поразит любого внимательного зрителя, но... с самого центра купола, из картины Христа Вседержителя — прямо на Мишу Гусева — строительным отвесом упал взгляд, самый строгий из всех когда-либо встречавшихся с его взглядом. Самый неотвратимый, стоящий совершенно вне длинного ряда когда-либо запечатлевшихся на холстах, бумаге, досках или камне, взглядов.

И в довершение впечатлений того дня Михаил краем глаза увидел подошедшую справа сзади тихую парочку. Девушка в белом платочке, устав от долгого задиранья головы, потрясенным шепотом полуспросила: «Да ведь Феофан Грек — он лучше даже Микеланджело! Сильнее потрясает, да?» Именно в тот момент он решил стать священником и уже через полгода был рукоположен во диакона. А незадолго

до получения священнического сана совершил странный маневр: пошел в загс, подал заявление и вполне официально поменял имя Михаил на — Мефодий. Пошли и размножились слухи, что он принял тайный постриг.

В Сумерове отец Мефодий давно чувствовал какую-то неудержимо накапливаемую энергию, сжимавшуюся пружину непонятого замысла. Случай, их познакомивший — гибель на Кавказе лейтенанта Сергея Сумерова, уже двенадцать лет лежал густой аморфной массой, так и не улегшейся в усиленно вырабатываемые сегодня формы, «подходы к изучению недавней истории страны».

Их бригада внутренних войск медленно выдвигалась из Моздока на Ведено. Почти все руководство, вплоть до ротных офицеров, вызвали на какое-то совещание в Ставрополь, а потом отправили догонять своих на вертолетах. И вроде на Сергеевой вертушке было пять полковников из Москвы, которых надо было прокатить по касательной этой всероссийской «горячей точки». Копия записи в журнале командира борта ложилась одним из листков в папку представления к наградам — «Участие в боевых действиях». И после этого поступление продовольственно-вещевого, денежного довольствия бригады, прямо зависевшее от московских полковников, становилось почти удовлетворительным. Среди мотивов к устранению пятерых штабистов могли быть и вполне коммерческие причины, ведь, по сути, они являлись крупными бизнесменами, а даже и в штабах «конкуренцию никто не отменял»... Одно было известно точно: ни одного выстрела из какого-либо оружия перед взрывом и крушением вертолета произведено не было. На том же борту был и зять генерала Маникеева: старшие когда-то давно пришли в ГУВД из внутренних войск, и второе поколение их «династий» начинало службу в одной бригаде. Всем бывшим на борту дали одним списком «За заслуги перед Отечеством» третьей степени, но... Сумеров получать в торжественной обстановке награду сына не явился, а потом подал и рапорт: «...состоять в одном списке с... считаю для себя недопустимым...»

На общих поминках Маникеев признался: «Задал ты мне, Вадим, задачку!» — но так и не пришел к определенному мнению.

— Конечно, у твоего Сереги был уже третьей степени, и эти козлы просто поленились заглянуть в формуляр. Но у моего-то — нет... А Гришка был же мне как сын. И я считаю — достоин, коли жизнь уже отдал. А смотреть в эти списки — это можно совсем потерять веру и в награды Отечества, и... вообще.

Сумеров тогда только пил да кивал: «Да, можно». «Да, потерять». «Да, веру. Да, вообще...»

При всей своей внутренней энергии Сумеров как тип, как «один из...» периодически вызывал у отца Мефодия еще и определенный поток тяжелых, грустных и горьких мыслей, и сегодняшнее признание Галины Антоновны усиленно напомнило о них. Сумеров представлялся ему — где-то в первых рядах того «железного потока» (забытый роман Серафимовича не вспомнился при этом и отцу Мефодию, но и так было понятно), в рядах железного потока людей, марширующих отсюда, может, даже из сердцевины девятнадцатого века, и потрясающего простых людей (отец Мефодий видел себя в их толпе — простых, потрясенных зрителей на обочине этого железного парада).

И какой же мощный дар силы, энергии! (а в том, что дар этот — часть какого-то божеского плана, он, «правильный» христианин, сомневаться не мог). Но и какая же при этом попасть безверия!

Вот «они» (тут мысль отца Мефодия воспаряла от Сумерова ко всем сегодняшним персонажам) признали «важность православия», стоят рядом в храмах, ува-

жительно беседуют, «искренне признают огромную позитивную роль в истории страны», строят часовни, но сколько же при этом глубинного, изначального фундаментального материализма... дохристианства, словно сейчас не 2011-й, а 33-й год от Рождества, и все надо начинать...

И встретил Сумеров сейчас какого-то юношу (Галина Антоновна неверно представляла себе возраст Игната Жданова) с гипнотическим или каким-то иным даром и решил свою материалистическую картину мира довести до конца, до итога. Что и Вера — поток лучей или молекул. Маркса с Дарвином ублажить...

И вот Сумеров сейчас найдет всему объяснение... И как же характерно, что там, в своей лаборатории, когда у его сотрудников была «рабочая гипотеза» о неких лучах, Излучении Веры, Сумеров был уверен, что все же это — поток молекул. Молекула — лучше луча, волны. Чего нельзя взвесить — того просто нет! И они там у себя, кажется, сконденсировали это «Вещество Веры» — порошок, порох, прах... Всё ведь «однокоренные слова» (русский язык в Духовной академии преподавался достойно).

Такие уж они. Такой уж ныне пошел «патриарх Ной»: сто лет работать будет, ковчег срубит, зверей соберет, загонит, семейство погрузит, но... люк за собой — закроет сам! *«Все под контролем!»* (Тысячи лет всех комментаторов библейских текстов потрясала и умиляла деталь: Господь собственноручно закрыл люк Ковчега за Ноем.) И поплывет, на досуге прикидывая удобную версию про Глобальное Потепление, растаявшие льды, уровень воды и этот точный... «прогноз погоды на столетие», выданный ему...

Так что и от кого услышал Вадим Сумеров? И как тут подступиться? — отец Мефодий тяжело вздыхал над своим торопливым обещанием Галине Антоновне.

14

В день «важного задания», совместного похода с главредом к банкиру, Альбина проснулась около семи утра в малознакомой квартире своего тоже не очень хорошо знакомого Александра. С чувством глубокой ответственности это раннее пробуждение связано не было. Хотя одной из первых мыслей ее «загрузившегося компьютера» и была: «Да! Сегодня же в три часа мы с главным идем к новому хозяину», но пробудила ее голая физиология.

А почему вчера из клуба она поехала именно с Александром — это можно будет вспомнить потом, это еще всплывет. Важнее было другое: ...так-так-так, какие-то крики за соседним столиком, потом какая-то неразбериха в их компании, визги, все поднимаются, взмахи рук и... бзынь! — в унисон с воспоминанием что-то потянуло, как присоской, на левой скуле, под глазом, потом это тянущее обернулось покалыванием, легкой болью и вспышкой: «Боже! Синяк!»

Она подскочила к зеркалу — темно, дернула шторы. Синяк, возможно, будет. А может, и нет, разъезжались из клуба они после трех, сейчас почти семь, еще не поздно приложить компресс. Она метнулась в кухню. Батарейки ее полностью перезарядились, готовность ко всему — Номер Один, за исключением, ах да... В холодильнике — стерильная пустота, единственная пачка дрожжей в дверце — тема разве что для будущей шутки: «Так ты, Саша, готовишь или гонишь?» В морозильнике — две упаковкипельменей и все. Даже ванночки для льда сухи, как в пустыне. Она потянулась к крану, и... вот это уж настоящая подлянка: шипение вместо воды.

Полотенце на пустой кухне, однако, нашлось, и Альбина, совсем не думая, что проявляет какую-то гениальную изобретательность, совершенно машинально под-

вязала под левый глаз три ледяных пельменя и потом проверила кухню повнимательней. Нетрудно это было, из всего имеющего хоть какое-то отношение к еде или питью была только пластиковая бутылка кока-колы, двухлитровая. Нет, этикетка уверяла, что там еще ноль двадцать пять литра — бесплатно. Но на этом действительно все. Деньги?! Да, деньги! Альбина бросилась в прихожую. Совершенно непонятно для чего, вспомнилось, что Александр ее называл холлом. Нет — паршивая прихожая! Запасная связка ключей от Александровой квартиры лежала под зеркалом. Спасибо, хоть это не забыл.

А вот и настоящая подлянка, в кошельке — только проездная карта. Из сумочки натряслось семьдесят копеек. И Альбина, как была — а было на ней только кухонное полотенце с подвязанным пельменным компрессом, — села на пол и горестно задумалась. Тысяч семь-восемь у нее вчера было точно. В клуб ее — зазвали (расходы исключались), ну, может, за такси платила она... это еще надо припомнить, но именно этот момент, полезный для восстановления всей цепочки упорно ускользал, не натыкался на вилы ее пронзительных усилий. В общем — одна, совершенно без денег, а к сильной жажде вдруг резким всплеском добавился и голод. Хоть это понятно: следствие вчерашних Андрюхиных самокруток с дурью. «Пробивает на жрачку».

Третий раз освежая свой компресс, меняя пельмени, она теперь подумала о них как о еде. Кастрюля-то была, но ни капли воды! Еще один круг по Александровому логовищу, и на кухню она вернулась с видом Архимеда, которому за важностью открытия было недосуг даже вспоминать свое кодовое «Эврика!». Быстро набулькала в кастрюльку кока-колы, включила плиту. Через две минуты, подняв крышку, она, ничтоже сумняшеся, бросила в кипящую багровую лаву щепотку соли и затем посыпала пельмени.

15

Не сразу, но... — разговор-то был долгий — Геннадий Исидорович понял, что использование молодых красивых журналисток в «формате Луизы из „Русского Щелкопера“» — в ближайший круг интересов их нового хозяина не входит. Но все ж, надо признать, план коллеги, главреда Семена, был полезен и к тому ж имел в своей блок-схеме ответвление и на случай непрявления секс-интереса.

— Альбина Терлецкая подготовит интервью с вами, Вадим Сергеевич, включая по возможности некоторые ваши программные заявления, ваше видение современной ситуации... Где ситуации? В обществе, в банковской, наверно, системе... в политике, в СМИ. Конечно, подключатся и лучшие силы всей редакции, и мы обязательно завизируем у вас все, вплоть до буквы и запятой. Поверьте, мы постараемся.

— Благодарю, — взял протянутый журнал. — Интересно-интересно. А вы... конечно же, в курсе, что... — несколько опережающий кивок Геннадия Исидоровича, — что с этого года в школах проводится проверка на полиграфах. «Принимали ли вы наркотики?» Пока учащиеся направляются на пэ-эф-э, психофизиологическую экспертизу, только по желанию, но как сами понимаете...

— ...Непожелавших — в пионеры не примут! — вдруг вступила Терлецкая. Неожиданно для редактора и в регистре юмора, совсем не свойственного «Российскому фокусу».

— Да-да, Вадим Сергеевич! — Главред сокрушенно скривил лицо. — Это, конечно же, важная проблема... репортажи... шприцы в школьных туалетах... это все ужасно.

— А вы хорошо представляете процедуру прохождения ПФЭ на полиграфах?
— Полиграфах? — опять подхватила шарик Терлецкая. Геннадий Исидорович почувствовал себя сеткой на пинг-понговом столе. — Это, как их, детекторы лжи? Да, было у нас журналистское расследование Машкино, Марии Кондратенко то есть. Она попросила и меня сходить за компанию. Боялась?! Да вы что? Наоборот, это ж такая скукотища, страшная! Там у них, в сеть парфюмерных бутиков «Ордынка-мезальянс», набирали новых сотрудниц, девчонок тридцать примерно, и закидывали их этими тестами. «Случалось ли вам когда-либо воровать?» «Пробовали ли вы выносить продукты из супермаркетов, не оплатив их?» «Употребляли ли вы когда-нибудь наркотики?» «Среди ваших знакомых или родственников есть люди, привлекавшиеся к уголовной ответственности?»

И мы с Машкой, представившись кандидатками, должны были со всеми проходить эти детекторы, чтоб потом расписать, очень ли это неприятно, когда тебя шерстят, очень ли унижительно или, наоборот, способствует лучшему самопознанию? Обвешали нас датчиками, липучками... Так вы представьте, Машку поймали на наркотиках — нормально, да?! А она ведь в жизни их не пробовала. Ни сном ни духом!

Геннадий Исидорович под этим потоком чепухи несколько раз в ужасе вжимал голову в плечи, но, взглядывая на Сумерова и с удивлением убеждаясь в его полнейшем и доброжелательном интересе, принимался кивать.

— Так, наверное, твоя Маша мучилась совестью, помнила ту затяжку, в клубе?.. — протянул Сумеров с пародией на назидательность.

— Да там и ползатяжки не... Да там в тот же день была и полная ржачка! На детекторной экспертизе ее еще спросили, — наверно, уже по приколу, или там есть типа отвлекающие вопросы: «Вы натуральная блондинка?» И она, представьте, бормочет: «Натуральная!» И тут детектор написал: «Правда!» Машка — природная брюнетка, стопроцентная, ну примерно как я, только у нее не выются, совсем. Она до этого красилась под блондинку, но как раз к тому моменту... тогда еще Игната арестовали, — Вадим Сумеров и здесь сохранил полную благожелательную безмятежность, словно сегодня впервые слышал это имя, — и она немного бросила за собой следить, ее черные отросли уже сантиметра на три от корней. Заметно — не то слово! С десяти шагов видать. Как шлагбаум.

Сквозь свой вроде бы и натуральный, но какой-то размеренный, дозируемый смех Вадим Сергеевич выкрикнул: «Три зеленых!» — и в тот же миг распахнулась дверь кабинета, секретарша внесла три чашки, похожие на перевернутые колокола с тянущимися веревками от «языков» — чайных пакетиков. Видно, селектор у Сумерова чувствительный, и можно говорить, не поворачиваясь к микрофону.

Альбине было, возможно, и наплевать на субординацию, но о минимальной вежливости в отношении главного редактора вспомнил — наконец! — сам Вадим Сергеевич.

— А о вашем, Геннадий Исидорович, бывшем сотруднике Игнате... м-м-м, Жданове, — да-да. Что бы вы о нем могли рассказать?

— Игнат Иванович Жданов в нашей редакции работал с... 1998 года, по... да, по март прошлого года. Ранее был известен как поэт. Ну, не очень известен... в общем, публиковался как поэт, эссеист, переводчик.

— Переводчик?! А он что, каким-то языком иностранным владеет?

— Не скажу точно. Но переводчик в этом случае, боюсь, не означает знания языка. Поэзию, знаете ли, была м-м-м, традиция... переводили с подстрочников.

Зачитывая эту «справку» как заведенный, Геннадий Исидорович тревожно прислушивался к растущему внутри, как опухоль, ощущению абсурда. Обычная ведь

процедура (в нашу эпоху) смены хозяина журнала! Вон Семен с Луизой, как серфингисты, перепархивают с волны на волну. Но почему же у него все не так? Какой тайный его, Геннадия Лодкина, изъясн превращает все вокруг в чистое сумасшествие? Пояснить? И зачем вообще он и я сидим здесь? Что ему до какого-то... Жданова?

— Ну, а непосредственно в вашем журнале чем еще проявился Игнат, кроме влюбления в себя журналистки Марии Кондратенко?

И опять подачу приняла Альбина, и втягивающий голову редактор снова почувствовал себя сеткой на пинг-понговом столе.

— ...Он был прямо настоящий... м-м-м... он был настоящее короткое замыкание!

— ???

— И он сам всем верил, и ему все верили... все, кому интересно было с ним по душам поговорить, и все это так быстро всегда замыкалось... ну вы понимаете...

Обида и недоумение Геннадия Исидоровича росли, соревнуясь. «Все, кому интересно было с ним по душам поговорить» — она это произнесла, сделав четверть оборота в его сторону. Будто и вправду главный редактор должен был говорить по душам с каждым... их полтора десятка в редакции и еще две сотни под дверьми — кандидатов, мечтающих. И зачем он потащил сюда эту шалаву? Эх, легко Семену с его вечной легковесной болтливостью.

— Вы говорите, Альбина, все верили ему. А вы сами?

— Я сказала, все верили, кто слушал, вслушивался.

— А...

— А я особо не вслушивалась. Зачем? Я его у Машки Кондратенко отбивать не собиралась!

«Бред! Ну, полный же бред! Если бы кто сейчас подслушал, о чем в России говорят председатели правления банков, покупающие солидные журналы!!» — Геннадий Исидорович часто чувствовал некую собирательную «Европу», как бы наблюдающую за ним.

— Уважаемый Геннадий Исидорович. Скажите честно, в генезисе названия журнала, ну, «русский» — вроде понятно... а «фокус» — имеет оптическое... или, может... цирковое значение?

Покраснев, как от пощечины, и поперхнувшись чаем, главный редактор отвечал несколько прерывисто:

— Ну, если вы, Вадим Сергеевич, так ставите вопрос... при таком выборе... то... скорее... да, оптическое.

— А вы напрасно обижаетесь, ведь во... втором значении «Фокуса» есть, согласитесь, какая-то внезапность, взрывчик, неожиданность, в общем. Вот и Станиславский, о наследии которого ваш журнал так позаботился в прошлом номере, он ведь, кажется, спрашивал своих: «Чем удивлять будем?» Я вот подумал-подумал и ваших смежников, газету «Тема», закрыл. Как раз поэтому. Неожиданности нет никакой. Точнее, она у них была, но... заемная. Или даже краденая. Вы уж извините, я ведь, знаете, служил по ведомству внутренних дел, поэтому поясню по-простому, не по-ученому, не по словам из вашей профессии.

— ...Одни говорят, что вы купили Издательский дом просто ради недвижимости, но другие уже не верят, ищут более дальние умыслы. Ведь вы, Вадим Сергеевич, могли взять здание, но саму газету не закрывать, подыскав новых инвесторов, даже продать ее. Коллектив там, конечно, разношерстный, но есть и здоровое ядро, газета печатается с 1989 года...

— Вот я... это ядро... и задулил в мировое пространство...

Увидев такой мстительный проблеск в глазах хозяина, Геннадий Исидорович

даже испугался, испытал тянущее книзу ощущение, подобно тому, когда однажды близ его застрявшего в пробке «мерседеса» началась жестокая драка: распахнутые зверские глаза, потные лбы, летающие кулаки и кровь...

— Я желаю, Геннадий Исидорович, чтобы буквально со следующего номера наш журнал занял другую позицию. Он должен наполниться материалами, пробуждающую у читателя Веру.

— Но у нас и так как раз с этого года публиковалось много материалов православной тематики. О храмах, о священниках, открывающих приюты... вот еще — епархия помогает наркозависимым, вот: «Современная молодежь и церковь». — Главный редактор начал, набирая уверенность, раскрывать журналы из принесенной пачки и раскладывать веер вокруг сумеровской чашки зеленого чая.

— Хорошо-хорошо, Геннадий Исидорович. Только я имел в виду Веру не в узкоконфессиональном смысле.

— Вы про четыре российских исторических религии? Так вот же у нас беседа с муллой Абдубакиром, а здесь, гляньте, о Далай-ламе большая подборка.

— А если посмотреть шире? Ведь у нас сейчас такое неверие и уныние идут об руку — тотальные. Люди не верят правительству, банкам, судьям, партиям, телеканалам, госкомпаниям, даже любимым киноартистам (вон перестали циркониевые браслеты покупать!), нацпроектам, депутатам, друг другу, даже себе самим. И задумайтесь, — если это такие разные, порой противостоящие друг другу организации, понятия, а люди не верят им — Всем, тогда, может, в другом, в нехватке Веры — вообще? Вы как думаете Геннадий Исидорович?

— Как-то странно вы ставите вопрос. Веры «вообще» не бывает. К перечисленным вами организациям, социальным объектам и персоналиям веры нет... порозненно. Партии, нацпроекты и банки утрачивали веру каждый сам по себе. — Тут Геннадий Исидорович почувствовал, что ступает на зыбкую почву.

— Ой ли! А как же известная заразительность чувств? Человек полюбил или поверил кому-то, чему-то и — на радостях готов полюбить, поверить всему окружающему, всему миру... Или, наоборот, возненавидел кого-то и весь мир заодно.

Решив, что с ним просто играют в какую-то чепуху, главред переложил курс к знакомой гавани:

— Вадим Сергеевич, но вы же наверняка хотите, чтобы «Российский фокус» был... — тут он поправился, — оставался еще и читаемым, популярным журналом, так? Значит, он должен отражать некие общественные реалии. И если, например, население не верит партии... ну какой-то из партий, — торопливо уточнил Геннадий Исидорович, — а мы начнем пропагандировать, утверждать, что эта, допустим, партия достойна только всяческой веры, — мы и свою популярность потеряем, да и той... партии вряд ли особо поможем.

Закрывая и передавая журналы, Сумеров чуть склонился в сторону Альбины и картинно потянул носом воздух:

— М-м-м, Альбина, ваша аура... это «Живанши», я угадал?

— Почти, — она потянула затекшим плечом, поправила бретельку, — это «Хьюго Босс».

— А кому это вы перед этим отвечали на эсэмэски?

— Сестре, — гордо выпрямилась Альбина и даже протянула телефон в сторону Сумерова...

— А кстати, еще о запахах. Некоторые журналы, насколько мне известно, вкладывают ароматные полоски духов...

— Ну да. «Космополитен» так часто делает и «Караван». А мы, по-моему, только один раз, когда с «Лореалем».

— И как же вы это все проделали? Вставили эти пакетики.

— Так это же еще на этапе типографии делается. Нам на отдел рекламы пришли от фирмы коробки с пакетиками, мы их полиграфистам переправили, и все. А нет!.. Еще Курдюмов туда выезжал, просто присмотреть, чтобы не растащили и чтоб вкладывали поаккуратнее, это же ручная операция.

— А вы, Альбиночка, эти пахучие пакетики, — почти вкрадчиво, — в каждый экземпляр, в весь тираж вкладывали?

Альбина снова удивилась, но теперь более конструктивно, пояснив Сумерову:

— Так в весь тираж вкладывать и не нужно! У нас же, как положено, есть своя ВИП-рассылка и целевая рассылка!

— ВИП?

— Ну да. У каждого нормального журнала есть такая картотека: адреса, телефоны всяких ВИПов, организаций начиная с Администрации президента, министерств, Госдумы, «Лукойлов» всяких. Туда, конечно, бесплатно и рассылают.

Сумеров и не скрывал своего запредельного интереса, радостно и как-то даже ошеломленно повторяя: «И действительно, зачем в каждый?! Есть же ВИП-рассылка!» Пару раз он глянул на Геннадия Исидоровича, — тот вежливо кивал, чувствуя необходимость подтвердить информацию, неожиданно оказавшуюся для хозяина столь важной.

— Альбиночка, завтра же занесите мне вашу ВИП-картотеку. Почитаем, может, — поправим, может, — пополним.

— Ладно. Только я считаю, зря мы это с «Лореалем» тогда затевали. Да, в общем, так ведь и вышло, что зря, да, Геннадий Исидорович? Надо было бы с «Живанши».

— А ты, Альбиночка, значит, у нас специалист по парфюмам? — игриво вильнул Сумеров.

— А вы, Вадим Сергеич, не похожи что-то на милиционера, даже бывшего.

— А чем же, Альбиночка, я не похож? — играя, изображая обиду, как с детьми, протянул Сумеров. Поднявшись, отошел, почти бросился к одному из шкафов, вытащил милицейскую генеральскую фуражку, надел, вернулся за стол и теперь, так же утрированно играя в позирование, повернулся к ней левым, потом правым профилем и еще раз... анфас. И Альбина мгновенно поняла эту игру, поддержала, на каждый сумеровский поворот делая своим фотоаппаратом в мобильнике снимки, как в папках уголовных дел.

— Ну... я это про ваши слова сегодня: «генезис», цитату из Станиславского...

— Так за то и уволили, Альбиночка, что не похож, что книжки читал. Возможно, для обозначенных перемен в тематике журнала потребуются и определенные кадровые перестановки. И начать я попробую со следующего. Вам, Альбина Терлецкая, я предлагаю занять должность заместителя главного редактора.

Даже и после всех сегодняшних зигзагов, пощечин Геннадию Исидоровичу сначала показалось, что он просто ослышался.

— Надеюсь, я не очень вас поразил этим кадровым решением? Да ведь вы и сами сегодня охарактеризовали Альбину Викторовну как самого лучшего вашего журналиста.

«Я?! Что, я сам и завязал этот узел?!» — бил в голову главного редактора тяжелый колокол.

— Ой, да не надо меня замглавредом! — Искренность стога Альбины сомнений не вызывала.

Геннадий Исидорович мысленно поблагодарил ее за лояльность, но Альбина в тот момент просто ярко, до судороги омерзения представила себя сидящей в ре-

дакции до одиннадцати каждый вечер! Над этими исчерканными журнальными гранками... она сидит, головой склоняясь до самого тына... рядом с лысиной Геннадия Исидоровича, старушечьим пучком Софьи Генриховны... б-р-р!

<...>

18

Подполковник Григорий Рейнин любил, ценил люфты самостоятельности, периоды между докладами начальству. Да, оно, начальство, верит в серьезность и перспективность идеи прошупать Сумерова, но пока у него нет своего точного мнения, ведь оно — это не кто-нибудь, а самолично генерал Маникеев. Можно представить его занятость! Так что пока — мнение по этому вопросу генерала Маникеева, всего управления, можно сказать — всего МВД, это его, Рейнина мнение. Как, собственно, и должно: дежурный по полку, ночью — командир полка. Рейнин, как и многие у них, прошел этап службы во внутренних войсках.

Маникеев давал добро на вполне, в общем, культурную операцию, на две микрокамеры: в гостиной и в кабинете Сумерова. Спальню, кухню, детскую комнату их дочери — не трогать.

— Товарищ генерал. Он учредил услугу: перевод денежных средств. Вроде обычное сегодня дело, за процент, а где за полтора гоняют деньги: Украина, Казахстан, Прибалтика. Но... Сумеров назначил, там преискурант длинный, за один вид операций — четырнадцать процентов! Бред полнейший! Ладно, это могла быть такая личная, домашняя шутка типа: я своей жене назначил бы ежедневный пропуск на кухню — тысяча долларов. Такой услугой с таким процентом никто, конечно, пользоваться не будет, не должен. Но у Сумерова нарисовался какой-то новый финансовый советник...

— Фамилия!

— Жданов Игнат Иванович. Он с ним на переговорах бывает постоянно, весь май–июль. И нашли же они таких клиентов, товарищ генерал, и не в желтом доме, а вполне солидные фирмы. Вот: фирма «Гастингс» — это девять гостиниц, еще один маргаритиновый холдинг, четверо застройщиков московских и один питерский, несколько страховых компаний, две крупные, включая «Декаданс-страхование». Но вот этот случай особенно хорош, посмотрите.

Маникеев несколько брезгливо разглядывал выписку с колоннами цифр:

— Ну и?.. ты давай поясняй, не тяни, что ты вечно!

И недонасладившийся паузой подполковник Рейнин добрал свою законную долю внимания, удивления, медленно, со старательной артикуляцией и по возможности без эмоций расписал генералу Маникееву сюжет поистине безумный.

Два бизнесмена, некто Мохов и Гальперин, оба — классический случай! — обретавшиеся в Москве, вдруг начали перебрасывать друг другу через сумеровский Инвесткредобанк некую сумму, практически это были одни и те же деньги, но таявшие с каждой транзакцией на четырнадцать процентов. Вначале это было двести тридцать восемь миллионов рублей. И так вот идиотически упорно, словно Сумеров со своим Ждановым в какой-то момент убедили их, что Инвесткредобанк — вообще единственный банк на территории всей России и СНГ, эти господа играли в свой странный пинг-понг. Три недели назад, 29 июля, Гальперин последний раз послал Мохову сорок семь тысяч сто шестьдесят пять рублей... — законная пауза...

— А может, это обналичка у них? Просто схему такую они придумали.

Это генерал Маникеев упомянул один хорошо известный всероссийский вид спорта. Бег в мешках от налогов. Переводишь на специальную фирму-однодневку безналичный платеж, с назначением... да хоть «Закупка замороженной свинины для Саудовской Аравии», и обратно тебе полный кейс денежных пачек. Нет, чаще — сумка, а кейсы, «дипломаты» — это больше в фильмах.

— Именно эту версию я... мы и проверяли три месяца. Помните, вы давали добро на задействование отдела Мартынова? Так вот — ничего не обнаружено. И по Мохову-Гальперину, и по другим эпизодам. Не обналичка... Но знаете, почему это их финансовое сообщество не всполошилось? Такого объема операции по Москве заметны. И фирмы не последние, так что на двух свихнувшихся внимание обратили. Но... все же решили, что — обналичка, что Мохов с Гальпериним...

— Так! Твоя версия.

— Я предполагаю... он собирает пул.

В понимании беседовавших «пул» означало, что Сумеров предъявил определенной группе состоятельных и потенциально заинтересованных людей какой-то канал наверх или человека оттуда, в общем, реальную возможность «выхода на...», и сейчас собирает взносы и запросы... Но термины «шапка по кругу», «пустить шапку» тоже оказались давно потесненными, так что и в описании самого процесса, действия нужно, принято ограничиться: «собирает пул».

Да и сам генерал Маникеев сейчас слушал, отвечал, размышлял ведь не от себя же лично, а от... пула работников органов, где, как известно «бывших не бывает» и «делиться надо».

— Ладно, Григорий. Теперь можешь подключать не только отдел Мартынова, но и... ребят Витюкова. На постоянной основе, можешь сослаться, сказать генерал Маникеев дал добро. Да... и Геласова тоже пока замкнем на тебя. Ты у нас вишь какой аналитик! И знаешь, материалы прослушки из его банка и что там в его квартире снимали занеси-ка послезавтра мне в кабинет. Сейчас на чем это у тебя?

— На дисках... лазерных.

<...>

20

— Галя! Что ты еще наболтала отцу Мефодию? Мы сегодня встречались с ним. Так что свое обещание поговорить он сдержал... в отличие от...

Точным, за последние полгода-год сформировавшимся признаком крайней усталости, раздражения Сумерова было то, что он начал это, не дожидаясь ухода из-за стола дочери.

— Вадим, у меня есть все основания опасаться за тебя и за нас всех.

— Боишься стать женой... «Великого инквизитора»? Или вдовой?..

Сумеров внутренне усмехнулся самому сочетанию слов «жена инквизитора», а Галина Антоновна, оглянувшись на дочь, вдруг вспомнила, что примерно на этом же возрасте Сергея, старшего, муж сменил домашнюю тактику: к нежности, всеобщей заботе стал добавлять вот это самое... «Пусть начинают готовиться, узнавать жизнь, со всеми ее...» Мелькнула какой-то пролетевшей страховидной птицей мысль, что вот и второй светлый период ее жизни заканчивается.

— Пока Володя Маникеев там на своем посту, я могу не опасаться даже бывших своих коллег.

— Пап, а я позавчера вино пила!

— С кем? Где? — Сумеров спросил механически, еще будто и не выхватив из дочкиной фразы главного: вино.

— Одна. Вот здесь... В-о-он там, — махнула на кресло за спиной, но, быстро сжалившись над отцом, пояснила: — Одну чайную ложечку.

Теплая волна нежности качнула Вадима Сергеевича. Он разгадал этот маневр птахи, уводящей опасность от птенцов, и мысленно хмыкнул: тут, наоборот, птенец уводил от матери.

— Мне это для опыта было нужно, как в школе. У нас был урок: «Брак в Кане Галилейской». — Подскачив, метнулась к шкафу и положила, отодвинув отцовскую тарелку, тяжелый том. Раскрыла на заложенной каким-то зеленым стеблем главе и, вовлекая отца в диспут, не оконченный позавчера, зачитала тот же параграф и точно с той же внятной интонацией школьного диктанта: — Но почему Христос не произвел вина без воды? Это он сделал, по мысли Иоанна Златоуста... чтобы черпавшие воду были свидетелями и чтобы оно... нисколько не казалось призраком. — Захлопнула и, приглашая класс «к обсуждению», вызвала: — Ну и что ты думаешь, папочка? Ты согласен со Златоустом?

— Я думаю, доча... ой, извиняюсь, Марина Вадимовна, что они там пили чистой галилейскую водицу, но при этом верили, что пьют «лучшее вино».

— И-и у них что, и голова кружилась, точно как от... спиртного, да?

— А ты знаешь, раньше считалось, что вино — это вода плюс дух?

— Дух? — недоверчиво сморщила носик Марина.

— Он самый. Спиритус вини... Ну-ка, Рин, подбери однокоренные к слову «спирт».

— Спирт, спиртное... М-м-м, еще... спирт, спиртыга! — с разгону вспомнила, наверно, из какого-нибудь сериала.

— А «спиритизм»?

— Эт-то когда за столом сидят и духов вызывают? — с прежней недоверчивостью, осторожно ступала Марина.

— Вот-вот-вот! Спирт, спиритус вини, в переводе — «дух вина». В соединении с водой превращает ее в вино.

— А-а. Это как в рекламе соков из порошка: «Просто добавь воды!»

— Да! Только тут наоборот: сначала все же вода, а потом — добавь дух!

И Сумерова просто не могла не поразить какая-то неожиданная схожесть темы дочкиных штудий и той головоломки, что он пытался запустить как «проект»... Вещество Веры.

— Знаешь, Гал, теперь отец Мефодий будет часто, надеюсь, очень часто бывать у нас, в банке. Ты помнишь, у нас рядом, сразу через Большой Версильковский переулок здание, там еще торгашей куча сидела, «нокий», «самсунгов» всяких? Так вот, выкупил я его, дал два дня этой дистрибьюторской шушере на выметание, а дизайнеры с прорабами придут уже завтра. И здание это, оно торцом к нам выходит, а дальше снесено еще в тридцатые годы, представляешь, это в девятнадцатом веке — казармы были Вышнеградского пехотного полка. Там и полковая церква стояла, ее объединили такой пристроечкой с кухней, а в пятидесятые отдали под склад институту. Все. Отец Мефодий определил место, где алтарь был. Камень алтарный эти дундуки, красные энтузиасты, надеюсь, не вытаскивали, но он все равно завтра проверит, и тогда хоть сразу начинай реставрацию. Справок, конечно, надо будет море собрать...

21

Пять месяцев, «испытательный срок» заместителя главного редактора «Российского фокуса» Альбины Терлецкой, протянулись как вечность — так показалось многим, и причин этому было тоже много. Переезд редакции под бок к хозяи-

ну, в какие-то бывшие казармы, был похож не просто на переезд, а на казнь египетскую, тест на выживание. И главное, не было ни малейшей логики: срочно поднять, «как у них там батальон по тревоге поднимают», с привычного места, которое после этого стояло еще три месяца абсолютно пустым! И перебросить, как крепостных, в помещение, где в то время еще проходил ремонт, — вот что было абсолютно непонятно. Готовить выпуски журнала среди электриков, связистов, тянущих провода, это было действительно чистое издевательство. Но все эти пересуды, горькие резюме: «Нет, он просто ломает нас через колено!» — не могли заглушить один неуклонно нарастающий звон — золотого дождя.

Оклады росли неуклонно, хотя тоже — без намека хоть на малейшую логику. То всем подряд, и сразу — на сорок процентов. То сразу же, вслед — одной трети сотрудников еще на пятнадцать процентов вверх: и каких-то закономерностей в том списке, в выделенной трети можно было искать сто лет! Остряки предлагали даже сложную алфавитную версию-алгоритм, но полной подгонки не получалось. А через месяц новый прикол — всем плюс семь тысяч рублей к окладу. То есть уже не проценты, а так, чоком, от главного редактора до корректора: «Всем по семь!» Может, да, звучание фразы ему понравилось, и он, запершись в своем кабинете, напевая, может, даже и пританцовывая... втайне презирая всех их — скромные строчки в штатном расписании, пропел в селектор: «Всем по семь».

— Сейчас же не крепостное время, и большинство из нас, Семен, хоть и имеют хозяина, но это же для нас не какие-то там заоблачные фараоны. Нам, в общем, вполне представимы их цели, образ жизни, — заметив умную, циничную усмешку коллеги, редактора «Русского шелкопера», Геннадий Исидорович внес поправку: — Да, пусть не всегда доступен пониманию уровень комфорта, эти яхты, закрытые клубы на Сардинии, коктейли в Давосе, но... их здешние интересы бизнеса, политики мы, сотрудники, должны же понимать! Если хотим служить осмысленно, а не как древние рабы! Вот. А наш, — кивок наверх, — будто находит какой-то кайф в том, чтобы нас игнорировать, но при этом... осыпать подачками. Оклады в среднем уже в два с половиной раза выросли, два БМВ на нужды редакции, водителей, бензин все оплачивает не глядя. Хозяйственная сторона — грех бы жаловаться, но...

Вот вчера Алишер Курдюмов ему поясняет: вы так резко поменяли дизайн обложки, да еще и новый адрес редакции, номера телефонов сменились, поэтому, извините, рекламный поток в следующем квартале может уменьшиться процентов на тридцать... А он эдак рассеянно: «А-а, рекламодатели? Теряете контакты, контракты?» — и повернулся, пошел, даже не ответив, только метров с пятнадцати, полуобернувшись, бросил ему: «Будет еще вам реклама!»

А новое помещение редакции... И Геннадий Исидорович широким экскурсоводским жестом махнул по кабинету. Раза в три больше прежнего, столь знакомого Семену. Панели не разглядеть, какого дерева, но стол определенно — полированная карельская береза. Кожа кресел... недавно в каком-то олигархическом репортаже Семен видел похожую. В общем — Уровень.

Приглядываясь к новому костюму Геннадия Исидоровича, слушая рассказы об их приключениях, Семен прикидывал: все-таки его сюда Лодкин зазвал, чтобы пожаловаться? Или как следует, от пуза похвастаться своими новыми обстоятельствами?

— Марин Петровна! Два «Мохито»! — И как-то невероятно быстро в дверях показалась секретарша с подносом. Сто лет знакомая Семену Марина Петровна одна оставалась неизменна посередине этого Златого Вавилона.

— Семен, ты и не представляешь, какие деньги сейчас идут, летят, и в руки... — и

кому?! Да я бы и на треть этих, — очертил рукой полкабинета, имея в виду все эти расходы, — запустил бы два еженедельных полноцветных приложения, листов по шестнадцать и, может, еще газету, офсет, тридцать тысяч тиража! И ведь он даже не понимает, кто ему обеспечил все это, его Бизнес. Что если бы мы не построили тогда рынок... демократию, — последнее он произнес с немного падающей интонацией, — сидел бы сейчас он, милицейский пенсионер, на даче, яблоки собирал, варенье с женой крутил.

Возможность ругать шефа, не озираясь и не приглушая голоса — еще один верный признак прочности положения, психологического комфорта.

— Ну а эта?! Как, Ген, мой совет — оправдался? М-м-м, Альбина?

— Ты думаешь, это она нам выбила из Сумерова все эти блага?

— Да про нее уже вся Москва говорит. Такая секс-бомба и заместитель главного редактора в неполные двадцать четыре года. Рекорд, наверное.

— Быть может. По двум пунктам мы, — Семен зафиксировал это «мы», не снабдив ни иронической, ни завистливой пометкой, — действительно дали немалую пищу для всемосковских пересуд. Инвесткредобанк сейчас бурно растет, двадцать семь фирм перевели к нам расчетные счета только за прошлый месяц. И поэтому «Российский фокус» с удвоившимся тиражом и этой... Терлецкой...

— Ну и Сумеров с ней... Да ладно тебе темнить, все уже знают!

— Сема, — почти торжественно, — поверь ты мне! Один его, — кивнул наверх, — хитрый тактический прием я уже разгадал. Его расчет примерно такой: зачем оправдываться, опровергать какую-то версию, надо просто вбросить их еще десятка полтора и... «Пусть говорят». Сейчас ведь и здесь демократия: все версии равны! Думали, допустим: ну, Сумеров журнал поднял, чтобы к выборам стать площадкой для партии. — Точно? — Точно-точно! Сто пудов!.. Но окончательно точно-го ведь ничего не бывает? Да? — Да! И что он это затеял для этого (в смысле журнал для партии) — это лишь наша версия. Вероятность ее, ну, допустим, девяносто процентов!.. А потом — бац! — вброс еще девяти версий, которые, как упоминалось, все меж собой равны. И той исходной остается уже только девять процентов! А девять — это тьфу: шум, блажь, звуковой фон, вонь. «Пусть их».

А для чего он казармы, склады выкупил, редакцию к себе на Большой Версиловский с такими сказочными затратами перебросил? Для чего Терлецкую замом сделал? И для чего из банка в редакцию галерею провел? Глянь, из того окна видно, вон на уровне вторых этажей идет. Тоже чтоб к Альбине бегать? Или ей к нему? Как переход стеклянный над МКАДом, убожество такое! Да ведь одно разрешение префектуры на такое уродство потянет не меньше чем сто восемьдесят тысяч долларов наличными! Я-то цены знаю. А для чего, — тут Геннадий Исидорович перешел на яростный шепот, — а для чего в этом стеклянном переходике все стекла — пуленепробиваемые? И для чего он моего бывшего журналиста Жданова у себя практически под арестом держит? Статьи его передает нам через Альбину, возит его на переговоры. А для чего «Стройгазкомплект», известная организация, имевшая в ВТБ кредитную линию на восемьдесят пять миллионов евро, вдруг за один день, как на пожаре, перебежала в Инвесткредобанк? А пусть себе говорят!..

У Семена давно уже от зависти свело скулы, и он только горестно, сочувствующе кивал.

— Я, Сема, признаться, и сам часто отпускал в редакции разные шуточки для нагнетания, для поддержания общего сатирического тонуса, ну, ты понимаешь!

— Понимаю, помню хорошо, Гена. Отпускал, да?

В хвосте вопроса Семен акцентировал именно прошедшее время, подразумевая: «Ну, а теперь? Отпускаешь?»

— Теперь, веришь ли, просто не выходит из меня ничего подобного. Задавлен как-то. И главное — нагнетать сейчас ничего не нужно! Мы теперь все ходим, как некие сатирические персонажи.

Разговор кончался, и Геннадий Исидорович уже собирался подняться и проводить старого друга Семена до приемной, может, выйти с ним и в коридор, когда в его кабинет без всяких секретарских предупреждений заглянул какой-то охламон с гаечным ключом: «Сидорыч, пощупай, у тебя батареи теплые?!» Главный редактор довольно резво подошел к окну, раздернул занавеси и, как ко лбу ребенка, приложил руку к радиатору: «Да-а... Вроде. Теплые?» Заглянувший подумал немного, крякнул досадливо, подошел и проверил сам.

22

Хоть и хвастался Геннадий Исидорович час тому назад, что «хозяйственная сторона безупречна», на один ее пункт он мог бы пожаловаться.

Своего сослуживца, капитана Семионова, первого следователя по делу Игната Жданова и, соответственно, первую жертву, Сумеров, придя в банк, поставил было начальником хозяйственного отдела, но вскоре понизил. Экс-капитан Семионов не сумел поставить себя с подчиненными, он вообще потерял вкус к любым жизненным соревнованиям.

Семионова безжалостно плющил комплекс вины. Именно он, «пассивный космонавт», «Гагарин наоборот», первый из официальных и силовых органов столкнулся, авангардом инопланетного вторжения и непростительно упустил их, имея на руках все показания, приметы...

И ведь какого-то запредельного суперлазерного оружия у них не было точно, вся реконструкция их первого преступления говорила: это не какие-то марсианские треножники Герберта Уэллса. Все оказалось проще, но и страшнее, тут и этот Герберт уелся бы. Они просто разведали наши главные слабые места, наши грехи и действуют через них. Они спаивают мужиков, насилюют или даже соблазняют женщин... тоже спаивая. И через двадцать-тридцать лет половина землян окажется их агентурой, полудетьми, полумарсианами. Впрочем, именно на Марсе как источнике угрозы он не настаивал. Семионов в астрономии был не силен, возражения, что поверхность четвертой планеты Солнечной системы сфотографирована вдоль и поперек, ставили его в тупик, охотнее он удовлетворялся формулой «инопланетяне».

Став абсолютным трезвенником, приглашаемых в офисы банка традиционно полупьяных сантехников он приводил в свободную переговорную комнату и, не допуская к фронту работ, сколько удавалось (рекорд — тридцать пять минут), заставлял их выслушивать свою «лекцию о международном (межпланетном) положении». Убеждал бросить пить, тщательно следить за женами и дочерьми. Были вдохновляющие моменты: рабочие, попавшие в этот офис впервые, иногда слушали, даже выкрикивали что-либо солидарное. Но потом все равно разбегались, крутя пальцами у виска, и крутить гаечными ключами Семионову приходилось самому...

Проводив коллегу, Геннадий Исидорович заглянул в бар, где Семионов горячо убеждал в чем-то бармена Рустама. Геннадий Исидорович в костюме «от Бриони» (по прикидке коллеги Семена) попросил третий «Мохито» и стал рассеянно слушать лекцию бывшего следователя и «пассивного космонавта» о сложном межпланетном положении.

Выслушав положенную порцию про «розовато-сиреневых насильников», Геннадий Исидорович немного оживился, лишь когда у Семионова промелькнула пара

фраз непосредственно о Сумерове. Все-таки они служили вместе лет двенадцать. И благодаря крайней наивности этого «Гагарина наоборот» Геннадию Исидоровичу удалось получить некоторое представление о еще одном персонаже из пестрого сумеровского окружения Альберте Нартове и его странном проекте «Красоту спасем мы!». В следующем номере хозяин приказал дать развернутый рассказ-репортаж про то, как этот Нартов, сберегая национальные гены красоты, пытается удерживать в России всяко разных региональных «мисс» и «вице-мисс». Пробует подыскивать им здесь какие-то аналогичные места работы, рекламные агентства, а по сути, просто платит им «пособия за неуезжание», выдает замуж. При всей фантазмагоричности проекта как редактор Геннадий Исидорович признавал, что статья может получиться неплохой, особенно благодаря фотографиям — девицы, надо полагать, первостатейные.

Одну из точных привязок дат воцарения этой «пламенной страсти» мог бы дать и сам Вадим Сумеров. Шестнадцать лет назад, когда их с женой Галиной отношения развалились окончательно, и прежние «Вад» и «Гал» перестали звучать даже в качестве напоминания, эмоционального допинга, и развод наметили на осень, чтобы не портить анкету и не травмировать сына, лучшего в числе трех курсантов военного училища... — тогда и налетел на них ураган по имени Нартов, оказавшийся спасительным. Не только самый давнишний лучший друг Вадима и друг семьи, но и прирожденный философ, дипломат и вместе с тем настоящий библейский пророк по темпераменту, он донес до них почти первозданное понимание счастья, встающего за простым словосочетанием: «Дать жизнь» (кому-то). И с другой стороны, весь первобытный, панический ужас проклятия: «умереть бездетным», оборвать на себе со своей неизбежной... эту чудную мерцающую жемчужную нить, жизнь. Тут и один ребенок в семье — самообман, да еще и обман своей страны — чтоб она только перестала взимать «налог за бездетность». Ваш же сын, Серега — будущий офицер, а конфорки под «горячими точками» страны уже разведены и еще не погашены, и ваш Сергей (Нартов хорошо его знал) прятаться не будет, и случиться может все что угодно. Получается — напророчил, хотя Сумеровы отлично знали, что Нартов любил Сергея как сына и сам ему был вторым после отца.

Давно приговоренный врачами, когда-то объяснившими супругам Нартовым, что их первый ребенок будет и последним и доживет ли он до пятнадцати лет — еще большой вопрос, Альберт, возможно, тогда и получил эту энергию и дар убеждения, определившие его судьбу надолго, скорее всего, до конца (его жизни).

Все дни рождения дочки Марины Вадим и Галина Сумеровы праздновали как второй собственный день рождения. И надо понять, какой оттенок приобрели эти даты, начиная с третьего Маринино дня рождения, когда после гибели Сергея их рыжекудрая «овечка, бяшенька» стала единственным их посланием — будущей Жизни. Чрезвычайный и Полномочный и Единственный Посланник. Такой поворот линии жизни Сумеровых, отчасти напророченный им, все же не сломил Нартова, хотя на тех общих поминках, где Вадим Сергеевич так тяжело поспорил с генералом Маникеевым, он, Альберт Нартов, был едва ли не самым потеряннным. Но, добавив горечи, тот кризис не отнял у «генетического стража» энергии, и через некоторое время с той же самой убежденностью, однажды отвечая на полувопрос (полуламентацию) Сумерова о дальнейшем, о Смысле Жизни, он сказал — почти что врезал: «Как, Вадик, тебе дальше жить?! А не выделяваться! — сказано было грубее. — Не эгоистничать! Вырастить потихоньку Марину и выдать ее замуж за священника! Почему за священника? Потому что они как раз не выделяются и не эгоистничают и у каждого по восемь-девять детей! О Боге — отдельный долгий

разговор, но уж Жизни они учат верить — дай Боже как! Служить — Жизни. И тебе, Вадик, не выделываться, вопросов дурацких не задавать, а растить Маринку, учить и воспитывать — еще ведь не всякая сгодится „в матушки“. И если повезет, выдать ее за батюшку — жить дальше, приезжать нянчить внуков, тупо считать: первый, второй третий, четвертый... Чай пить да с зятем разговаривать. О починке крыши, ценах на обувь, о рецептах варенья — обязательно... о засолке огурцов, ну и... „о божественном“ тоже. Можно и о „смысле жизни“... Когда она, жизнь, есть, можно и о ее смысле».

23

Примерно в одно время с лодкинскими признаниями другу-коллеге Семену за бокалом «Мохито» с горестными уподоблениями себя и окружения персонажам сатирической пьесы Игнат Жданов, полулежа на диване и тренькая на гитаре, подошел к сравнению отчасти схожему, но все-таки лежащему совсем в другом жанре.

— Знаешь, Андрюха, мне кажется, если бы о нашей теперешней истории вдруг стали бы снимать голливудский кинофильм, то Сумерова точно играл бы Брюс Уиллис — парик с седоватым ежиком ему бы натянуть, и вперед!

Игнат покосился на стол. В одной поллитровке оставалось грамм сто пятьдесят, другая сверкала пустая. «Убрать бы ее под стол. Пустая бутылка на столе — к покойнику», — подумал он и, сменив аккорд, затянул песню о двух бутылках водки.

— Игнат, а ты эту, Жанну Рябову, тогда — как? Было тогда у вас?

— Честно говоря, не помню.

Забавно само это словосочетание звучало в устах Игната. «Честно говоря», могли он сказать — НЕчестно, когда вот: сказал — и поверил, и — действительно: не помнит. Похоже, энергия необыкновенного дара Жданова подпитывалась откуда-то снизу еще и даром забвения. Наверно, ежечасно извергать фонтан веры, истины, а значит — бесконечно добавлять новые и новые версии картины мира, уподобляясь неким образом Богу, творящему миры из ничего... было б и невозможно Игнату без этого дара забвения. Фонтан, завораживая своей силой, вздымает тугую мощную струю, ставит, подобно строителю, эту колонну воды, возвышающуюся над общим средним «уровнем воды в...», но... высокая колонна сия все же не упирается в космос, создавая там новые солнечные системы, галактики... Вода и запас ее, увы, не бесконечен, падая, возвращается в бассейн, чтобы при случае вновь попасть во входную воронку насоса. Творить и забывать. Вот почему в сказках для всяких чудесных задач, выполняемых героями, равно нужны были Живая и Мертвая вода...

Но внутренняя механика Игната — половина загадки, вторая — судьба принявших дозу его веры. И дочка мособлдепутата Рябова Жанна до сих пор думает, что ее изнасиловали инопланетяне. Тут ведь есть две тонкости: верит, что изнасиловали; верит, что инопланетяне.

И ведь часто бывает (см. гору скандальных и уголовных дел), что первого уровня многие «пострадавшие» дамочки достигают совершенно самостоятельно. Были, положим, какие-то минуты полового сумбура, потом — бац — ссора, отказ жениться... И вот уже, как случается, следователи, судьи верят тому, во что верит «пострадавшая».

Но в случае Рябовой она, как и следователь Семионов, поверила — еще и в пункт два — в инопланетян.

Врачи, осмотрев Жанну, определили, что в ее конкретном случае искусственное прерывание беременности повлечет с вероятностью девяносто пять процентов — бесплодие. Рябов решил: будет рожать. Что делать с ребенком, он решит потом. И пять месяцев тому назад Жанна родила мальчика. Врачи осторожно, но и определенно указывали Рябову на неадекватность дочери. Иногда ей казалось, что те розовато-сиреневые марсиане были добрые спасители человечества от ядерной войны, терроризма, истощения планеты, парникового эффекта и т. д... И спасительная миссия осуществится через дарованного ей ребенка, который вырастет в меньшем случае — просто суперменом, а так, возможно, и самим... В другие периоды, ровно наоборот: марсиане — губители, «их» ребенка она откровенно боялась, убегала, пряталась. В ином случае ей мог бы грозить и психоневрологический стационар, но... отец «решил все вопросы с врачами»: дочь не покинет отцовского загородного поместья. А двое самых уклончивых из тех Айболитов, кто вежливее других держался на консилиумах, получили хорошую работенку на постоянной основе, стали приходить по очереди, наблюдать (слово «больную» запрещалось), беседовать с Жанной. И консультировать ее могущественного отца, по сути, только увеличивая, наращивая его ношу ответственности.

«Светлые периоды» Жанны доставляли проблем, вообще говоря, не меньше. Например — понятно ведь, куда в условиях наших, российских языковых, религиозных и культурных традиций могло привести желание назвать и зарегистрировать ее вскорости спасающего всю планету ребенка — Иисусом, или Христом, или даже двойным именем... — боязно все и произносить-то.

А попытки отговорить, надавить на дочь только ускоряли ее перескок в «темный период».

Эрудированный и «быстрый разумом» Андрей Румянцев, подключившийся к этой ситуации, нашел два компромисса. Выдать загсу и всем прочим версию: «Отец ребенка — испанский бизнесмен (чилийский эмигрант, кубинский студент)», и тогда имя Хесус (Иисус) никого не шокировало бы. Или же отец — болгарин, и тогда Христо (Христос) выглядело бы еще естественней. Допустим, папа — ярый фанат футболиста Христо Стоичкова. Жанна согласилась на Христо...

Андрей Румянцев вникал по заданию Сумерова в «дело №...» особенно тщательно: первый яркий, хорошо зафиксированный пример проявления «феномена Жданова». С Жанной, с «подпавшим влиянию» капитаном Семионовым, а потом и с грозным депутатом Рябовым он беседовал на вполне легальных основаниях, имея мандат от генерала Сумерова — как бы реанимировать «разваленное кем-то дело №...».

Хотя и познакомился он с Жанной по приказу Сумерова, но... влюбился... да-да, наша история подошла и к этому рубежу, — по инициативе и сердечной предрасположенности — целиком собственным.

У Румянцева теперь были возможности и поводы — наблюдать и убеждаться. И в «светлые» периоды, играя со своим Христо, она была просто живая иллюстрация по теме «Наивная гордость, наивная радость». А в «темные» — апофеоз столь же наивных страхов.

Фактически, да и документально, если проследить по датам очных ставок с Игнатом, показаний капитану Семионову и этих ПФЭ — экспертиз на детекторах лжи «Барьер» и «Крис», Жанна и была «первая жертва» игнатовского феномена. И как же потрясающе все теперь сложилось: сейчас в квартире, где все произошло, живет он, Румянцев! Стараясь особо не беречь воспоминания Жданова, в несколько приемов он практически реконструировал ход того кошмарного вечера.

Хотя на Жанну, кроме внушения Игната Жданова, возможно, повлияло и гомерическое количество просмотренных ею с детства фильмов про все эти космические вторженческие дела...

И когда Андрей видел ее, он разрывался — не мог решить: найти все же с помощью Жданова контрсредство. А в том, что яд и противоядие всегда лежат рядом, он не сомневался: химия, алхимия, медицина, пословицы «клин клином», «лечи подобное подобным»... — все говорило об этом. Жданов, наверное, мог «перевнушить», «перемагнитить» ее... или оставить в счастливом, «светлом» периоде (добрые инопланетяне, мадонна, играющая с Христом). Тем более что полное разоблачение фантастической инопланетной версии вплотную придвигало бы вопрос реального изнасилования, определения отцовства Христо — с этим и отец ее не хотел спешить.

24

— Альба! Альба, это я, Лина! Плохо слышно? Это музыка у них в клубе орет, я и в туалетную комнату ушла, и все равно. Номер незнакомый? Да они ж мой телефон забрали, это я тут попросила позвонить. Альба, они говорят, чтобы сегодня я с ними поехала. Я не хочу, Альба. Я боюсь. Какой клуб? Этот, «Броненосец». «Броненосец „Потемкин“», клуб так называется.

— Адрес! Адрес! — выдохнула Альбина.

— А, ага, вот... на салфетках у них написано. Ленинский проспект, дом... Альба, я боюсь!

Имена, выбранные по диковинной фонетической причуде отца, они давно уже переименовали друг для друга: Лин и Альба. Альбине очень понравилось сестренкина придумка, на ее «Альба!» она отзывалась радостно, подписывала эсэмэски: «Твоя Альба». Свой собственный ответ «Лин», из Алины, она искренне считала менее креативным. Но обе клички как-то прижились, и когда редакционная подруга Мария Кондратенко, услышав случайно, засомневалась, что, дескать, похоже на собачью, именно на служебно-овчарочью кличку, Альбина гордо хмыкнула: «Еще журналистка! И не знаешь, что была знаменитая герцогиня Альба, любовница художника Франсиско Гойи! А вот Алинка у меня это знает!»

Один из двух упомянутых Геннадием Исидоровичем БМВ, предоставленных Сумеровым для нужд редакции, вместе с оплачиваемыми им водителями-охранниками был в постоянном Альбинином распоряжении... Через двадцать пять минут влетев в клуб «Броненосец „Потемкин“», она быстро обвела мечущим угрозой взором все углы и столики и, заметив Алину, рванулась вперед. Богатый опыт и несколько сбивчивых фраз сестры по телефону помогли Альбине быстро «вычислить» весь расклад. Ну конечно, подруга, стерва (вспомнила — фотографировала их тогда, возле школы, на фоне «лексуса») школьная, значит, подруга, тварь, сама с кавалером, а еще, дрянь — с приятелем кавалера, которому и пытается сейчас сдать ее дуреху Алинку. Тот второй, приятель, и поднялся ей навстречу, когда Альбина, ни секунды не изменившись взглядом, не изменив летящей походки, сделала предпоследний к ним шаг... А шаг последний, только чуть растянутый и усиленный, оказался просто сильным пинком носком туфельки в пах. И после — еще пара шагов к сестре. Взяла за руку и выдохнула: «Верните ее мобильник!»

Альбина не была тщательно скрываемой по сюжету фильма спецназовкой, каратисткой, дзюдоисткой, Никитой, самбисткой... Несколько ее клубных «сэйшенов», да, заканчивались более-менее выраженными потасовками, в которых она отнюдь не была ловкой киногероиней. И сейчас ее противник не свалился под стол, картинно-широко взмахнув руками, и все могло кончиться очень неприятно. Альбина просто не успела об этом подумать. Но... сзади ее уже догонял водитель-

охранник. По тому, как все двадцать пять минут дороги Альбина скрежетала зубами, он сообразил, что стоит, пожалуй, не глуша мотор, поспешить следом.

Алина, рыдая на ее плече весь путь до дома, уговаривала сестру подняться с ней вместе: «Отец сейчас дома. Альба, ну давай же ему все расскажем!» Альбина думала об этом в машине, потом в лифте... но у дверей их квартиры, смешавшись, поцеловала сестренку, вытерла ее светлой прядкой соленые дорожки под глазами и убежала.

Уже перед самым лифтом удивленно обнаружила салфетку дурацкого клуба по-прежнему у себя в руке: урна была лишь перед подъездной дверью. Так с этой смятой памяткой о выигранном «блицкриге» и спасенной сестренке, с горечью несостоявшегося свидания с отцом она и ввалилась к себе, сбросив туфли, дошла до кухни и надолго замерла над пустым столом. Но постепенно в хоровод мыслей об Алине, отце вошли строчками ее ежедневника планы завтрашнего дня, указания Сумерова, и тут-то она наконец поняла, *что* напоминал ей стилизованный профиль носовой части броненосца на клубной салфетке. Этот самый... таран, гордо торчащий ниже предполагаемой ватерлинии. Видно, корабли эпохи «Потемкина» сохраняли, может, на крайний случай орудие древних времен — таран, бывшее когда-то единственным орудием на греческих триремах Фемистокла. Только к началу двадцатого века тараны боевых кораблей сильно уменьшились: от Буратининового примерно носа до... да-да, до... просто мощного мужского подбородка. Вот-вот, это самое: корабельный профиль на салфетке, теперь она сообразила, был удивительно похож на ее начальника, Вадима Сергеевича Сумерова. Что называется: «мужественный», «волевой», «твердый» подбородок...

Альбину немного позабавило это совмещение, она поднялась, вытащила из вазочки на холодильнике черную гелевую авторучку и, продолжая вспоминать планы-указания на надвигающийся день, разгладила довольно плотную салфетку и пририсовала к броненосному подбородку остальной сумеровский профиль.

25. Роман-донос (продолжение)

Ранее Румянцев уже высказывал подозрение, что Кумихин пишет свой «Дневник-донос» с тонким льстивым расчетом, что тот когда-либо попадет в руки Сумерова. Но и вторая часть, «Роман-донос-2», еще сто семьдесят страниц плотного текста, правда, прореженного двадцатью двумя диаграммами и графиками, не приводит к определенному, окончательному мнению. Это Румянцеву в его догадках помогала давняя неприязнь к своему начальнику отдела, но главный босс должен быть выше этого. И Вадим Сергеевич, как полководец и философ в одном лице, вычленил массу позитивных деталей, положительных моментов в характере, работе Кумихина — из стостраничных на него жалоб и отчетов Румянцева. Ровно и наоборот.

Буквально на трех-четырёх посвященных, информированных сотрудниках держался его Проект, и ошибиться было нельзя. Сумеров радовался, когда его собственные положительные оценки подкреплялись «признаниями сквозь зубы» со стороны антагонистов. Румянцев признавал научную добросовестность Кумихина, но и тот отдавал должное цепкости, интуитивной мощи своего подчиненного. Вниманием, прилежным чтением отчетов Сумеров вроде поощрял их к доносотворчеству, выделяя красным фломастером строчки вроде: «Румянцев, может, и наш Ломоносов, но... прошедший пока со своим рыбным обозом лишь первые пять верст от своих Холмогор»; «Кумихин во сне и видит себя вторым Иваном Павловым, но

в трезвом уме признает себя лаборантом, ведь в его случае подопытная собака важнее академика».

Получив исходное задание на поиск и выделение из ждановского выдоха Вещества, Кумихин довольно быстро сориентировался в нескольких теориях, имевших некоторое отношение к взаимосвязи: «Дыхания и влияния на подсознание».

По самой сначала дальней касательной он прошел «Холотропное дыхание» — эффективный метод самотрансформации и личностного роста, разработанный трансперсональными психологами Станиславом и Кристиной Гроф специально для использования уникального целительного потенциала, исследования возможностей необычных состояний сознания.

Но зато знакомство с масштабной критикой теории «холотропного дыхания», фундаментальный труд «Неврогенная гипервентиляция» (Вейн А. М., Молдован И. В), позволило и Кумихину отбросить три из четырех ложных версий в своей работе. Он прошел по всей цепочке доказательных фактов: холотропное (быстрое, поверхностное) дыхание — гипервентиляция — вымывание из крови CO_2 — рефлекторное сужение сосудов головного мозга — резкое уменьшение количество кислот в крови (респираторное ощелачивание крови или алкалозис) — затруднение перехода кислорода из крови к тканям мозга — эйфорический психоз, вызванный недостаточным кровоснабжением головного мозга, — и конечный результат — «Трансперсональные переживания» (главная приманка Станислава Грофа).

Здесь Кумихин ступал далеко за рамки своей научной специализации, дивясь конечным точкам парадокса: убыстренное дыхание и — кислородное голодание мозга. Но в задаче — выделение «Вещества Веры» — ему помогла устойчивая зависимость *гипервентиляции легких* и *респираторного ощелачивания крови* (алкалозис). Да-да. Именно так избыток кислорода в воздухе под вашим носиком оборачивается кислородным голоданием мозга. Извините — физиология.

Следующий исследовательский шаг Кумихина базировался на открытых публикациях об исследованиях группы ученых из университета Дюка в Северной Каролине, нашедших объяснение действию феромонов.

И здесь Кумихину, исследуя феномены обоняния, довелось проследить изрядный кусок эволюции.

Первым, собственно техническим его новшеством стал Дыханиеприемник, сконструированный Кумихиным на базе капнографа. Этот давно используемый «прибор для измерения и графического отображения содержания углекислоты в воздухе, выдыхаемом пациентом в течение определенного периода времени», не подходил по главным пунктам: заметность и общий медицинский, даже «районно-поликлинический» вид. Некоторое время можно было попросить Жданова подышать в его трубку («Диспансеризация, забота о здоровье, Сумеров приказал»), но целыми днями? Дыханиеприемник Кумихина выглядел как обычный, может, чуть громоздкий микрофон, в который Игнат Жданов должен был наговаривать свои эссе. Прихватывался, конечно, и ненужный комнатный воздух, но эта проблема решалась на следующей стадии, сортировке. Более того, там был встроены и настоящий микрофон, подключенный к рекордеру, выдававшему записи в формате MP3, которые на флеш-картах передавались двум стенографисткам. Жданову в итоге поступал текст, готовый для внесения поправок. Именно в таком формате по всему миру и работают самые успешные писатели, журналисты. А баллоны с закачанным ждановским дыханием передавались на «сортировку». Кстати, издавна именно «сортировкой» на российских спиртзаводах называют процесс выделения из спирта-сырца трех видов примесей:

Эдуард Кумихин придумал использовать в своей работе несколько технологических приемов спиртовых «сортировщиков».

Конечно, весь цикл «сортировки Кумихина» был сложнее спиртового, требовал на определенных стадиях и сжижения газов, в связи с чем в здание Инвесткредобанка регулярно привозились гораздо более демаскирующие Сосуды Дюара. Тут Сумерову пришлось отшучиваться: «Новые технологии отмывки денег» или «Водку охлаждать»... и в пятый раз произнося эти фразы, он чувствовал себя довольно погано.

А ведь Кумихину требовались еще и некоторое оборудование из одного научного центра, занятого ловлей Феромонов, и консультации их специалиста, тоже бывшего ученого, взятого в производство духов и других новомодных парфюмерных изделий с «сексуальными аттрактантами».

Так, постепенно сужая круги научного поиска и весьма симптоматично при этом окунувшись в сферы Алкоголя и Секса, Кумихин приходил к выводу, что заказанное ему «Вещество Веры» — скорее сложная смесь, коктейль, чем вещество с определенной молекулой. Порядочно продвинули его работу консультации в РАМН, подсказавшие, что дело не только в альвеолах легких.

Оказывается, и слизистая оболочка трахеи выделяет такие биологически активные вещества, как пептиды, серотонин, дофамин, норадреналин.

Адреналин и норадреналин в этом контексте вернули Кумихина уже к знакомой по прежним работам его НИИ тематике «Детекции лжи» и работам Леонарда Килера и нашего академика Валерия Алексеевича Варламова, стоящим в основе работы детекторов лжи «Барьер», «Крис», «Риф».

И наконец, премия два миллиона пятьсот тысяч рублей оказалась в руках Эдуарда Кумихина в тот день, когда на дне пробирки заиграли несколько мельчайших капель, немного похожих на ртуть. Но... эта «ртуть» легко растворялась в спирте или ацетоне, а далее, будучи вдыхаемой человеком в процессе восприятия им какой-либо информации, вызывала тот самый «Эффект Жданова», с которого и начались его новейшие приключения.

Результат двух-трехдневной работы с его дыханием, эти «миллиграммы Веры» можно было бы посчитать и «самой дорогой жидкостью в мире», дозы хватало на достижение эффекта у двух-трех человек. Впрочем, не все испытуемые «подпадали влиянию», проникались верой, а примерно восемьдесят (плюс-минус пять) процентов испытуемых, то есть несколько меньше, чем в случае непосредственного общения, разговора с Игнатом Ждановым, девяносто три (плюс-минус два) процента. И что касается информации, воспринимаемой в этот момент и становящейся для испытуемых истиной, тут «Вещество Веры» своим действием намекало на несомненную связь Сознательного и Подсознательного. Отнюдь не все становилось Истиной, или, говоря по-старинному, облекалось в одеяния Веры. Слова, слышимые и читаемые в этот миг, должны были быть примерно теми же словами, что произносил Игнат, выдыхая эту самую нанопорцию «Вещества Веры». То есть своими текстами плюс конденсатом своего чувства (Веры) Жданов являл как бы «проекцию себя»... По сути, сбывшаяся мечта всех пророков, философов, поэтов... весь я не умру, душа в заветной лире....

С научно-практической точки зрения самым важным был тот момент, что это «Вещество Веры» выделялось, отсортировывалось, конденсировалось из дыхания — только Игната Ивановича Жданова. Опыты с образцами, полученными от ста семидесяти двух человек обоих полов, различной расовой, возрастной, профессиональной принадлежности, показали однозначное — Отсутствие Эффекта.

Собственно, поэтому не возникал, даже теоретически, и вопрос о синтезирова-

нии «Вещества Веры». И живо представляемая отцом Мефодием всечеловеческая религиозная катастрофа («все верят во все») не вставала на горизонте как близкая реальность.

Но Вадиму Сумерову было некогда предаваться философским, религиозным, эсхатологическим размышлением. Следующим после крупного премирования сотрудников был секретный Приказ из шести пунктов:

1) Из двух вариантов растворителя для «Вещества Веры» (ацетон/спирт) выбирается спирт. (Кстати, просто по причине того, что сверхчистый спирт в Москве легче достать, чем сверхчистый ацетон.)

2) Исходное «Вещество Веры» из лаборатории в течение трех минут должно передаваться на хранение в сейф в комнате № 12, ключи у Сумерова, Кумихина.

3) Полузгенная Рабогая смесь (1 весовая часть «Вещества Веры» на 550 частей спирта) хранится в сейфе комнаты № 17, ключи у Сумерова, Кумихина, Румянцова, Терлецкой.

4) Экземпляры журнала «Российский фокус» в количестве, указываемом накануне Сумеровым, переносятся в комнату № 17. Где одним или двумя сотрудниками, переписанными в пункте № 3, пропитываются Рабогей смесью и упаковываются в термоусадочную пленку.

5) «Обработанные экземпляры» передаются в Отдел рассылки, но не объединяются с другими номерами, предназначенными для ВИП-рассылки, а остаются в зоне зрения одного из сотрудников, указанных в пункте № 3.

6) Указанный сотрудник, сохраняя естественность поведения, сопровождает работника Отдела доставки до тех пор, пока «Обработанные экземпляры» не будут вручены по указанным адресам.

26

«Господа редакторы» — так мимоходом однажды обозначил редакционный коллектив «Российского фокуса» Вадим Сумеров. Кажется, это было в тот день, когда ему подсунили интернет-пасквиль о «...его подстилке журналистке Терлецкой», который он тогда публично прокомментировал, мимоходом, в своей запоминающейся манере. На господ редакторов теперь почти ежедневно сыпался град противоречивых новостей, «реалий» и слухов. Реалии, внушавшие трепетное уважение, включали в себя не только бурно и пока безостановочно растущие оклады. Мощь Сумерова проявлялась и в скорости освоения комплекса бывших царских казарм. А деспотизм — в полном непонимании и нежелании понять саму специфику редакционной работы. Например, совершенно идиотский, неприемлемый контрольно-пропускной режим, ставивший их поистине в положение крепостных. Возможность оперативно принять своего автора, побеседовать с героями публикаций, источниками информации и новостей — в общем, все, что стоит в основе журнальной жизни, — было ограничено на самый грубый солдафонский манер. Теперь желающий пригласить кого-то в здание редакции должен был оформить заявку за два дня, с указанием ФИО, полных паспортных данных визитера, темы предстоящих переговоров. Плюс на бланке заявки внизу оставался окантованный жирной линией прямоугольник: «Результаты встречи». В общем, всем ясно — маразм.

Эти заявки секретарь Марина Петровна должна была регистрировать, передавать Геннадью Исидоровичу, и только с его визой бланки принимал на рассмотрение начальник охраны Храпов (введенный когда-то в национальное заблуждение строем переднего зубного ряда главного редактора). И если заявок набиралось на

три человека в день, Храпов ворчал: «Просто какой-то проходной двор, а не редакция журнала!» Более того, крайне не приветствовались даже... уходы на обед. Здесь уже (нешуточное дело!) на горизонте вставали Трудовой кодекс, профсоюз (журналисты тут вспомнили вдруг и о своем союзе) и вообще — фундаментальные права человека. Но Сумеров решил проблему — и опять в типичном своем стиле.

В цокольном этаже открыл столовую. Высокий уровень интерьеров и приготовляемых блюд объяснили: возможно, через год это будет ресторан со свободным входом. Но пока в жанре ведомственной столовки он по факту — ресторан, совершенно безжалостно и методично душил свободолюбие журналистов своими поистине чудовищными ценами:

Солянка мясная сборная — 9 рублей 93 копейки.
Солянка рыбная сборная — 11 рублей 55 копеек.
Уха из осетрины — 14 рублей 29 копеек.
Крем-суп из мидий — 12 рублей 74 копейки.
Котлеты по-киевски — 14 рублей 83 копейки.
Седло барашка — 19 рублей 68 копеек...

Многие фирмы дотируют свои столовые, но редакторы «Российского фокуса» столкнулись, понятно, совсем с иным случаем. Хозяин, сыплющий своим курам зерно золотой дорожкой, чтобы... цыпа-цыпа-цыпа... завести их в курятник и запереть. Или некий демиург, олигарх, кукловод, Карабас-Барабас. Скорее всего, слушал-слушал он эту популярную, именно в интеллигентских кругах и именно с периода перестройки, поговорку: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке», да и решил: вот вы ее повторяете уже двадцать пять лет, поучая друг друга, шлепаете этот штамп в своих статьях... а я сейчас возьму и положу вот тут кусочек его, «бесплатного», — и все равно ведь потянитесь!

Чисто теоретически жандармские меры пропускного режима можно было объяснить соседством помещений редакции с центральным офисом Инвесткредобанка (дело серьезное, денежное) или даже фактической их объединенностью посредством стеклянного перехода над Большим Версировским переулкам. Но... для чего же было тогда перетаскивать, не считаясь ни с какими расходами, редакцию сюда и мучить потом ее личный состав крем-супом из мидий за двенадцать рублей семьдесят четыре копейки!

Через месяц после того, как над Большим Версировским повисла стеклянная труба, а в восстанавливаемом храме стены завели под купол, в крыле, примыкающем к редакции, Сумеров открыл еще и частную медицинскую клинику. Какие там барыши они надеялась срубить при таком изуверском контрольно-пропускном режиме, где случайного, по своей инициативе зашедшего пациента скорее положат в проходной лицом в пол, с заломанными руками, чем на кушетку к врачу, замеряющему пульс, выписывающему рецепты и счета!.. Короче, как в таких военных, маниакально-секретных условиях может работать частная клиника — было просто не-по-нят-но.

А для чего все эти махинации, включая совершенно уже непонятную интригу с Альбиной Терлецкой? Любовница, поставленная (или подставленная) под самый ураган московских сплетен.

Хотя позволяла себе Альбина очень, очень много. Часто уединялась с Сумеровым, прилюдно и громогласно ему возражала. А вот как она оценила, и тоже публично, единый банковско-клинико-редакционный, а теперь еще и храмовый комплекс. Проработали там уже порядочно месяцев, но к завершению очередного бе-

зумного строительного этапа Сумеров нашел повод и средства устроить классическую презентацию, с телевизионщиками, шампанским, коньяком, икрой на тарталетках и перерезанием ленточки. То, что саму торжественную процедуру итогового лязга золочеными ножницами по алой шелковой полоске доверили Терлецкой — еще понятно: красива, телекамеры кругом, может, сами операторы и походатайствовали, репортаж ведь шел в городские новости. Но то, что она позволила себе сказать в эти камеры, свидетельствовало о просто-таки гомерическом фаворитизме и вседозволенности:

— Госпожа Терлецкая, а каковы ваши первые впечатления от нового комплекса зданий?

— Блеск. Ну, полный блеск! Увидел бы это Гитлер — бросил бы свой бункер и переехал бы сюда!

Человек пятнадцать это слышали. В теленовостях вырезали, конечно. Точнее, оставили в кадре Альбину, с ее улыбкой, серыми молниеносными глазами, и наложили поверх бодрый голос диктора про то, что, «по оценке заместителя главного редактора журнала „Российский фокус“ госпожи Альбины Терлецкой, новый комплекс зданий, несомненно, устроил бы даже и самого высокопоставленного европейского политического лидера».

Но в самом общем итоге работники «Российского фокуса» поверх ворчания все же удовлетворенно признавали: да! Сбылась мечта всех журналистов. О них говорили. О них даже сплетничали!

27

А по поводу наделавшей грома серии эссе, шедшей уже в семи номерах журнала, люди просто изошрились в самых головоломных версиях. Эти публикации представляли собой статьи с авторским, довольно оригинальным взглядом на какую-либо важную общественную проблему. А рядом с телом этого текста шли «журнальные врезки» — колонки дополняющей информации: статистические таблицы убедительных цифр и не менее хитро подобранные таблицы прогнозов, энергично убеждавших, что в такой-то сфере дела будут развиваться так-то и так и поэтому делать надо то-то и то-то. Эта серия «Российского фокуса» имела настолько серьезный резонанс, что взволновала не только праздных читателей, офисный планктон, аутсайдеров, примеряющих костюм оппозиционной интеллигенции, гламурных дам и прочих... Нет, даже представители самых деловых кругов, серьезные люди, распрощавшиеся со всеми иллюзиями взамен одной... — и те читали, проникались... а некоторые из них даже предпринимали конкретные бизнес-шаги, финансово-наполненные действия в направлениях, настоятельно рекомендуемых данными статьями.

И в этой журнальной серии он (они) так ловко диктует(ют) свою политическую волю, что эффект достигнут самый потрясающий: публика читает и развлекается, а тот, кому послание, похоже, и адресовано, читает, и делает выводы, и совершает важные бизнес-операции или государственно-управленческие шаги.

Причем нельзя было сказать, что инспирированная Сумеровым деятельность сводилась к одному вектору — высасыванию активов из организаций, чьи руководители поверили или «уверовали» в ждановские пророчества. Как заметил еще подполковник Рейнин, две компании, руководимые Моховым и Гальпериным, бизнесменами, в числе первых «попавшими» на сумеровский гипнотический рэкет, потерявшие в сумме двести тридцать восемь миллионов рублей, недавно скомпенсировали свои потери, правда, полностью или нет — неизвестно. Но теперь, действуя по новым внушенным и абсурдным советам, они вдруг получили по

средних размеров госзаказу. Рейнин в очередном докладе генералу Маникееву назвал это: «Ситуация пирамидальности». Теперь, как он предполагал, это было как-то связано со ждановскими статьями, но в чем была причина их действенности? Он вчитывался в них прилежно, как лютеранин в Библию, и генерал Маникеев, сколько мог, напрягал свои мощные извилины, но все равно над каждым номером «Российского фокуса» они снова переглядывались, как бы вопрошая: «Ну и кто из нас сошел с ума?»

Подполковник Рейнин тщательно всматривался в пометки красным фломастером генерала Маникеева — в возвращаемых экземплярах. Очень удобная форма: эти красные полоски наглядно являли гнев водимого за нос генерала, но сам исходный журнальный шрифт они не закрашивали, наоборот — подсвечивали. На такой яркой подложке непонятные, порой просто стилистически дикие, выпендренные строчки, фрагменты выделялись еще более зловеще:

Богатые тоже плачут, но о другом.

А возможное проявление Божественной воли в их контрактах было помечено как «Форс-мажор»...

Самая большая политическая ошибка со времен Понтия Пилата...

Их слезы прожигают землю до самого ядра...

Не в коня инвестиции... От олигарха и слышу.

Господи, помоги! Ну, или хотя бы не мешай!

Когда наш славный Мышеборец (как следует из контекста — это было сказано о заместителе генпрокурора страны!) извивался, как пришпиленный червяк доллара.

Мне завтра принимать парад планет.

Меня долго пугали этим лекарством, но мне-то был нужен — именно побочный эффект! Песня из слов, выкинутых из песен...

«Самоучитель по Старению»...

Это смотрелось как «белый танец» в голубом клубе.

Изнасилование — это продолжение политики ухаживанья — другими средствами.

А вклад США в мировую экономику оценят выпуском купюры в минус пятьдесят долларов. Тем более что с выбором президента, портретируемого для этой бумажки, было все ясно — см. характерные обезьяньи морщины на лбу (это Жданов, похоже, о Буше).

...Когда прибор сродни «Магическому Кристаллу» Пушкина открыл нам Великий шелковый путь в шерстяную страну...

Но если в извинение Игнату Жданову можно было сказать, что он почти уже сходил с ума в этой хитро сплетенной банковско-журнальной сети, ежедневно выдаваемый, выдающий в кумихинские склянки урочные нанограммы Вещества Веры... то что было сказать о прочих членах сумеровского синдиката? Или о читателях, собиравшихся за «Российским фокусом» небольшим, но уже заметным клином и считавших достаточно клеевым и прикольным то, что безумие наших дней нашло такого резонирующего безумца и юмориста — Игната Жданова? Или что сказать о самом Сумерове, инспирировавшем этот бред?

В тот период Сумерову было очень нужно проложить дорогу к четырем важным персонам, и он, давно не считая их за хороших людей, решил это сделать посредством тотального страха. И четыре экземпляра августовского номера с вымученно-глумливым эссе Игната Жданова пошли к ним по VIP-рассылке, щедро пропитанные «Веществом Веры». Двое «из объектов», на свое счастье, тогда отдыхали за

границей, и в их отсутствие журнальчики открыли, полистали, почитали: у одного — скучающая жена, у другого — любопытствующая секретарша. Обе они и приняли удар той «психической атаки», заслонив, получается, собою, соответственно, своих: мужа и шефа-любовника.

Но две-то оставшихся стрелы попали точно в цель, и люди, тратившие в год по четыре-пять миллионов долларов на «системную лизную охрану», вдруг почувствовали полную тщету и бесполезность этих трат перед изощренной выдумкой злодеев. А себя — абсолютно беззащитными, что и требовалось Сумерову, овечками.

Как раз тогда один из запуганных — огромными трудами и полторагодовыми интригами — добился-таки встречи в неформальной обстановке с федеральным министром. Министр был давний фанат и мастер бильярда, и бизнесмен-искатель с ходу проиграл ему триста тысяч — даже без всяких там поддавок. Но когда член правительства объявил: «Свяк в левую лузу» — и, сильно потянувшись, издал тот самый звук, который у зомбированного на всю голову бизнесмена ассоциировался, согласно ждановской статье, с самым изощренным из вариантов покушения... бизнесмен рухнул затылком о пол в глубокий обморок.

Охрана министра вызвала его охранников, те еще полтора часа вызванивали «своего» врача, в общем — трагедия. Министр, кстати, проявив потом настоящий гуманизм, сделал очнувшегося страдальца эксклюзивным поставщиком цемента и железобетонных конструкций, но тот... уже и не радовался... даже заработанным полтора миллиардам.

28

Поднимаясь к себе домой, Альбина устало перебирала события дня, поручения Геннадия Исидоровича и Сумерова, выстраивала их лестницей. «Надо ж, эти хорьки эдак и взаправду сделают из меня «бизнес-леди!» — в мысленной Альбининой усмешке раздражения не было, да и «хорьки» в ее лексиконе было совершенно неругательным определением, скорее — выжидательно-неопределенным: «Ну ты и хорек!», «Ну-ну, рассказывай, хорек!» И сегодня, когда Альбинино самовзвешивание определяло: «Почти бизнес-леди», выстраивая планы на завтра с незнакомым ранее оттенком усталости, может, даже удовлетворения, она, встрепенувшись, вспомнила в числе главных: Лин, ее Алинка будет же перезванивать сегодня вечером или даже подъедет к ней!

Утром сестренка говорила совершенно убитым голосом, Альбина в этот момент записывала указания Сумерова по целевой доставке октябрьского номера журнала, уточняла список новых адресов и попросила ее обязательно перезвонить или подъехать вечером, но на звонке или приезде они в итоге сошлись, Альбина вспомнить не могла.

После героического вызволения из лап скверной компании в клубе «Броненосец „Потемкин“», Алинка, конечно же, не удержалась, похвасталась отцу, и вскоре состоялся разговор, к которому Альбина так долго готовилась, перебирала столько вариантов и возможных разветвлений русла беседы. И вот наконец он позвонил ей сам.

Отец взволнованно благодарил за «спасение Алины», а ей вдруг показалось, что он сейчас, в этот момент, думает, что она это делала для него, только чтобы ему понравиться. Сама это выдумала и сама же обиделась, но ничего уже поделать с собой не смогла. Закончили разговор они тогда на том, что «обязательно надо будет встретиться».

Тему сегодняшнего горя сестренки Альбина немного представляла, догадывалась, что это как-то связано с ее непоступлением в театральное училище.

Войдя в квартиру и увидев клин света, упавший из кухни в коридор, Альбина испугаться не успела: радостный выкрик показал, что сегодня планировался только сюрприз. «Моня, сволочь!» — определила Альбина, и, слыша из кухни шкряб отодвигаемого стула и предполагая, дорисовывая еще и непременно кряхтение поднимающейся туши, Альбина почти инстинктивно, не разуваясь, повернула налево, в гостиную. Не желая встречи с Монею и выигрывая неизвестно для чего несколько секунд, она прошла в комнату и шелкнула выключатель. А здесь, похоже, и задумывался главный Монин сюрприз, и задумывался, несомненно, как максимально приятный, в пределах фантазии автора. Две бутылки и букет в вазе возвышались над полем вскрытых банок и лотков с деликатесами из магазина сети «Азбука вкуса». Шаркая безразмерными тапками, напоминая, наверно (если сейчас выглянуть в коридор), неуклюжего толстого лыжника, к гостиной приближался ее бывший любовник-спонсор. Альбина присела на ближайший стул, немного оцепенело уставила взгляд вверх «праздничного» стола и так замерла, пока на том диаметрально противоположном конце, между бутылкой и вазой не нарисовалось улыбающаяся жирная харя.

— Артур! А если я сейчас все-таки вызову милицию?

— Да-а-а?! Тогда, наверно, конфискованных вещдоков им хватит, — он гордо обвел рукою стол, — хватит на все отделение!

Чуть отодвинув баночку с мидиями и лоток с гусиным паштетом и выложив на освобожденное место мобильник («Не пропустить Алинкин звонок!»), Альбина приготовилась послушать. Минут тридцать-сорок.

Пять месяцев назад после первых же сумеровских окладов она «послала» Моню, забрала ключи и пока отделялась только его занудными звонками. Значит, сегодня надо будет выслушать его подробней и поговорить решительней. Может, припугнуть? Пожаловаться Сумеру? Но и у этого (у Артура), с его двадцатью, кажется, бензозаправками, тоже есть свои люди, и варианты, и ресурсы. А конфликт сейчас ну совершенно не нужен.

— Ты на своего нового хахала надеешься? Зря. Знаешь, как тут люди про твоего Сумерова говорят?

— Как? Что говорят твои люди?

— Ненадежный он ни капли! Не сказать — полный пустышка, но все ж дилетант полный. Ну ладно, срубил он за последние месяцы миллионов девяносто зелени, как люди прикидывают. Ну и что? Ведь в нашем деле важно не «срубить по легкому», как у шпаны, а вложить. Надежно. А все его вложения, они же как на ладони. Пшик. Журнал этот ваш, извини, это ж почти пшик! При всех сенсациях, что вы там последнее время наворотили... вот возьми он его сейчас продать — и четырех миллионов не дадут. А что он там городит на Большом Версиловском, это прямо... Фантазии Фарятьева. И Инвесткредобанк он сейчас заводит под свою ответственность в такие фантастические дебри, что потом, когда угар пройдет, вышвырнут его... и как звать не спросят! Ему, кстати, принадлежит там только двадцать восемь процентов...

— Справлялся?

— А как же. Что я тебе, порожняк гнать буду? И банк-то его по части инвестиций в реальном секторе — знающие люди просто смеются. Он же только всех уверяет, обещает...

Ожидавшийся звонок прервал поток «финансового консалтинга».

— Лин! Ты что, уже здесь? Возле моего дома? Это сестра, — Моне. — Нет, Лин, у

меня... — она окинула взглядом стол и Моню, — очень... неприбрано. Я сейчас к тебе спущусь. У нас в левом крыле кафешка, помнишь? Иди туда. Я сейчас прибегу.

В проеме двери она обернулась, попыталась что-то выразить взглядом, но, чувствуя, что не очень получается, вздохнула:

— Эх ты, Моня, Маня. Королева бензоколонки! Ты же просто — из позапрошлой жизни! Исчезнул бы по-хорошему. Я бы тебя и связала, и отстегала бы по старой памяти... еще один раз. И все прочее... Но только уж под расписку, чтобы официально, на бумаге: заявишься после этого ко мне еще раз — будешь мне должен... м-м — десять миллионов долларов! Идет?

И, не слушая ответа, пошла к лифту...

Алина сидела, ничего не заказывая, уткнувшись в салфетницу, но, почувствовав ее шаги, повернулась, потянула руки: «Альба!», и Альбина вновь остро почувствовала, что вот за эту глупышку сестренку она может избить или даже прирезать кого-нибудь.

Но на этот раз бить было некого, разве себя, как кошка хвостом, нагоняя ярость. Бессилие. Чем сможешь в случае Алинки, вдруг твердо решившей, что если она не станет актрисой, то жизнь ее прокатится вся впустую.

Этим летом она не поступила в Щукинское училище, а теперь еще папа строго-настрого запретил идти на курсы.

— Полно ведь актерских курсов, а есть среди них и очень хорошие, за год можно и подготовиться отлично, снова в Щуку, можно и во ВГИК. И кроме того, сами курсы дают хороший шанс. К Рачковской, например, часто, чуть не каждый месяц приезжают, проводят кастинги, берут на сериалы. А там и дальше могут заметить... Но папа вдруг так резко повернул. «Слышать не хочу ни про какие курсы! Пол-Москвы уже на них сидит, сами себя дурачат. Модели, артистки, фотохудожницы, портфолио...» И сказал, чтобы на будущий год выбрала бы себе вуз «нормальный». Чтоб до ноября выбрала! И обязательно чтобы пошла работать по этой специальности до следующего лета, до вступительных...

Альбина чувствовала, что в сестренке нет ничего, чтобы хоть надеяться на будущее актерство. Мягкая красота, но такая беззащитность! Нежная, невпопадная, почти неуклюжая, кулема. Никакого внутри нерва натянутого, опыта душевного... Ну в крайнем случае, может, — здоровое чутье продолжало начитывать Альбине, — может, через несколько лет, получив опыт, который всегда — опыт страдания, она может что-то предъявить этим самодовольным приемным комиссиям, сузить глаза, выругаться, разбудить. Но страдания она пожелать Алине не могла.

А тут и еще, как выражается Сумеров, «поступила вводная!» Оказывается, мы ко всему еще и смертельно влюблены. В Маковецкого Сергея. И разыскан уже его почтовый адрес, и послано ему восемь писем-признаний. И ответил он, странная закономерность — только на третье. Обычным ободрением: «еще вся жизнь впереди», «и, уверен, будет много...», «желаю всего самого...».

— Слушай, Лин, так ему ведь... лет пятьдесят пять уже?

— Пятьдесят два! Какая разница!

— Видишь, есть разница, если поправляешь!

— Ой, Альба, ты сейчас прям как папа!

— А он что, знает?

Ну и как тут сможешь? Как выдохнуть в это ушко «с точь-в-точь похожей, родной мочкой» весь свой полезный, но горький опыт? Алина держалась, как могла, ни всхлипа, ни взрыда, но слезы просто сами побежали, и она схватила Альбину за руку: «Аль-бааа».

Сложив салфетку и оглянувшись на пустой зал, Альбина начала аккуратно промакивать соленые русла: два раза салфеткой — один раз поцелуем...

— Ой, какие тут нежности! Какие шаловливые сестренки! Поздно же я к вам спустился. Или... может быть, рано? А меня к себе возьмете, сестренки? Будем как у Чехова, Антон Палыча. Три сест...

— У-у, Моня! — как от зубной боли, повела головой Альбина. — Забыла ведь о тебе, свиненыш! Совсем забыла.

— Что же ты тут моришь голодом свою сестренку? Как зовут?.. Ну звать-то как? — жалобно, к старшей. — Аа-лина?! Алина?! Похоже как-то у вас звучит. Рифмуется... Альбин, видишь, девочка же проголодалась, а ты ее держишь на этой дурацкой сырной тарелке! Ну-ка, ну-ка! — И первый за весь вечер Альбин жест ему навстречу: передала меню. — Так-так. Блинчики в шоколаде, оладьи в вишневом сиропе, тирамису, — выклеывая каждую строчку из меню, он вопросительно поднимал глаза на Альбину, — так... омлет... Слушайте! Да что мы тут перебираем эти птичьи корма, когда наверху у нас стол просто ломится... и икра, и фуа-гра для голодненьких с утра...

Младшая вопросительно поглядела на старшую. Альбина, еще пять минут назад с трудом переваживавшая мысль, что этот скот сидит за одним столиком с ее сестрой и что-то еще пытается заговорить, несколько смягчилась.

— Ладно, мы сейчас поднимемся ко мне, поужинаем. Одно условие, Артур. Ты молчишь или в самом, самом крайнем случае обращаешься только ко мне. Понятно?

— Ясно, Альбиночка, как прямо... я не знаю. Только к тебе.

Поднялись в квартиру. Младшая сразу побежала в ванную, мыть руки, проверять глаза, а старшая, оценивающе оглядев Моню, прошипела:

— Еще раз предупреждаю. Она правда сестра моя, родная. И если ты... хоть на миг полезешь со своими обычными разговорчиками, я тебя вот этой бутылкой по башке садану, даже не предупреждая. А еще... — а еще я выложу в Твиттере твои фотографии, которые, помнишь, в феврале...

— А ты что, переписала их? Когда? И сохранила? Альбин, ну так же не договаривались!

— От козел! — удивленно даже выдохнула Альбина, — а ключи копировать, в дом ко мне влезать — это договаривались?!

Ее дылдошка вернулась, уселась за стол. Почти перед каждым новым яством она вопросительно взглядывала на сестру, та кивала, и Алина подвигала к себе баночку или лоток.

— Альбина! А позволите ли вы предложить вашей сестре бокал этого сухого бордо?

— Нет.

Алина покорно чокнулась с ними газировкой и продолжила уплетать мидии. «Вкусно, Альба!»

Надо же! Вымахала, наверно, уже все метр семьдесят семь (как и при самой первой встрече Альбина оценивала рост сестры, отсчитывая от своих метра шестьдесят девяти), — и такая при этом детская доверчивость к старшей сестре и абсолютная безропотность. Вот что разрывало Альбино сердце! Она хотела бы просто поцеловать этот чистый, ясный лобик, раздвинув занавески льняных прядей, но... сейчас ей надо было думать, думать и думать. Изловчиться и провести сестру между рифов самого опасного (хорошо знала по себе) возраста. Сейчас она, Альбина, должна суметь, исхитриться, заменить ей и отца, скрывшегося за стеной неразговорчивой строгости, и эту Рачковскую с ее лохо-коммерческими актерскими

курсами, и этого актера Сергея Маковецкого, отвечающего из восьми писем — только на третье.

29

Андрей Румянцев за чашкой кофе в редакционном баре вспоминал, заново проходил весь разговор с Петром Александровичем Рябовым. Словно шел с ним по мрачному подземному коридору, тыкаясь в поисках выхода. Ситуация еще держалась близ точки равновесия, раньше, когда темные периоды Жанны («мать межпланетного монстра, врага землян») чередовались со светлыми (мадонна играющая с Христом). Теперь же целыми неделями шли «черные», их разрушающее действие на психику усиливалось, и вызываемые врачи на консилиумах и другие врачи на альтернативных консилиумах равно заводили речь о психоневрологическом стационаре.

— Андрей! А это ведь будет — конец. Я это понимаю, что бы там эти... себе под нос ни бормотали, — депутат Мособлдумы просто не знал, куда еще направить свою бешеную энергию и немалые средства.

В Андрее Петр Рябов видел не только сотоварища по несчастью, представителя разогнанной группы следователей, но и верного друга, ищущего, как помочь его несчастной Жанне.

Насчет очередного вспомоществования пострадавшему бывшему капитану Семионову, чинящему теперь унитаза, Рябов сказал, передавая первый «транш»: «Через месяц — еще. Если забуду — напомнишь».

Но не забыл. Но Румянцев сам не взял.

Возможно, те первые тридцать тысяч рублей и повредили Семионову. И в том именно направлении, которого Рябов опасался: экс-капитан стал пить больше, жена его прогнала совсем, и он окончательно поселился в офисе на Большом Версильском.

И сейчас, когда Румянцев лихорадочно перебирал варианты, сидя в редакционном баре «У Рустама», рядом привычно плюхнулся Семионов, в привычной уже балахонной рекламной майке, теперь с надписью: «Красноярскстройдортехника. 65 лет». Как его туда-то занесло?

— Жена кричала на меня каждый день. Не могу жить с безвольной тряпкой! Обещал бросить пить! У тебя, говорит, совсем нет воли! А я ей честно отвечаю: воля у меня есть, но... она мне ничего не велит...

Андрей додумывал в это время двухуровневую авантюру. 1) Вывести Игната на разговор об инопланетянах, подвести его к умозаключению, что инопланетян нет. С этим было очень сложно. Возможно, он вспомнит свою давнюю бутырскую версию-фантазию и вновь проникнется своей фирменной Верой, Версией.

Тогда запускается 2) Программа-минимум. Убедить Игната, что не бывает, просто не может в природе быть злых марсиан, инопланетян. Ну, что там... весь Космос — творение Бога, доброго, заметьте, Бога. Зло свойственно созданиям на низшей стадии духовного развития. И если они там, на Марсе или альфа-Центавре, додумались до мощных межпланетных кораблей, то всяко уж не могут они быть злодеями, насилующими земных девушек для получения потомства и завоевания Земли. И если Игнат «добрыми» проникнется, можно подумать и о передаче «Вещества Веры» Жанне. Будет она — матерью спасительного Христо, а там посмотрим.

Только как я сам смогу навялить это Игнату?! Что, бубнить ему весь вечер: «Они добрые, добрые, добрые!»

Подбросить Игнату десяток таких книжек, именно советских. С добрыми.

Андрей открыл ноутбук, вай-фай в редакционном баре работал надежно, набрал, как мог, в поисковике свой запрос и тяжело задумался над ответом. Гугл считал, что Андрею нужны именно «книги А. и Б. Стругацких. Купить. Адреса... Заказать...»

Румянцев (так вышло) хотя и не брал в рук ни одной из книг братьев-фантастов, а все ж засомневался. На «Сталкер»-то он ходил, с девушкой, еще в Рыбинске. Вроде и понравилось, но... подходящим сейчас это произведение назвать было никак нельзя.

«У-у, диссидентура гребаная! Правильно нам на курсах в МВД говорили! Как для дела надо — так доброй фантастической книжки у них и за деньги не достанешь», — проворчал Румянцев, но уже шутейно, стилизованно под кого-то. Он вдруг вспомнил, кто ему точно поможет: Софья Генриховна, самая мировая и литературно подкованная тетка!

И Софья Генриховна, чутко уловив всю срочность диковинного запроса, на следующий же день выдала не просто список, а притащила, бедняжка (две пересадки в метро), целую связку старых, советских, добрых, фантастических книжек. К вечеру все были у них в квартире, и Андрей Румянцев, завлекая Игната, с наигранным азартом начал листать истории о межгалактических Коммунистических Интернационалах, Советах... Все темы разговоров, кроме фантастики, отвергал, и, как единственный друг и конфиденгент он добился-таки, что на следующий вечер Жданов, отложив Бодлера, с сомнением взвесил на руке старенький том: «О. К. Емушев. Рассвет над туманностью Андромеды»...

Но и это было меньше чем треть дела. Жданова еще нужно было увлечь настолько, чтобы он согласился наговорить чего-нибудь не для широкой печати — в Дыханиеприемник. Потом распечатать (это — самый пустяк), сконденсировать «Вещество Веры» (а вот с этим без Кумихина похоже не обойтись), составить Рабочую смесь, пропитать ею листки рассказа и лететь в Жуковку, где за высоким оцинкованным забором, в небольшом поместье сидит, забившись (куда теперь после «темной гардеробной?»), его Жанна.

30

Убийство актера Павла Валерьевича Сухотина, бывшее две с половиной недели второй по рейтингу московской сенсацией, для нескольких организаций стало в их работе еще и очень непростой «вводной», усложнением текущих задач. Справляться с которыми они и начали в зависимости от своей изворотливости и выделенных бюджетов.

В Инвесткредобанке и «Российском фокусе», сколько смогли (три дня), скрывали от Игната это событие. И скрывали недаром. Похоже, что Страх и Вера — вещи несовместные. Правда, в Бутырке ему удавалось фонтанировать, выдавать верогенерирующую версию, но та ведь напрямую касалась его личной судьбы.

А теперь-то Сумеров направлял луч его «гиперболоида Веры» на общественные, экономические проблемы, на крупные и крупнейшие российские корпорации.

В периоды накатывающего страха Игнат Жданов или вовсе замолкал, бывало, и на полдня, или редкие его фразы не имели уже этого эффекта. «Волшебное Огниво» из старой сказки могло сломаться и окончательно — вот какое опасение бросало Сумерова в самые тяжелые размышления...

Компетентные люди понимали, что с убийством «дело Сухотина» не закончится. Более того, можно сказать, в некотором (вполне абсурдном) смысле с убийством не закончилась и... кинокарьера Павла Сухотина.

В криминальном сериале играемый Павлом бывший продажный, но постепен-

но вставший на путь позитива и борьбы со всемогущей мафией оперативник погиб за кадром, но дело продолжил его друг, молодой лейтенант, в кабинете под Павликовым портретом с траурной ленточкой...

Гораздо сложнее было с комедийным сериалом, где Павел играл Витю — соседа главного героя. Они там дружили еще и семьями, обеспечивая динамику сюжета и регулярный вброс шуточных реплик. Но в комедийном сериале ведь никто не может не то что погибнуть, но даже и постареть! И к тому же предыдущие семь серий оба друга, их жены, дети обсуждали между собой и со всеми знакомыми намерение сходить в Третьяковскую галерею. В Третьяковку они все же пошли (аванс дирекции галереи был выплачен) — но голова «Вити» была забинтована до самой макушки, и говорить он в тот день не мог. «Витя у меня такой неуклюжий! На даче в соседский улей упал прямо лицом. Такой смешной, нет, та-ако-ой смешно-ой!»

Сериал был рассчитан еще на три-четыре сезона, и что самое скверное, некоторые кредиты, авансы за размещение в нем рекламы были уже потрачены. А город по-прежнему обсуждал мотивы убийства актера Сухотина, и... что весьма характерно, даже страстные любители этого сериала, можно сказать, выросшие на его шутках, под наложенный закадровый хохот теперь с немалым злорадством ждали: ну как там выкрутится телеканал РВН?! Куда еще после соседского улья они бросят труп нашего Вити-Паши?..

А совет директоров страховой компании, где рекламное лицо Павел привычно вручал разным семьям похожий на Тору свиток полиса... проматерившись полтора часа, смог принять только решение о снятии бонусов начальникам отделов рекламы, пиар-отдела и пятидесятипроцентном начете на зарплаты всем сотрудникам поголовно.

Обещанные пять тысяч евро автору лучшей «идеи Исхода Вити» (а это был один из гримеров, давно мечтавший о должности сценариста) телеканал РВН выплатил не сразу. Надо было выждать, как это «аукнется».

Арзамасская сестра покойного Павла Сухотина приглашалась в Москву, и герой Витя радикально менял свой пол, продолжая свое шествие по сериям (пять в неделю) уже в качестве Виктории! А так в остальном — семьи продолжали дружить и обмениваться шутками.

По счастью, Жданов после того, как жена два года назад забрала их телевизор, нового не заводил. Но однажды в редакции, в отделе «Международная жизнь», куда почти случайно забрел Игнат, смотрели телек (в московских офисах так порой бывает, с дисциплиной еще не везде пока...), и, как назло, именно тот сериал. Подобная реинкарнация Павлика потрясла и еще больше напугала Игната, и Сумеров распорядился у всех телеприемников в Инвесткредобанке и «Российском фокусе» заблокировать кнопку канала РВН, а всю серьезность вопроса проиллюстрировал увольнением «двух нарушителей трудовой дисциплины отдела «Международная жизнь».

31

В самую сердцевину сердца своего Проекта, с объяснением сути Ждановского Эффекта и тайного механизма его использования, Сумеров посвятил троих человек, ровно столько, сколько было абсолютно необходимо для работы. Предположить,

что можно было б и меньше, для сохранности тайны, или больше, для пользы дела... — но для такого предположения нужно было бы стать управленцем, военачальником, шпионом-резидентом, сравнимого с Сумеровым уровня. А это было очень непросто, если не сказать...

Румянцев разрывался между личной опекой Жданова и работой в Ассоциации детекции лжи, мимо которой абсолютно невозможно было пойти в проведении массовых проверок на полиграфах. А вот зачем это нужно, что такого могло дать участие в собеседованиях и тестировании кадров, — это знал уже только Сумеров. Иногда ему приходилось и самому лично залезать на поддоны с тиражом, стаскивать и вскрывать в комнате № 17 пачки журналов, листать до нужных страниц, затем осторожно подносить бутылочку с «Рабочей смесью», снимать колпачок, под которым на горлышке сидит обычная детская соска, и помечать... невидимыми миру слезами, то бишь выдавливать на колонки текста десяток капель. Все сопутствующие детали объяснялись просто. Соска в отличие от губки, кисточки — более экономный расход «Рабочей смеси». Последующее обертывание термоусадочной пленкой позволяло лучше, дольше сохранить «Веру» от испарения.

Но, конечно, председатель правления Инвесткредобанка, лично промакивающий страницы и оборачивающий журналы пленкой, — это бывало нечасто. В основном эту работу выполняли то Кумихин, то Терлецкая, а чаще всего... Кумихин и Терлецкая вместе.

Сумеров еще во время самого первого долгого их разговора, «размазывая Геннадия Исидоровича и выпытывая подробности прежней Игнатовой жизни, практически угадал в Альбине большой запас того, что про себя он называл «веронепроницаемость»...

— Вы говорите, Альбина, все верили ему. А вы сами?

— Я сказала, все верили, кто слушал, вслушивался.

— А...

— А я особо и не вслушивалась. Зачем? Я его у Машки Кондратенко отбивать не собиралась!

Эти слова, но больше сам тон подсказали Сумерову, а тщательные и осторожные тесты подтвердили: она относится к тому же типу, что и Кумихин с Румянцевым. И на нее был взвален участок работы — самый «раздерганно-ответственный», по выражению босса. Свой роскошный кабинет замглавреда и трехсоставной оклад (легальная банковская карточка, полусекретный конверт и совсекретная пачка тет-а-тет, Сумеров) она оправдывала вполне. Именно ей босс обрисовывал очередные цели (Сумеров вообще избегал помногу общаться с Игнатом), и она излагала их уже как редактор, в знакомой Жданову форме. Корректировала, настраивала его на очередной экзерсис и доводила полученный продукт до какого-то журналоподобного вида. И это был уже третий фронт взаимодействия, теперь — с Геннадием Исидоровичем.

Четвертый фронт ее работы (первый — уяснение задач Сумерова, второй — Жданов, третий — Лодкин) был Кумихин. Бутылочки с «Рабочей смесью» нумеровались и подписывались соответственно номеру журнала, — и момент встречи, «поцелуя» резинового наконечника с бумагой... соски со страницей, был самым важным, почти торжественным. Путаница уничтожила бы экономический результат Эффекта Жданова.

Эдуард ретиво хватался за обработанные экземпляры, иногда их набиралось под две дюжины, а это уже был порядочный вес.

— Альбина, а в следующий четверг, вечером, на тусовку к Игнату ты не собиралась? Там будет очень интересная певица, Лариса Казанцева. Помнишь, я рассказывал?

— Которая...

— Да, которая поет почти всех бардов, просто невероятно — как поет! Я, например, вещи Берковского, Ивасей, Михаила Щербакова люблю именно в ее исполнении. И два гитариста у нее очень приличные. В общем, КСП — на самом верхнем уровне.

— Это ты организовал?

— Ну в какой-то мере...

«Тусовка у Жданова» объяснялась просто. После убийства Павла Сухотина Игнат совсем забился в угол. Он и раньше существовал в пределах маршрута: квартира на Новослободской — офис на Большом Версиловском, и почти всегда в сопровождении Румянцева, на его служебном «фольксвагене». А теперь и вовсе не хотел покидать банковско-редакционную крепость.

И Сумеров, собрав в очередной раз свою Избранную Раду, попросил «всячески поддерживать Игната, развлекать его, что ли». Андрей Румянцев, например, понял это как приказ — тоже переселиться в офис, и квартиру на Новослободской он после этого только навещал. В новом комплексе зданий нетрудно было выкроить, в стиле и под видом, допустим, «служебной гостиницы», на четвертом этаже — несколько апартаментов, оборудовать на самом хорошем уровне. О столовой уже говорилось.

Теперь эти «тусовки в поддержку». Что-то Сумеров мог, совершенно не опасаясь раскрытия тайных пружин, предложить и Лодкину: «Вечера отдыха коллектива редакции», «Приемы, посвященные выходу номера журнала», все смотрелось вполне органично — эпоха «корпоративов». Бюджет (очень достойный) выделен. «...И есть еще идея: разыскать, может... старых литературных друзей Жданова, собрать их, попросить почитать стихи или другие произведения... в общем, в теплой товарищеской обстановке...»

«Специальным музыкальным гостем» Сумеров, с его замашками, тайным сарказмом и подобной тактикой, наверное, мог пригласить и какого-нибудь... Рода Стюарта, Элтона Джона, — поэтому вмешательство Кумихина вернуло «тепло-товарищескую» идею в рамки минимального здравого смысла. Он заверил Сумерова, что барды, например, Лариса Казанцева, — именно то, что очень нравится Игнату и его старым друзьям...

А от Терлецкой Сумеров требовал прямо-таки почасового мониторинга отношений Игната с Марией Кондратенко.

— Она же в него влюблена была еще до... до того. Ты же сама, Альбина, рассказывала, еще на самой первой беседе. Видишь, я помню. И ты как Машина подруга могла бы помочь им...

— Вадим Сергеич! А может, мне самой пару раз дать Игнатушке нашему, если это вас так напрягает?! Вы только прикажите! Мигом!

К таким резким «коротким замыканиям», чтобы, глядя прямо в глаза, да еще с расстояния почти вплотную, столь резко рубануть: «Прикажете мне дать ему?» — Сумеров совсем не привык. И снисходя к смятению шефа, Альбина аккуратно и точно доложила, все, что «у Игната было с Машей». А было одно мучительство, каковое сердечно-поверенная, лучшая подруга изобразила прямо в лицах...

— ...И когда Машка ближе всего подвела разговор к главной теме, так что даже этому самопогруженному дундуку стало понятно, он только повздыхал-повздыхал, да и выдал:

— Ну вот, Маша, ну станем мы жить вместе, ну поженимся... и все у нас окажется, как в плохом голливудском фильме.

— Ну почему, почему ты все всегда наперед объявляешь, изрекаешь?! Ну почему, Игнат, у нас не может сложиться — как, например... в... хорошем голливудском фильме? Ну?!

— А потому, Маша, что хороших голливудских фильмов — не бывает!

32

К Игнату Жданову Альбина всегда относилась «без пиетета» — и в самые первые свои месяцы в журнале, и потом, в период, по старорусским меркам очень выигрышный: Игнатов «неповинного страдания». И теперь, в выигрышный уже по новорусским меркам период, то есть во дни Игнатового оглушительного успеха, ей было не до него. Сейчас ей приходилось подолгу общаться с ним, выполняя роль ретранслятора сумеровских приказов, редактора Игнатовых текстов. И ничто с обеих сторон не мешало их деловым отношениям. Он, правда, отпускал ей пару раз комплименты, но вполне эстетического, поэтического, а может, и протокольного характера. Ведь для не подозревавшего о своей волшебной роли Жданова Альбина все-таки была начальник.

С ее же стороны была та самая, подмеченная Сумеровым «веронепроницаемость». И в просто житейском измерении ей было «совсем не до него» (тут применивались и нахлынувшие алинкины проблемы). И во всех прочих измерениях — Игнат был не в ее вкусе.

Кумихин первый поразил ее «в положительном смысле», когда во время совместной работы в комнате № 17 он вдруг спросил:

— Альбина Викторовна, а Виктор Терлецкий, академик, он вам кто?

— Боже! Ну хоть один знает!! А то ведь только артисты-юмористы да «Дом-2», да Басковы-Колбасковы!... Отец он мне! А вы-то откуда про него слышали?

— Я, Альбина, кандидат медицинских наук, но поверьте, все ученые, все настоящие научные работники — они постоянно поддерживают общий научный кругозор, это просто их... имманентное качество. И работы академика Терлецкого в физике высоких температур...

Альбине захотелось тогда чмокнуть его прямо в кончик носа.

— Вы знаете, Альбина, а ведь мы с ним оказались почти соседи! В «Вестнике Академии наук», номер три, за 2007 год, есть его статья о новых плазмотронах, а потом, через тридцать девять страниц, обзор работ и нашего НИИ! Он подписан, правда, авторским коллективом, семь фамилий, но и я там есть, в алфавитном порядке. Согласитесь, как-то даже забавно: Терлецкий и потом бац — Кумихин! Представляете? Я как впервые услышал вашу фамилию, сразу вспомнил, а вечером дома нашел тот номер «Вестника Академии»...

И разговор перешел на текущие темы. Вместе со спецвыпуском для рассылки набиралось двадцать три экземпляра, Кумихин вызвался проехать, помочь. Альбина согласилась. В дороге он очень смущался, боялся, что его историю с «Вестником Академии наук» могут все же воспринять как обычную байку, вульгарное заигрывание, ложь. И когда он повторил, немного в другом контексте, что может завтра принести посмотреть академический журнальчик, Альбина прервала его, стилизуясь под героиню какого-то фильма, с картинными придыханиями:

— Да! Привези его завтра! Непременно! Но прежде вырви эти тридцать девять страниц!

— Ч-то?

— Вырви, вырви их! Те тридцать девять, что разделяют Терлецкого с Кумихиным! Вырви их навсегда!! — На третьем придыхании она почти вскрикнула, уже совсем явно пародируя бразильские сериалы, назвав по ходу мизансцены Кумихина на «ты», она так и закрепила на этом рубеже. И через примерно полчаса и Эдуард Кумихин перешел на «ты» и от «...Викторовны» — к просто «Альбине». Тоже ведь какой-то, но результат, некоторым для этого приходится раз пять-семь сходить в кино, выпить литра по три коктейлей или шампанского...

Через пару дней в комнате № 17 Альбина с Эдуардом пропитывали спецвыпуск «Российского фокуса» с очередным Игнатушкиным эссе «Триумф боли» (аллюзия на название известного фильма Лени Рифеншталь»). Этот залп предназначался — никогда не догадаться бы по названию — нескольким московским девелоперским программам. Кроме того, в номере шел и повтор запугивающего эссе «Мне завтра принимать парад планет» из июньского номера, предназначенного гендиректору «Нефтеойлпетролеума», тому самому, кого заслонила своим телом, своим красивым носиком, своими несчастными легкими его любопытная секретарша Дарья. Восстановив всю картину, пристроив «зомбанутую на всю голову» и безжалостно уволенную нефтяником секретаршу, Сумеров решил повторить свою психическую атаку. Ловко и, главное, практически без дополнительных расходов. Всего-то предстояло в спецвыпуске, предназначенном для девелоперов, отделить два-три экземпляра и пометить их на страничках с повтором угрожающего эссе — только не перепутать! — июньской «Рабочей смесью» и выслать их опять директору «Нефтеойлпетролеума». Это ведь не то, что выделять на повторную атаку весь следующий номер журнала.

Арифметика совсем простая: общая цена тиража очередного номера «Российского фокуса», с окладами, гонорарами, версткой, цветопробами, печатью, доставкой, перевалила уже за девять миллионов, а себестоимость трех экземпляров журнала восемьдесят один рубль. Правда, до такого маневра, по аллегории восхищенного Сумерова — «с разделяющимися боеголовками», еще надо было додуматься! За что Альбина Терлецкая и получила свои двести тридцать семь тысяч рублей (чистыми) премии. Мало? Справедливо. Ведь нет гарантии, что и повторная атака достигнет успеха: вдруг нефтяник опять укатит на Сардинию (любил он это дело), а новая секретарша окажется такой же любопытной и распечатает змеино шелестящий целлофан спецвыпуска «Российского фокуса»?!

Во время операции двойного, раздельного промакивания Альбина и спросила Кумихина:

— Знаешь, кого я сейчас представила?

— Нет. Скажи.

— Екатерину Медичи, пропитывающую ядом перчатки, для этой, как ее, м-м-м, не помню...

— Да-да... Нет, тоже не лезет в голову. Помню, кажется, что — мать Генриха Бурбона.

— Кажется. Значит, тоже читал... Давай-ка нефтяниковские журналы сюда. Я лучше еще и фломастером по целлофану помечу.

— Правильно. Только не крестик — как-то зловеще будет.

— Согласна. В этих службах доставки ведь постоянно черкают на пачках любую фигню, только им понятную, да?..

— Альбина, я давно хотел спросить. А когда ты так громко наехала на Вадима Сергеевича, помнишь, на совещании, ты сказала: «Может, вы прикажете мне самой пару раз дать Игнатушке нашему?! Так я мигом!»

— Да, припоминаю. А что ты спросить-то хотел?

Красные уши Кумихина просто вопили: «ДА! Угадала! Это самое!»

Но Альбина совершенно спокойно, как после разговора о погоде, приступила к раскладыванию журналов по стопкам. Распасовав, она переложила их в две сумки: большая уходила девелоперам, меньшая — нефтянику.

— Готово. Пошли, Эдик?

— А-а-льбина! А ведь ты мне и не ответила.

— А ведь и ты меня не спросил же!

Загрузившись в БМВ, они пару минут выбирали маршрут и решили начать с нефтяника, это рядом с Софийской набережной. «И какая у нее мгновенная точность! — размышлял Кумихин. — Откровенность на откровенность. Шаг на шаг. Я ведь действительно ее не спросил — тряпка!» В машине на заднем сиденье они перешли, с поправкой на слух водителя, к посторонним темам. Альбина пересказывала ход партии Мария Кондратенко — Игнат Жданов. Та продолжала восторженно признаваться Альбине, открывая новые и новые поводы для восхищения Ждановым. Поверх ореола неповинного страдальца был наброшен и лавровый венок «автора лучших эссе в России».

32-а

«Деньги к деньгам, Вера — к Вере», все правильно. И я, кандидат наук Эдуард Кумихин, заработавший за этот год, наверно, вдесятеро больше, чем вся лаборатория моего НИИ, спускаюсь в сумеровский подвал, любуюсь миллимикромаковыми родинками Вещества Веры, их победительным ртутным блеском, слежу за бликами, игрою ореола, прежде чем развести их порцией сверхчистого спирта и превратить в «Рабочую смесь №...» для пропитки страниц напечатанных словес, для вдыхания далеким незнакомым банкиром или девелопером. Новое тайное развлечение. Поднес к глазам пробирку, поймал серебристый блик Веры и потом перевел взгляд на нарочно прихваченный с собой фрагмент из Библии. Распечатка, листок из моего принтера, да и зачем эти кожаные томики, когда санкционировали, и поди, уже... благословили размещение на сайтах Писания, это я еще распечатал, а новым хватит и экранов с быстротекучими кристаллами. Вот еще дилеммка для богословов: пока доберешься по лабиринту ссылок до благочестивого сайта, эти ж самые экранные текущие кристаллы сольются-разольются в десяток зазывных задниц, рекламных грудок, влажных губок, мигающих глазок... ну да ладно, вот она, распечатка, Евангелие от Матфея, глава 17, стих 20... *Будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: переиди отсюда туда, и она переидет...* горчичное зерно, ох эти евангельские нанотехнологии! Пророки дышали этим, а я сконденсировал, и что? В поисках подтверждающего эксперимент примера, а может, — о хитрейший Сумеров! — и замены нашему Игнату мы потихоньку протянули сквозь наши уловители дыхания, вздохи, трехсот семидесяти четырех... а нет, уже трехсот семидесяти девяти человек — и Ноль. Но что значит этот Ноль, это минус научно-экспериментальной базе — но не обычная ли это пропорция с библейских времен? Пророк и толпа. Может, один на поколение? Исая, потом Иеремиа, а потом Иезекииль, Даниил?.. Выучишь тут, пророка Исаяю перепилили деревянной пилой, Даниила бросили в ров ко львам, а Игната — в банковский подвал на пытку бессмыслицей научного протоколирования. Пришпилили, как бабочку, да-да... лет тридцать или сорок уже прошло с открытия ферромонов — объяснили, чем, как ищет мотылек своего мотылька, тыкающегося в кустах за пару километров. А ведь те самые километры расстояния между ними, особями, оборачиваются-то уж немереными кубическими километрами воздуха, в которые наш

седобородый гомеопат Саваоф вбрасывает одну молекулу: вдыхай! Лови! — и ловят. Вот же работа! Какого только *молока* с Сумерова потребовать: за метафизическую «вредность производства»? Какого молока? Понятно ж, какого молока тебе, Эдик, больше всего мечтается: А выдайте, товарищ Сумеров, мне Альбину Викторовну Терлецкую, если уж сами так упорно увиливаете...

33

В воскресенье выпала работа повышенной срочности и важности. К понедельничному визиту Сумерова в Торговый дом «Лер Монтий» отпечатали в трех экземплярах, прямо в редакции, на цветном принтере мини-буклет с картинками, статистикой московского ритэйлинга, прогнозами на следующий год и... очередной коварной Игнатовой статьей «Между миссией и рынком». Кажется, «Лер Монтий» должен был не только перевести счета в Инвесткредобанк, но еще и подписаться на какой-то перспективный совместный проект. Буклет их генеральному Сумеров намеревался оставить сам после переговоров, для окончательного размышления (со вдыханием аромата «Веры»).

К половине девятого вечера буклет был сверстан, отпечатан, и, отпустив сотрудников, Альбина спустилась в «Святая святых», полуподвальную, безоконную комнату № 17. На послезавтрашний «бал в поддержку Жданова» (ироничное, внутриредакционное именование вечера его «теплой встречи со старыми друзьями») Сумеров приказал явиться обязательно, и Альбина брала сестренку — не только «вывести в свет, развлечь». Срочно надо было и решать. Через неделю выходил срок отца ультиматума по выбору специальности и устройству на работу.

С этим «раскладом» в голове и буклетами для «Лер Монтия» в папке под мышкой Альбина приложила кодовую карточку к электронному замку, толкнула дверь и, войдя, шлепнула ладонью по выключателю. Ждановская статья «Между миссией и рынком» выходила уже в шестом номере. Вторую карточку она просунула в щель сейфа, похожего на большой банкомат, открыв тяжелую створку, отыскала бутылочку с надписью «Рабочая смесь № 6» и, разложив на столе три буклета, открутила пробку...

В это же самое время из-за шкафа с запасными экземплярами журнала вдруг медленно вышла... фигура. Кто-то ростом примерно с нее, в спортивном костюме и вязаной шапочке. Альбина успела только распрямиться, обернувшись, как нападавший плеснул в нее из кружки и крикнул: «Стой на месте, мерзавка! Это ацетон!» Теперь и запах разлитой по ее одежде жидкости ударил в лицо Альбине удушающим подтверждением: «Ацетон!»

Не опуская пока кружку в правой руке, нападавшая, а это была молодая женщина, подняла левую руку и чиркнула зажигалкой. Пока только угрожающе — отпустила большой палец, и пламя погасло.

— Сядь, мерзавка, и положи руки на стол!

Альбина, удушаемая парами ацетона, повиновалась.

— Видишь на столе скотч? Медленно протяни его ко мне на обеих вытянутых руках.

Скотч был уже с заготовленным «язычком», отделенной полоской ленты с завернутым кончиком, чтоб избежать долгого отковыривания. Альбина протянула его. Незнакомка осторожно, очень медленно и напряженно поставила на стол кружку, еще раз отведя левую руку вверх и далеко назад, чиркнула зажигалкой. Видно, что сразу, сейчас она поджигать Альбину не собиралась. Шмякнув мотком

по руке — заготовленный язычок скотча прилип к Альбениному запястью, — женщина по-прежнему, одною правою, смотала ей вытянутые вперед руки и только после этого громко выдохнула и опустила левую с зажигалкой.

Лишь теперь Альбина, начавшая крупно дрожать, взгляделась в лицо нападавшей. Какая женщина! Это была девчонка лет примерно пятнадцати-шестнадцати.

— Теперь объясняю. Я не собиралась поджигать тебя... — и после спокойной, идущей на понижение октавы она решила все же вернуться на пару тонов вверх, — сейчас! Мне просто нужно, чтобы ты, негодяйка, выслушала меня внимательно... Фу, как воняет! Я знаю, ты старше меня и точно — сильнее. И наверняка дерешься. Потому я и придумала это, с ацетоном. Теперь ты, мерзавка, меня и выслушаешь, и еще... хорошенько убедишься, что я решила серьезно, и, значит, могу и еще кое-что для тебя придумать, кроме кружки ацетона...

Альбине стало уже совсем плохо от ядовитых паров, и единственная ее трезвая мысль была, что ведь и этой маньячке сейчас так же плохо. И что в закрытой комнате они могут просто обе свалиться, потерять сознание.

— Что тебе нужно? — первые Альбинины слова. — И не чиркай больше зажигалкой. Ведь пары. Сгорим же обе!

Девчонка наконец засунула левую, видно, что сильно одеревеневшую от напряжения руку в карман. Вытащила пустой.

— Кто ты, вообще, такая?! Что нужно-то?

— Ты... теперь слушай... и хорошо запомни... — возможно, она тут хотела добавить и привычное обращение «мерзавка», но решила не тратить напрасно силы и долю выдоха, а вложить все в самое главное... Стащила той же деревянной левой лыжную шапку с головы — и буйная грива рыжих кудрей рассыпалась по плечам, будто раскрылся яркий японский веер. И дальше девчонка почти завизжала: — Ты! Запомни! Больше! Никогда не лезь к моему папе! Поняла?!

Сквозь ацетоновый токсикоманский бред Альбина только и могла-то беспомощно прошептать:

— К папе? К кому-кому? К какому папе?

«Боже! — ухнуло в отравленном, увядающем мозгу. — Дочь Сумерова. Точно. Десятый или одиннадцатый класс. Звать — Марина».

И дошла-то до этого вывода умиравшая Альбина только потому, что за таким дико невероятным «...а если он сам к тебе полезет» из памяти последних месяцев выскочили все эти шепотки, электронные письма. «Подстилка банкира Сумерова!» — и тот его наглый ответ в присутствии нескольких людей: «Тогда уж — накидка! Я ведь предпочитаю позу “она сверху”!».

— Ты хорошо запомнила?!

— М-марина... Давай выйдем куда-нибудь отсюда. Я сейчас потеряю сознание. И ты тоже.

— Ты не сознание сейчас — ты совесть потеряла! И давно!

Этот натянутый, дико книжный, старорежимный оборот Марина произнесла таким потухающим, усталым голосом и так тяжело осела на стул, что Альбина сообразила, что девчонка отрубится даже раньше ее. Боже! Кружка-то — она глянула на стол — почти пивная! А комнатка-то три на три метра! Вот идиотка!

Голова как центрифуга, жжение и колотье как от тысяч электроразрядов — Альбине казалось, что вся кровь собралась и прихлынула к ее лицу и рукам и сейчас может вспыхнуть даже без зажигалки... Предпоследним усилием воли она встряхнулась, поднялась со стула и сделала пару шагов к двери. Еще. Потом обернулась. Маринка сидела почти безучастно, глаза не реагировали. Видно, во время гневного монолога она забылась и дышала особенно глубоко.

Альбина, рискуя и сама навсегда свалиться в проклятой семнадцатой комнате, вернулась, смотанными руками, как вытянутой стрелой крана, схватила ее за рыжие волосища и сильно-сильно дернула. Марина подняла на нее мутные глаза, и Альбина, на последних силах повернувшись к спасительной двери, пошла, потащив эту идиотку, прямо за длиннющую ее рыжую патлу.

«Как овечку в загон!» — мелькнуло у Альбины, когда она пересекла порог и наконец вдохнула полной грудью.

Но и коридор не был спасением, нужно тащиться на воздух. И так же вытянутыми и смотанными руками Альбина потащила полусогнутую, запинаящуюся, два раза припадавшую на колени Маринку... картина уже, наверно, просто комическая. Моток скотча, болтавшийся у Альбины под руками, своей длинно раскрученной липкой стороной тоже, в свою очередь, прочно схватил буйную рыжекудрявую прядь.

Наконец коридор кончился, три ступеньки наверх, еще дверь — и они вывалились на внутренний двор, как чудом спасенные утопленницы. Присели на ступеньки...

Облетевшие березки и вязы, совершенно лысые макушки тополей, маковка без креста восстраиваемого полкового храма, мокрые крыши сумеровского комплекса (пробитое каре, ныне буква «П») — все было почти до самой весны накрыто старой кацавейкой позднеоктябрьского—февральского неба... и драная ее ватинная подстежка свисала, почти касаясь колючих шпилей, башенок, антенн и открытого бетонного комода с гигантской желтой надписью на крышке: «Райффайзенбанк».

«Похожа ли на отца? Вроде ни капли. Мать, что ли, такая рыжекудряя? А нет, вот так, в повороте головы... и взгляд — точно Вадима взгляд!»

— Альбин Викторовн, я правда, я...

— Да, молодец-молодец, напугала-напугала! Овца с кружкой ацетона — это ж страшней атомной бомбы!

34

Шампанское без изъяна и недостачи, трехтысячерублевая текила, примерно в ту же цену водка, икра и целый «океанариум» морепродуктов, согласно смете, — все имело место на «тепло-товарщеской встрече в поддержку Жданова», со списком приглашенных, согласно поданной за два дня заявке, программкой, пресс-релизом и так далее. Аккуратно расспросив Жданова, разыскали двух его друзей времен поэтической молодости и одного друга детства из подмосковного (ждановское определение) поселка Тверской области.

Геннадий Исидорович получил добро на приглашение Джона Фоксвинкеля, слависта, корреспондента, беседа с которым готовилась для ноябрьского номера и который собирался у себя в Чикаго что-то опубликовать о «Российском фокусе», серии громких эссе Игната Жданова, привязывая все к чему-то важно общероссийскому, может, к выборам?

А вот за Семена из «Русского шелкопера» вроде никто и не ходатайствовал — Геннадий Исидорович о своей полной непричастности готов был даже побожиться, но, занеся руку, вспомнил о более надежном аргументе и достал из грудного кармана копию своей заявки, предъявил: нет их...

Откуда же тогда они могли оказаться в сводной, итоговой? Сумеров не верил своим глазам, но в плотной колонке фамилий, чуть выше его собственноручной подписи стояли эти бессменные, бессмертные, знакомые уже чуть ли не с детства: «Гарин Семен, Кошелева Луиза...» Как «Маркс—Энгельс» или лучше — «Кот Базилио—Лиса Алиса»... Вадиму Сергеевичу Сумерову на секунду даже показалось, что он никогда в жизни и не служил ни во внутренних войсках, ни в ГУВД... а прямо,

сразу после Суворовского училища, все сорок лет только и издавал газеты-журналы, ходил на презентации, пил из пластиковых стаканчиков, набирал веера из пластиковых тарелок... и всегда рядом были они...

Вернувшись к «реалиям», он пометил себе: в течение вечера обязательно подойти к Семену и выяснить.

Красавиц Альберта Нартова Сумеров пригласил по нескольким причинам: он так и так финансировал их агентство-питомник, да и Нартов жаловался, что девчонки скучают в подмосковном гарнизоне, плюс участие в подобных промоакциях было одной из подготовительных дисциплин для будущих моделей. А еще Сумеров надеялся на них, если вариант Игнат плюс Маша Кондратенко окажется совсем безнадежным. В фирменных майках с логотипом «Российский фокус» они стояли пока за перегородкой, разделяющей основной тусовочный плац и коридор, ведущий к кухне.

— Здравия желаю, засадной полк Альберта Нартова!

Вот они стоят — его лучшее оправдание! Весь бы Инвесткредобанк сейчас разрезал бы полосками — им на приданое!

Единственно... он ведь просил передать Нартову, чтоб на сегодняшний вечер не привозили Дашу, экс-секретаршу гендиректора «Нефтеойлпетролеума». Сумеров пристраивал ее к Нартову по телефону, лично не встречался, но сразу угадал ее по напряженному взгляду. Ну да что поделаешь, не отсылать же ее домой сейчас. Тоже надо будет присмотреть. А от отца Мефодия, наоборот, лучше бы скрыться. Позавчера он опять говорил с женой, а значит — давал ей обещание еще раз попоповедовать мне, а значит — сдержит слово. Отец Мефодий сдержит.

И куда ж здесь от него скроешься? Сумеров оглядел свой «плац». Под сегодняшнюю «презентацию» отвели зал ресторана, того, что под маской ведомственной столовки пока искушал и унижал сотрудников редакции, лишив их — Выбора, Свободы просто выйти, пообедать в городе.

Рассчитав, что для «тепло-дружеской» встречи лучше подойдет формат фуршета, стулья удалили, а столы поставили по периметру зала, загрузили напитками и снедью согласно той безумной смете.

Девятнадцать часов двадцать три минуты, до начала «Дружеской встречи» семь минут. «Гости съезжались на дачу».

Уже упоминалось, что из бывших коллег Сумеров взял к себе троих. Начальником службы охраны стал Храпов, так обмишурившийся в решении «национального вопроса» Геннадия Исидоровича Лодкина. Экс-капитан Семионов, съехавший из начальников хозяйственного отдела в замы, а фактически и дальше, в неопределенную сферу вольного слесаря, электрика, бродившего почти бесцельно по офису, живая иллюстрация разрушительных последствий Эффекта Жданова. Третьим был малозаметный Александр Александров, «отдел информации», исполнитель самых разных поручений. Редакционеры его почти не знали, банковские иногда называли «главой сумеровской контрразведки», «секуритаты».

«Контрразведчик» Александр комментировал на ухо Сумерову.

— Который друг по детству, он из поселка Торфобрикет, название такое, Тверской области. А которые по поэзии: одного в Химках, другого уже здесь, на Хорошевке подобрали.

— А что это с «детским» там? Охранник что-то...

— А... — даже бесстрастный Александров улыбнулся, — это он бутылку водки с собой привез.

— Водки? С собой?!

— Первый раз, наверно. Хотел пронести в зал. В принципе охранник-то действовал по инструкции. Изъял.

Углядел: к «другу по детству» повернул Игнат Жданов, следом Лодкин с Фоксвинкелем и Семен с Луизой. Охранник, оглядываясь, держал, несколько на отлете, бутылку с этикеткой «Русская водка», «друг по детству» пытался забрать. «Ситуация требовала», и Сумеров шагом почти незаметно ускоренным (а кто ж бегаёт на подобных мероприятиях?!) пересек зал и присоединился к теплому дружескому кружку.

— Добрый вечер, многоуважаемый... Владимир Петрович! — Справочную информацию Александров успел, хоть и на ходу, получить и, догоняя, нашептать в ухо Сумерову. — Все мы, коллеги Игната и все его друзья по работе, очень рады вас видеть.

Взяв у охранника тусклую пол-литровую бутылку и задержавшись на мгновение, он затем уверенно поставил ее, чуть раздвинув строй «Д. П.», на стол.

Игнат с Владимиром Петровичем без бросательства на шею, но все же очень тепло поздоровались, следом и подошедшие «друзья по поэзии» похлопали по плечам. Подошедшего Альберта Нартова Сумеров представил как «директора модельного агентства», командира этого батальона и кивнул на рослых элегантных девиц, вальсирующих с подносами или просто стоявших, одаривавших улыбками. Лодкин представил всем американского слависта и корреспондента Джона Фоксвинкеля, а ожидавших очереди Семена с Луизой мстительно обошел. А может, хотел еще раз подчеркнуть Сумерову: «В моем списке этих не было!»...

Впрочем, Луизу, Вадим Сергеевич убедился еще раз, вышибить из седла было невозможно. Уже через полторы минуты она, крепко держа Игната за локоть и энергично вопрошая то его, то «друга по поэзии», который с Хорошевки, образовала внутри общего круга свой треугольничек. Геометрия, седьмой класс, «вписанные фигуры».

Игнат, удивительное дело, вдруг очень оживился, говорил с ней куда более заинтересованно, чем с Машей Кондратенко, например. Кареглазая платиновая блондинка, чудесная гибкая фигура... Здесь был отнюдь не гимнастический помост, но грация и невероятная гибкость Луизы бросалась в глаза и на двух-трех простых шагах и полуоборотах: к Жданову, потом к его «другу по поэзии» (тут она внимательно выслушала путаный пассаж о «продавшихся» Иосифе Бродском и каком-то Льве Лосеве), потом еще полуоборот к Семену.

Сумеров давно привык рассматривать Жданова как волшебную палочку, Аладдинову лампу, в Бутырской пещере найденную, секрет которой известен только ему и трем доверенным сотрудникам. Но сегодня магнитная стрелка, индикатор «Луиза Кошелева» показала, и надежнее, чем просьба об интервью от какого-то Фоксвинкеля, что его Игнатушка стал уже и заметной публичной фигурой, объектом внимания, охоты. Уже, кстати, приходили и приглашения от различных телепрограмм «побеседовать в студии с известным писателем, колумнистом Ждановым» — Сумеров мог их выбрасывать, даже и не показывая Игнату. А если и показывал, результат (для телевизионщиков) был тот же: Жданов не хотел.

35

Альбина подошла, почти церемонно представила свою Алину, взяла бокал шампанского, оглянулась — и ей тотчас принесли минералки для сестры. Однако готовности немедленно приступить к выполнению задания, вступить в дуэль с Луизой не выказала.

Фотографов было поменьше, чем обычно бывает на таких тусовках, и вспышки мигали не ежесекундно. В их VIP-VIP-кружок (а просто VIP была ведь вся тусовка), сплотившийся у столика, они пробиться не могли и вскидывали свои фотокамеры на высоту поднятых рук, как морские сигнальщики в старых фильмах.

— Ну а теперь, за... — тоном уездного тамады начал было Сумеров... Но тут «друг по детству» Владимир Петрович потянулся к своей принесенной бутылке. Давно должно было уж не быть и следа, духа ее на столике! Стоять она должна была — на экспертизе, в отделе безопасности, иначе для чего их держат! Но, видно, охрана просто не могла протиснуться сквозь тесный кружок друзей и забрать.

А Владимир Петрович уже схватил свою поллитруху, одним движением, как скручивали головы гусятам (а в поселке Торфобрикет, возможно, скручивают и до сих пор), отвинтил пробку и повел стеклянным дулом на толпу. Игнат первым освободил «тару», перелив сто грамм своего «Д. П.» в первопопавшийся бокал на столике. Знаменитый американский славист, возможно, внутренне и недоумевая, все же повторил маневр известного русского писателя-эссеиста.

— А ты? — «друг по детству» навел стеклянный ствол в грудь Сумерову... но генерал-банкир успел справиться с безумной ситуацией.

— Об-бя-за-тельно, Петрович! Но сейчас мы должны по старой русской традиции выпить за удачу, за успех Игната Жданова. Так сказать, спрыснуть, его... эссе! — Владимир Петрович грозно поднял бровь, но Александров уже положил на столик экземпляр «Российского фокуса» и быстро долистьявал до нужного места.

— Во! Погляди-тка, Петрович! Ну?! Узнаешь друга детства? — и Сумеров ткнул на портрет автора.

Владимир Петрович, как принято, на пике полного восхищения качал головой в амплитуде отрицательной, словно не веря: «Нет, ну ты даешь, Игнатка! Прямо в журнале. И с портретом! Не может быть!» А Игнат, улыбаясь, тряс головой в амплитуде утвердительной: «Вот. Сам видишь! Да...»

Слева от фотографии автора тянулась строка заглавия: «Триумф боли», и ниже, помельче: «Эссе».

— Вот! Теперь, Петрович, хоть видим — за что сегодня пьем! А за успех... у нас ведь положено... как водится... как говорится... по старой традиции... шампусиком! А то удача отвернется! — Под эти бессмысленно громыхающие тамадиные присловья Вадим Сергеевич успел аккуратно забрать приготовленную «тару» из руки Игната... потом слависта Фоксвинкеля, а потом и самого Владимира Петровича.

И взамен составляемых на стол бокалов с «Русской» каждому снова вручить бокал с «Д. П.».

— Ну, за удачу!

— Так держать, Игнат! — кивнул «друг по детству».

Дружно жажнув кислятинки, оставшимися в бокалах каплями по традиции потрясли на разворот журнала.

— А когда стихи-то будем читать? — спросил «друг по поэзии», который из Химок. В 1980-х годах они с Игнатом ходили в поэтическую студию «Зеленая лампа» Кирилла Ковальджи, что при редакции журнала «Юность».

А «друг с Хорошевского шоссе» был из более позднего периода. 1990-е годы взамен иллюзий и плюрализма — твердое почвенничество.

«Когда-то, — вспоминал он, — мы обмывали, только не этим дерьмом, конечно, Игнатову поэму “Манифестомания”. Это ведь я тогда помог ее пробить. Отрывок был, но большой, полторы страницы. Зато действительно — первая публикация! А не то, что эти банкирщики сейчас для пиара, для информационного повода придумали! Будто никто не знает, сколько этих эссе у Жданова напубликовано! За дураков держат».

«А мне нравится весь этот аб-сюрд! — внутренне хохотал Семен Гарин. Слово „абсурд“ он всегда, даже мысленно, произносил как „аб-сюрд“. — Америкос, наверно уже заготавливает... сенсацию на всю Америку! Оказывается... — барабанная

дробь, — у русских поэтов и эссеистов принято обмывать публикации НЕ водкой, как раньше все думали, а именно шампанским „Д. П.“!»

Или с другого бока: «Успехи российской экономики! Поток новых нефтедолларов решительно поменял древние традиции в Матушке-России. С недавних пор даже русские поэты обмывают (ob-my-va-yutt) свои публикации самым дорогим французским шампанским! Ваш корреспондент поприблизился на одном из самых первых таких ob-my-ttii, громко сигнализирующем о становлении нового русского уклада...»

А Луизка молодец! Как вцепилась в «восходящую звезду российской литературы», — и для поддержания бравадного тона Семен промурлыкал строчку из Найка Борзова: «Верхом на звезде. Навстречу... ля-ля». Он ей, кажется, сейчас стихи читает, судя по губам, да. Сто процентов, сегодня с ним уедет. А Лодкину — поделом! Даже если не перетянем Жданова на вове, дадим пару его статеек, и вот «восходящая звезда» уже не его, а наша общая. Тысячи четыре, нет, три я ему предложу. А по реакции узнаю заодно — сколько ему Лодкин платит... Ба! А ведь америкосу же и фотографии понадобятся!

Он оглянулся. «А вон с “Кодаком”, и Мишка Просмушин», — и Семен, сделав пол-оборота, отжал спиной «поэтического друга» из Химок. В образовавшуюся брешь сразу же ступил знакомый фотограф, и пока он в упор щелкал VIP-VIP-компанию, Семен ему негромко объявил:

— Завтра мне принесешь всю эту серию, потом... крупно, чтоб этикетки «Д. П.» были видны, потом... еще общие планы, штук двадцать. И потом вон ту, брюнетку с серыми глазами, ее — сколько сможешь. Сто долларов. Только чтобы все — в tiff-формате. Ну давай.

И дружеское кольцо сомкнулось снова.

36

Джон Фоксвинкель не грезил столь сенсационными репортажами из России, какие, забавляясь, приписывал ему Семен, но разобраться в этом буйном хаосе ему было необходимо. Внутри общего срока, тридцати пяти дней, и четырех тысяч долларов транспортных расходов он мог совершенно свободно планировать свой российский вояж, его издатель и газета доверяли ему. «Россия накануне миллениума» Джона Фоксвинкеля, о прошлом посещении, 1998–1999 годов, имела твердый успех в университетах Восточного побережья.

Надо признать, что со времени прошлой командировки Москва очень изменилась (о России пока судить не мог). Очень много конференций, презентаций, фуршетов. Много новых институтов с их цепкими PR и международного сотрудничества отделами. И странное дело, все институты показывают дату основания достаточно почтенную, для новой России, конечно (это ж вам не «Лига плюща»!), но десять лет назад их вроде не было? Научные конференции с малопонятными повестками, водкой и бутербродами в перерывах, чаем с коньяком в кабинетах у ректоров по завершении... отняли пока у Джона Фоксвинкеля тринадцать из тридцати пяти дней его российской командировки.

Сумеров, мельком глянув на зал, вычислил приближающийся пороговый момент, когда VIP-гости могут окончательно обидеться на VIP-VIP-в, samozakruglivshixся у одного из столиков, и потянул Луизу (а та — Жданова) совершить диагональный марш-бросок к стойке, где делал коктейли Рустам. Как он и рассчитывал, дрейфуя. VIP-VIP-льдина раскололась. Софья Генриховна выцепила Геннадия Исидоровича с американцем, Семен галантно подвел Альбину с Алиной к возвы-

шавшемуся черному острову, отцу Мефодию, друзья по поэзии и детству, оглядываясь, побрели к закускам.

Но перестроенная благодать продержалась недолго. Отец Мефодий пришел сюда вовсе не за светской болтовней и шампанским! Пламенный пророк Илия недолго сдерживал себя на презентации нового дворца нечестивого царя Ахава. Оставив Альбину с Семеном, он направился прямо к барной стойке: «Послушайте, Вадим Сергеевич!» Сумеров заметно затосковал.

Он мог точно предугадать первый же вопрос священника: «Что вы там со своим Игнатом? Гипнотизируете нуворишей или глумитесь над самым понятием Веры?», но совершенно не мог выстроить убедительного ему ответа. Гипноз или Вера? Вот Ньютон когда-то хорошо вывернулся: «Гипотез не измышляю». Может, и мне когда-нибудь рухнет на башку... арбуз — не меньше, тогда глядишь, и я что-то такое выскажу. А пока остается только мычать.

Альбина вежливо слушала наставления, а после того, как священник решительно направился к Сумерову, переключила свое радио на пикантные комплименты Семена Гарина. Тот, приглашая всех полюбоваться, самодовольно поглядывал на свою работавшую Луизу и с удвоенной энергией переходил к Альбине. Дескать, «имея таких бойцов, я все же интересуюсь вами. Такой уж я поклонник женской красоты!»

— Глядя на вас с Алиной, трудно поверить, что вы родные сестры.

«Научный», антропологический сравнительный анализ давал ему возможность пристально, бесцеремонно разглядывать девушек.

— Хотя все же нет... Глаза похожи. Так... И брови, если не подвыщипаны вот у вас, тоже похожи...

— А мочки ушей! — привычно твякнула Алинка, подставляя поочередно левую и правую сережки. — Скажи ему, Альба!

Когда-то, в день самого первого признания, выяснения и слез в кафешном туалете, Альбина первой обратила внимание на схожий рисунок нежных розовых лепестков, и сестричка с тех пор неустанно тыкала это почти всем встречным. И сережки носила самые маленькие из своей шкатулки, золотые точки, чтоб только уши не зарастали.

— Точно-точно! Не отличить, — плеснул елеем Семен, — Скажите, Алина, а вы так интересно зовете свою сестру. Это в честь артистки Джессики Альбы?

Альбина, скосив вправо и вверх глаза, просто умилилась гордо задранному носику...

— Фи! Джессика!.. Нет! Это в честь герцогини Альбы! Любовницы художника Гойи! Вы хоть видели картину...

— Да-да-да! «Маха обнаженная». Как же сразу не сообразил! Вот так, мы тут все гонимся за современной быстротекучей модой, а молодежь тем временем тянется, так сказать, к ценностям вечным. Хотите появиться в декабрьском «Русском шелкопере», в «Светской жизни»? — Алина кивнула. — Своим присутствием очаровательные дочери академика Терлецкого украсили презентацию в Инвесткредобанке...

«По Интернету пробил», — решила Альбина, не ровняя осведомленность Семена с настоящей научной эрудицией Эдуарда Кумихина. Под этот вольный треп она наконец решила, как подступиться к конфликту отца с Алиной. Сегодня утром та спросила: «Альба, можно я пока поживу у тебя? Ну хоть... полгода». Серьезность, запущенность ситуации видна была и в тоне (дома больше не выдержит), и даже в просимом сроке, то есть в отмеряемом этим ребенком «периоде войны». Не «хоть неделю», а полгода.

Она была бы и рада разрешить Алине пожить, но по опыту чувствовала, что са-

мые приятные варианты оборачиваются погано. Отец наверняка решит, что все это вообще — Альбинына интрига, оппозиция, месть... И уход из дому, и актерство (особенно обидно), и, может, даже этот... Маковецкий — все ее влияние.

Самым порядочным, надежным и добрым из сумеровского (а теперь и ее) окружения она считала — Альберта Нартова. Одна только спонсорская поддержка Вадимом Сергеевичем благороднейшего и оригинального нартовского проекта «Красоту спасем мы» оправдывала в ее глазах любую стрижку, любых там нефтяников, девелоперов и торгашей.

Решение поддержать проект Альберта Григорьевича еще и «информационно», статьей или даже серией статей было уже принято. Альбина решила ухватиться за нартовское «агентство», прочно прописать в нем Алинку, и... дальше «пазл» складывался примерно так: девчонки у него на нормальной зарплате («Папа, успокойся! Это не лжеактерские курсы»). В своей подготовке девушки определяются где-то между моделями, секретарями, артистками. Значит — соответствующие контакты, поездки, кастинги. И на этом фоне потихоньку можно будет (прикидывала способная ученица Сумерова) подкинуть какому-нибудь киношному корифею статейку, убеждающую с помощью Эффекта Жданова, что Алина Терлецкая — то, что им нужно.

Нартова надо будет убедить. Для начала сегодня — познакомить... Даже и этот вертевшийся рядом Семен Гарин облизывался-то «на старшенькую», даже и обращаясь к Алине, косил взглядом на нее — Альбина прекрасно это видела. И невежливо бросив Гарина, она потащила сестру к запримеченному Альберту Григорьевичу.

- Дядя Алик, здарсьте! — подчеркнуто провинциально, подсказывая тон сестре.
- А, Альбинушка! Здравствуй, моя хорошая!
- Дядя Алик, познакомьтесь, это Алина, сестричка моя родная!
- Здарсьте, дядя Алик! — неловко пожала протянутую руку Алинка.
- А когда же, Альбинушка, ты к нам заедешь, рассказ про моих красавиц писать?
- А вот буквально... — завела глаза, словно пересчитывая падающие перед лицом листки отрывного календаря, — ровно через восемь дней! А пока я хочу вам... — и далее пошел разматываться клубок хитрого лисьего плана.

37

Пристроив (пока — минут на десять) сестрицу Алинку на руки душевному дядьке, Альбина поспешила на помощь шефу, заняв для начала у барной стойки место между двумя парами: Сумеров—отец Мефодий и Жданов—Луиза. И теперь подлетевший к ней жужжащей комплиментами и анекдотами мухой Семен Гарин был, пожалуй, и к стати.

Она умудрялась поддерживать разговор и даже кое-какие иллюзии этого живчика, четко при этом настроив правое ухо на страдавшего начальника, а левое — на флиртующего подчиненного. Купаясь в прибое набегавших, накладывавшихся справа-слева реплик, она еще и успевала что-то отвечать редактору «Русского щелкопера».

— Вадим Сергеевич, — отец Мефодий вел свою линию с твердостью стекло-реза, — а ваш Игнат, он сам-то верит в Бога?

— А вот же он стоит. Вы его и спросите.

— Но вы работаете с ним почти год, и на таком поприще... и вас ни разу это не заинтересовало?

— А знаете, святой отец... у меня одна сотрудица есть... — краем глаза встретился со взглядом Альбины, так же в тот миг скошенным к нему мимо галантствующего Семена, — так она такие ситуации взрезает, как селедкино брюхо: вы не ответили — но и вы не спросили!

— ...А я, Луизочка, тогда, в Бутырке придумал определение не слабее Клаузевица: «Изнасилование — это продолжение политики ухаживания другими средствами».

«Обаяет свою Луизочку с двух стволов, — определила Альбина под заливистый Лузин хохот. — Трагизм биографии, Бутырка, романтика с радио „Шансон“ плюс еще и — оригинальность ума. Про «изнасилование», в каком-то старом его эссе было...»

— ...А мы, Луиза, в ответ с Андрюхой Румянцевым взломали их сайт с историческими всякими текстами и документами. Там странички оформлены как древние свитки пергаментные, шрифты старинные. И я в тексте письма князя Андрея Курбского Ивану Грозному, прямо по старинной вязи, смайлики расставил, вроде как «от Андрея — царю». Месяц провисело, пока хватились... они вообще такие архаичные, просто даже саблезубые все такие...

«Помню, помню. А разбираться с той бодягой пришлось мне».

— ...И вот, Луиза, представь, мы с тобой выпускаем свой собственный журнал...

«Ну-ка, ну-ка, — напрягла слух Альбина. — Это что, бегство с корабля?! Или даже с — кораблей? Тут ведь рядом стоит и второй капитан. Сема с сухогруза „Русский шелкопер“».

— Главное, Луиза, энергичное название.

— А еще — самая первая буква.

— Умница! И я вычислил такую для успеха журнала! Ты никогда не обращала внимания, сколько в Российской Федерации выходит журналов на «Э»? Буква ведь — неходовая, в алфавитном строю на переключке — предпредпоследняя. Но сама посчитай: «Эстет», «Эсквайр»...

— «Эгоист», — продолжила осведомленная Луиза.

— Да-да, тоже. И тут, представь, мы с тобой запускаем... «Эксгибиционист»! И поверх всего слоган: «Каждый разворот журнала — как распах плаща в ночном парке!»

«А, ну это — треп, — успокоилась Альбина, — журналистские предварительные ласки».

— ...Ах, Вадим Сергеич! — отец Мефодий отвечал на вопрос о каком-то общем их знакомом. — О нем-то что и говорить, когда у него страх кое-как заменяет совесть! И понятно же, чем оборачиваются его приступы бесстрашия...

— Душа закоренелого грешника — как засоренный унитаз! — веско произнес проходивший мимо экс-капитан Семионов, не сменивший и по случаю такой VIP-тусовки своей растянутой майки «Красноярскстройдортехника. 65 лет».

— А вы знаете, Вадим Сергеевич, как высока ответственность ктитора! И не из всяких рук церковь принимает даяние!

«Видно, у Сумерова что-то планируется в связи с возводимым храмом, будущим приходом, — подумала Альбина. — Вот отец Мефодий и грозится».

— ...И эта ваша бессмысленная роскошь. Вот зачем, например, здесь безумный сей напиток, прямо с «Валтасарова пира»?

Отец Мефодий кивнул на строй бутылок «Д. П.а» с фигурными этикетками, формой и цветом напоминавшими распяленную летучую мышь.

— Безумно дорогое?! — Сумеров, верно, принял какую-то хитрую тактику разговора или просто валял дурака. — Нет, святой отец, мы не прожигатели, вроде каких-нибудь... этих! Мы это шампанское очень даже экономно закупали, оптом, сра-

зу и на презентацию восьмого номера, и на эту дружескую встречу. Оптом, вы же знаете, гораздо дешевле! Мы даже и торговались с поставщиком весьма усердно, рачительно, Помнится, утоптали их, то есть заставили скинуть... сто тридцать рублей за бутылку! Представляете, экономия! В итоге вышло шестнадцать тысяч четыреста тридцать рублей за бутылочку.

Далее Альбина не расслышала, но судя по дальнейшим репликам, отец Мефодий наверняка громыхнул той знаменитой цитатой из Достоевского, где... «Добро со Злом борются, и поле битвы — сердца людей».

— Борются?! — взвился Сумеров. — Сердца людей? Поле битвы? Добра со Злом?! Да где, где, где вы сегодня видите битву?! Ох, клянусь, бросил бы все, полетел бы туда. Мы же все только смотрим, как вокруг нас что-то вроде бы строится. И повсюду такое глубокое оцепенение, словно это замуровывают нас, а мы и рукой, пальцем не можем двинуть... Государство! Сильное, нет — правовое, нет — сильное и правовое!.. И гражданское общество со всеми удобствами... — Сумеров оглянулся и, смутившись, перешел на яростный шепот. — Нет, святой отец! Вы меня тут битвой не пугайте. Сегодня Добро и Зло... заключили свой Хасавюртовский мир и... сосуществуют совершенно спокойно.

38

Альбина вовсе и не думала дразнить Сумерова, затягивая с «заданием». Вполне заряженная на цель (неувод Игната Луизой), она ждала и наконец посчитала этот момент благоприятным, вклинившись к воркующим журналам под ручку с Семеном...

Перестановку на шахматном поле презентационного зала можно было назвать и рокировкой: теперь основная масса тусующихся собралась у столиков, а у барной стойки остались хозяин, именинник и обе гранд-дамы.

Господа редакторы вместе с работниками Инвесткредбанка и гостями уловили и учли в своем поведении два изначальных, задавших тон сумеровских импульса: 1) красавицы из нартовского питомника — не «обслуга», не артикулы красивого интерьера; 2) Игнатовы «друзья по детству и поэзии» — почетные гости вечера, и их долгое пребывание в VIP-VIP-зоне было неслучайным.

Посчитав сей момент тусовки, наверное, «самым разгаром», Альберт Нартов обратился к публике, представил девушек по именам, посулил, что «вы еще не раз, с нежной улыбкой вспомните, из чьих ручек вы сегодня принимали бокалы с этим шампанским».

Наслаждались своей долей внимания и респекта и ждановские «друзья по поэзии». Никто сегодня не смотрел на них как на аутсайдеров, наоборот, им заинтересованно внимала редакция одного из крутых столичных журналов, в полном составе, вместе и с самим главным редактором!

Первым воспарил поэтический друг из Химок, тот, что еще в начале вечера вопрошал Игната: «А когда будем стихи-то читать?!» Ведь в 1980-е, в их с Игнатовым литобъединении «Зеленая лампа», как наверняка и во всех ЛИТО страны, было принято «чтение по кругу». Их собрания (раз в две недели) имели только два «формата»: или предоставляли весь вечер одному из поэтов, слушали, обсуждали или все читали по кругу, выбирали кандидата на следующий вечер. За семь лет у них вышло два тоненьких коллективных сборника. Где-то в году 1992-м ЛИТО «Зеленая лампа» сошло на нет, но тетрадка стихов химкинского бухгалтера продолжала пополняться, хоть и гораздо медленнее.

А вот вельветовый пиджак «хорошевского» друга нес на себе пыль совсем иного геологического пласта. Когда прежний плюрализм, портвейн, дым идеализма

сменились водкой и твердым почвенничеством. В «лихие 90-е» их с Игнатом кружок, который часто навещал и сам Аркадий (правая рука правой руки Баркашова), где стихи читались между политическими новостями, помог, как справедливо припоминал «хорошевский друг», Игнату с первой его крупной публикацией, отрывком из поэмы «Манифестомания».

И заслышав, как «химкинский друг», что-то рассказывая Лодкину, перешел на стихи, «друг хорошевский», пройдя сквозь кучку разной банковской сволочи, пошел к ним, прислушался.

В городе Векволиневидаальске жажду заливают португальским.
Проще выражаясь, портвешком, — пять минут до станции пешком.
Праздник, лозунг — и невидимые миру слезы...
Я — свидетель этого... колхоза.
В городе Векволиневидаальске я уже пять раз родился.
Пять надежд сквозь пальцы утекло. Солнце сквозь копченое стекло,
серп и молот... и кайло.

Вместе с прочими похлопав несколько секунд, «хорошевский» вступил безо всяких предварений и объяснений, как в сегодняшних хип-хоповских «батлах», где рэперы в вязаных шапках читают по очереди:

Белеет парус одинокий в тумане моря голубом.
Что ищет он в краю далеком? Кого-то кинул он в краю родном!
Сказали же: давай без дури! Один сидит уже за нефть.
А Березовский просит бури. Как будто в буре есть гешефт!

И вокруг читающих поэтов быстро составились кружок и даже некое подобие жюри в составе главного редактора Лодкина, американского слависта Фоксвинкеля и «друга по детству» из поселка Торфобриккет.

Вообще-то уже несколько лет поэтические рэперские «батлы», литературные «слэмы», наряду с конкурсами граффити, «мокрая майка», байкерами... — типичное наполнение различных Дней города и фестивалей, где власти и партии, осваивая бюджеты, гордо и устало заявляют в телекамеры: «Смотрите, как вверенное нам население веселится! А раньше-то был только «бег в мешках»!

Но американец видел это впервые, а Лодкин — впервые вблизи, ведь в «Российском фокусе» была отлажена система защиты от графоманов, «самотека» и самодетельности...

Загадки милицейских хроник,
где: «А и Б сидели в БМВ...»
И где теперь тот «А»? А может, «Б» кто вспомнит?
Иль Абдуллу-заде с диареей в галаве?
А БМВ сожгли. Поджегшего — убили.
И дэвушку его не видно из травы.
По поводу братвы решили: «или-или...»
А Гиви не с дырой — савсэм бэз галавы.
Религий пять иль шесть. Двенадцать диалектов.
Таблицы их грехов не сводятся в одну.
А фоторобот сдох. Ушей и глаз комплекты
прикинулись людьми, наполнили страну...
Их всех найдет лесник.
Нет — мусорщик

(Иль дворник?)
И вызовет 02.
03
05
07
Приметы совпадут.
В июне, нет — во вторник.
Закроются дела
Надолго. На-
совсем...

«Хорошевский» парировал мощной октавой, в последней строке развивая Лермонтова: «С усмешкой горькой диссидента-сына над комитетником-отцом».

Без микрофонов, вязаных шапочек и кед они уловили дух рэперского «батла», перейдя далее к экспромтному диалогу в едином ритме:

— Что лучше: Донимать измором? Иль разрубить одним ударом?
Ты назовешь меня позером — я назову себя гусаром.
— ...Но лишь одно тряпье в подвале. Похоже, роли расхватили.
— Швырну в картину помидором и, будучи еще не старым,
в трагедию шагну из хора, двадцать седьмым Бакинским Комиссаром.
Лжесамозванцем, гастролером... плевать: «Макбет» иль «Сталевары»!
— И задом повернусь к суфлеру, ликуя, переврав Шекспира.
Все прочь! И под руки, с позором... Ступеньки, снег... осколки мира.
— Что хуже? Взять одним напором? Иль нудно промышлять базаром?
Ты... назови меня Егором, Я назову тебя — Гайдаром...
Над надорвавшимся мотором вильну прощальной струйкой пара.
— Что наша роль — при свете дня?! Писатель! Обмани меня.

В разгоревшихся глазах старых рэп-поэтов, центром праздника был, конечно, Геннадий Исидорович Лодкин, главный редактор большого, «настоящего» журнала. А Сумеров — так... «спонсор», необходимая, но досадная примета времени. А вот не подошедший к ним Игнат, увы, зазнался. В глазах одного из друзей празднуемый сегодня эссеист предал Поэзию, в глазах другого — Национально-патриотический союз. Единственно, что извиняло оставшегося поодаль Игната Жданова — его окружение. От таких женщин, конечно, трудно оторваться! Две! Да еще так залиvisto смеются, и подливают ему, и пьют с ним наперегонки!

39

«Друг по детству» по-прежнему шляется, тыча всем в грудь стеклянное дуло своей тусклой, мутноватой пол-литровой бутылки «Русская водка», купленной в поселке Торфобрикет. Правда, содержимое давно было заменено. Несложная была операция: собираясь в туалет, «друг» доверил свое сокровище «самому нормальному, свойскому мужику» — конечно, это был шеф секьюрити Александров. Жидкость была отправлена (на всякий случай) на экспертизу, а бутылка «Русской» сполоснута и заполнена водкой «Белуга», закупленной хозяйственным отделом для этого мероприятия по тысяче семьсот пятьдесят рублей за литр (кстати, и сполоснута торфобрикетовская бутылка была той же «Белугой»).

Незадолго да поэтического рэперского батла «друг» все же угостил «своей „Рус-

скою» — американского слависта, но, хлебнув предварительно из горла, поморщился: «Извини, Джонни, кажется, немного разбавленная».

Слависту Фоксвинкелю, водка, даже подпорченная, «разбодяженная Зинкой», показалась в принципе неплохой. Что как-то ложилось, подстраивалось и к сегодняшнему «Д. П.», и к складывавшемуся уже в голове репортажу о самых современных «русских реалиях».

Да (он покосился на подошедшего Лодкина), к московским тринадцати дням фуршетов и чередой встающих конференций теперь можно точно прибавить и весь этот день. Он ведь и не планировал отдельного рассказа о журнале «Российский фокус» и его эссеисте Игнате Жданове, здесь господин Лодкин несколько преувеличивал, но у Джона Фоксвинкеля никак не получалось взять слово и объяснить свои намерения — все время, целые дни: «Давай выпей и потом расскажешь». Хотя странно... когда он звонил к себе в газету, там почему-то проявили довольно значительную заинтересованность в рассказе о холдинге экс-генерала Сумерова, его журнале и русском писателе Жданове.

Немало гордые уровнем «вечера», друзья по детству и поэзии вопросительно-восхищенно обратились к Лодкину и американцу, что-то вроде: «Ну и как вам это все! В честь нашего Игната?» Геннадий Исидорович вежливо переадресовал всю вопросительность Фоксвинкелю.

— Понимаете, у нас ведь аромат французского шампанского, коньяка, устриц всегда связан... как бы это?... с запахом мест, куда люди приходят тратить деньги. Рестораны, отели, дорогие курорты. Я все же европеец по духу, люблю, знаете, английские Брайтон и Блэкпул, а еще Монтре, Канны, Биариц... Знаете, сам этот запах дорогих мест — он же и составляется из запахов «Д. П.», сигар. А у вас...

— Что у нас? — ревниво вскинулись все.

— У вас ровно наоборот! У вас запахи самых дорогих продуктов — именно на «рабочих местах». Там, где деньги не оставляют, а получают. У нас ведь как, у нас — весы: здесь деньги, там товар. «Деньги — против товара», такой штамп есть у нас в тексте контракта. А у вас здесь: и Деньги, и Товар, а там...

— ...А там ни х... нет! — бурно вступил поэт «хорошевский», ткнув на Владимира Петровича из поселка Торфобрикет...

Сумеров, наблюдая за Альбиной, наконец занявшейся Игнатом, пока не мог понять ее плана. Любезничала по-прежнему Луиза, Альбина, редко вступая, потягивала коктейли. К ним подошел отец Мефодий — это явная помеха. Сумеров с досадой вспомнил свои слова «Вы сами его и спросите» — теперь оставалось ловить обрывки грозной проповеди.

— Вы, Игнатий Иванович, верите в Бога?

— Вверю ли я — Богу? — парадоксальничал он перед Луизой. — Знаете, святой отец, не всегда.

— Игнатий Иванович, а вы крещены?

— Да, с детства.

— Значит, ваш небесный покровитель — святой Игнатий, Брянчанинов.

— Или Игнатий Лойола.

— Тьфу! Прости, Господи! Простите. Я не на латынянина этого несчастного, я на празднословие наше сейчас плюнул, мысленно!

— Вы, святой отец, так деликатно сейчас выразились «наше», вместо того чтобы шмякнуть: «Твое, Игнат, празднословие! Весьма политкорректно!» — И тут Жданов уже довольно откровенно приобнял Луизу.

— Ох нет, Игнатий! Я и вправду подумал: наше. Разговор ведут-то всегда двое!

И, вздохнув глубоко, отец Мефодий отвернулся и стал искать глазами еще кого-то из сегодняшней своей проповеднической программы...

Таковым оказался Альберт Нартов и *топтавшаяся* вокруг него Алина. В руках у сестренки был по-прежнему грейпфрутовый сок, и эта деталь еще раз шкрябнула по Альбининому сердцу. Вымахала вон выше и Нартова, а такая послушная: «Альба, можно?», «Альба, можно?».

И еще один настойчивый, почти постоянный взгляд в сторону их компании зафиксировала Альбина. Одна из нартовских красавиц с подносом шампанского. Даша, точно — она. Ее напряженный взгляд весь вечер упирался в автора статьи, так напугавшей ее, вплоть до увольнения. Бедная любопытная секретарша, прочитавшая в отсутствие шефа отравленный страхом журнальчик, сумасшедшее эссе Жданова о самом страшном и неуловимом типе террориста-смертника. А девушка-то родом из-под Елабуги, а заслоненный ею шеф выгнал с работы «зомбанутую маньячку» в два счета, а Сумеров тогда... — вся эта история свершалась на глазах у Альбины, и забота Вадима Сергеевича посреди миллиона его дел о случайной жертве тронула.

40

В один из моментов механически улыбающаяся Даша прошла недалеко от их барной стойки, и, помимо мучительно напряженного взгляда, Альбина разглядела и ее совершенно побелевшие пальцы, стискивающие поднос с шампанским.

— Альбина, а разве ты не ревнуешь?! — уже откровенно обнимаясь с Игнатом, Луиза хихикнула пьяно, но и торжествующе, с подтекстом: «Если и ревнуешь, то поздно. Дело сделано!»

— Игнацио, а у тебя такая красивая начальница, просто не понимаю, и как же ты удержался! И взгляд, ты посмотри, посмотри — просто гипнотический!

— Да уж, Альбина у нас — это да! Наша Альбина, — разошелся эссеист, — это такая женщина! Когда она заходит в редакцию — разом, будто нажали кнопку, все головы поворачиваются в ее сторону и во всех туалетах разом смываются все бачки!..

Потом они втроем, положив друг другу руки на плечи, танцевали сиртаки. Потом, громко смеясь, тянули какую-то смесь в три соломинки из большого фужера, который раньше стоял на барной этажерке у Рустама как декоративный. Сумеров встретился взглядом с Рустамом — тот весело пожал плечами. В это время участники, жюри, зрители закончившегося хип-хоповского поэтического «батла», так и не дождавшись Жданова («Магомет к горе»), подошли к бару, стали шумно благодарить за удачный вечер, «друзья по поэзии» перешушывали в карманах визитки, полученные от Геннадия Лодкина и Семена Гарина. И все вперебой просили и героя встречи прочитать стихотворение.

— Просим!.. Просим! Мы ждем!

— Давай, Игнат, — подытожил «друг по детству». — Раз пошла такая пьянка! Давай свой стих!

— Давай, Игнацио! — томно простонала Луиза.

Игнат в два залпа, минуя трубочку, допил коктейль, снял с борта фужера и проглотил тележное колесо лимона и начал зловещим шепотом:

— Тысяча девятьсот восемьдесят второй год... Диалог. В желтом доме...

Потом скинул пиджак, выдернул из-под ремня белую сорочку, распустив полы, как у больничной рубахи, и громко объявил: «Первый!» И, чуть преобразившись, пригнувшись, начал от лица «Первого»:

Скажи мне как масон масону:
Что значат наши сны? Известен ли закон
внезапного ночного их разгона
с мельканием блесны, биением окон?
Безбрежный произвол полета над часами
иль до сих пор еще не найденная связь?
Учение молчит — догадывайтесь сами.
Ответ — один в сто лет — приходит не спросясь.
...Приснилось мне вчера, что Брежнева отпели.
Скажи: Андропов — наш?! Пройдет Великий План,
где красная стена, и голубые ели,
и циркули кровавые в глазах?..
О, эта цитадель защищена от бурных вод.
Ударит Зевс — и молния возьмет самоотвод!

Здесь он перевел дух. Альбина краем глаза зафиксировала, как Даша, держа поднос шампанского совершенно уже белыми пальцами, сделала, как обезьянка к удаву Каа, еще пару шагов к Игнату. А тот, гордо распрямившись, изобразил «Второго» и продолжил:

Невежды шепот стих в моей монашье спальне.
Он не масон — кретин! Расплющенным лицом
с утра прилип к окну... С нелепой готовальней.
Я быть хочу один. Беседовать с Творцом.
Хрустальный скрип в часах, и сквозняки из шахты —
мне слышен каждый вздох. И шелест Аонид.
И орбитальный плач забытых космонавтов,
И мысли их о том: кто ж им Звезду вручит?
Приникла вся страна к политике расклада,
Хоть часовой проспи — собравшимся не жаль.
Поминки на Москве. С лечебным лимонадом.
Ночь сыплет звездный сахар на синюю эмаль.
(И ложечкой луну гоняет, как по дну.)
...Слыхал из верных уст, что соберется пленум.
Меня ли проведет секретный их доклад!
Далекий мерный гул... большие перемены...
уже подходят в снах,
...никто не будет рад...
Гармония небесных сфер над территорией СССР
приглушена иль вовсе не слышна,
а это значит: кончилась страна...

Закончив «Второго» на ноте зловещего свистящего шепота, Игнат вновь согнулся, бросил прядь на лоб и вернулся к «Первому»:

Выходит, я — кретин. А он — пророк. Исая.
В покойники вписал громадную страну.
Хорошенький прогноз! А как Спартак сыграет?
Или когда пойдет Швейцария ко дну?
Ахти! Боюсь твоих пророчеств:

То в экономике застой, То земной шар внутри пустой...
Но... как он принимал нас, все палатой — в Ложу!
Смеялись главный врач, дежурный санитар.
Всклокочен, бородат, на лешего похожий...
Больничное белье — не все...
Хоть трижды ты масон — не позабудь кальсон!!

Последнюю строчку он, разгибаясь, проорал во весь голос и получил... вместо аплодисментов — ноту чистого девичьего визга и хрустального звона! Даша с полным подносом шампанского, побледнев, рухнула на спину. Через секунду Даша открыла глаза, самостоятельно вскочила, озираясь.

— Что за стих, Игнат! — вступила Альбина. — Как девушку запугал!

Но в глазах всех прочих успех «стиха», валящего с ног слушательниц, хотя бы и одну, был несомненный. Луиза подала Игнату пиджак. Надев его поверх так и незаправленной, висящей белой рубахи, Игнат и вправду стал немного похож на восточного фанатика. И они втроем вновь привалились к барной стойке, и Рустам привычно подал им двухлитровый, бывший декоративный фужер с тремя трубочками.

А в двух шагах подошедший Фоксвинкель вещал Геннадию Исидоровичу: «Эмоции! Вот единственное что важно для русских! Рисунок момента! Эмоциональный всплеск!»

— Да-да, Джон! — соглашался Лодкин. — Всегда так было!

— Да-да, Джон! — обернувшись, громко передразнила Альбина, — Ты запиши, Джон... А еще, знаешь? Запиши: мякина (туа-ki-па), это у русских — такой сорт черной икры!

И вся троица дружно прыснула пьяным смехом, продолжая наперегонки тянуть коктейль, сталкиваясь и фехтуя трубочками. Попросили музыки, Рустам обернулся к стереосистеме, вставил зеркальце диска, и лазер, шаря по невидимым миру дорожкам, вновь извлек сиртаки, и они опять — руки друг другу на плечи — танцевали втроем. Так же строго по трое они решили посещать и туалет, а мужской или на этот раз женский, определяли, выбрасывая на пальцах числа: если считалочка выпадала на Игната — шли «к нему в гости», если на Луизу или Альбину — втроем в женский...

Улучив момент, когда Луиза будила упавшего в кресло Игната, Сумеров завороненно потянул:

— Альби-инушка, да он же у тебя просто в дупель! Никогда таким и не видел.

— Возможно, не видели. Но приказание ваше выполнено: теперь он точно с Луизой не уедет.

— Так как же ты их так ловко споила?

— А вв-ы что, думали, что я тут с ходу примусь красотой соревноваться? Первенство по обаянию! И устрой с Луизкой прямо вот здесь, у стойки бара... перед нашим Парисом-Игнатушкой — конкурс г-голых богинь?

— Ну... Альби-ина! — с откровенным восхищением протянул Сумеров. — Чем больше узнаю, тем больше тебе... поражаюсь даже!

— Да, — с оттенком «законное самодовольство» отвечала она. — Вклиниваться в эту ситуацию мне пришлось уже на ходу. Заметила — они и сами пытались дружка дружку подпоить. Такк-ска-зять... помогла мне сегодня юность, прошедшая в барах.— протянула на неизвестный Сумерову мотив. — Да, они каждый со своими целями... оба пытались раскрутить. Я только и усилила этот праздник жизни...

Повестка. Уведомление... Точность маникеевского удара Сумеров оценил сразу: любые подковырки под финансовую сторону его деятельности подключали бы Комиссию по надзору за банками, налоговиков, МАП (Министерство по антимонопольной политике) и неизбежно превращали бы их личную разборку в очередной всероссийский скандалчик. Тогда как простой вызов Игната Жданова на допрос по поводу старого уголовного дела и нового в нем обстоятельства — убийства актера Павла Сухотина — наносил проекту Вадима Сергеевича более сильный удар. Причем оставляя при этом всю ситуацию в рамках рутинного уголовного дела, целиком в ведении генерала Маникеева.

По окончании допроса подозреваемый Жданов, скорее всего (несложно догадаться), получил бы меру пресечения «взятие под стражу», был бы помещен в следственный изолятор и...

Что — и?

Напряжение последних месяцев, три десятка выигранных бизнес-поединков и закадровый постоянный страх-соблазн — вдруг и самому подпасть по поток ждановской веры — все это подтачивало силы Сумерова. Его почти совершенный мозг-управленец вместе с обработкой дюжины реальных вариантов прокручивал и совершенно посторонние, бредовые сюжеты. Вдруг ярко представлялись заполненные, забитые улицы, люди, задыхающиеся в крике, трясущие друг друга: «все верят во всё». Что они с Кумихиным синтезировали «Вещество Веры», потом в лабораторию ворвался ОМОН, взрыв, разлив, цепная реакция, революция... и сверху — пронзающий взор с купола храма Спаса Преображения. Отец Мефодий показывал ему картинки-репродукции росписей Феофана Грека, и тогда еще мелькнула мысль: да, стоило бы съездить в Новгород, посмотреть, уж больно тот взгляд удивителен...

Взгляд с купола храма вдруг заместился импульсом из мира «реаль политик». Самое важное на сегодняшнюю минуту? Что у Румянцева с Нартовым? Вчера он все об этом выяснял, — в Администрации президента им назначено на двадцать девятое число, через одиннадцать дней. Срок, еще вчера воспринимаемый как обычная пометка в настольном ежедневнике, теперь, после этой повестки, казался пропастью.

Перевести Игната на нелегальное положение? За границу? Со всей лабораторией? Он и так-то послушной ребенка, а после повестки этой... Или к Василенко с Нартовым в гарнизон, занять круговую оборону, вооружить их женский батальон. Отряд «Вице-мисс» с автоматами АКМ — красиво, но это опять бред, заслоняющий главную нависшую необходимость — разговор с генералом Маникеевым. Где лучше? Сюда он, обиженный, уже не зайвится. Может, в гарнизоне у Василенко с Нартовым? Решит, что я напрямую эксплуатирую старую дружбу. На «нейтральной территории»? Да можно и прямо к нему в кабинет, пара аргументов для Маникеева все равно есть, начать можно и там, а продолжить... где получится.

Готовился к этой встрече и подполковник Григорий Рейнин. Подготовил обзор телефонной прослушки, полный перечень абонентов, с которыми Сумеров разговаривал за последние десять месяцев. Из ста восьмидесяти трех лазерных дисков накопившихся записей с камер в сумеровской квартире он по приказу генерала Маникеева сделал выборку на двадцать пять минут: самые значимые моменты, где в разговорах с женой шли упоминания о бизнесе, о самом генерале Маникееве, о ГУВД в целом. По-прежнему Рейнина очень напрягала фраза Сумерова к жене: «Пока Володя Маникеев там на своем посту, я могу не опасаться даже бывших коллег». И по-прежнему подполковник не мог определить для себя, что там имелось в

виду: оценка способностей генерала Маникеева, «недалекий, не сможет разобраться в тонкостях сумеровского бизнеса», или... уверенность, что старая дружба всегда даст им почву для перемирия? Первый вариант — дополнительный компромат, второй — Грише Рейнину под зад.

Первые полчаса разговора Сумеров упорно взвешивал, прикидывал, оглядывая друга Володю, что в нем сейчас перевешивает: обида или денежный интерес. Обида или деньги? Еще в новочеркасском Суворовском он был самым справедливым делильщиком в их компании, лучшим третейским судьей в масштабе училища. Никогда не жадничал, но всегда упорно подравнивал. И сейчас Сумеров понимал, что строго развести по углам варианты: Обида, Деньги — не получится. Именно от того, что Обида заслонит и любые денежные расчеты. Даже если, чисто гипотетически, Сумеров сейчас отдал бы абсолютно все, включая банк, здания, все счета, буквально все, оставив себе только квартиру и двести тысяч рублей на пару месяцев... все равно Обида настроит Маникеева считать это жалкой подачкой.

— Ведь мы для тебя все: и я, и Нартов, и Василенко, все — отработанные, ступени ракеты! Отбросить — и все дела! — невольно подтвердил, выдыхая сигаретное облачко, Маникеев. — Нашел своего гипнотизера и мечешься с ним по олигархам. Вцепился так, что все забыл, смотреть противно. Он у тебя там не в клетке ли сидит? А то что-то последнее время ты с ним и выезжать перестал. К себе теперь приглашаешь, Кашпировский ты наш?! Ну теперь ты понимаешь, что про твоего гипнотизера Жданова, мне все известно. На черта тебе только журналчик этот, не знаю, да это и... дело десятое. Мне тут намекали, что ты свой «Фокус» к выборам раскручиваешь. Или просто у тебя со Ждановым такой уговор, бартер: он тебе олигархов, ты ему — журналчик, чтобы он мог в каждом номере, сколько хочет, своей ахинеи гнать? Или все же политика? Не думал, не думал, Вадим, что хоть когда-нибудь мне придется вести с тобой такие разговоры! А по уводу активов у Мохова и Гальперина — ты просто бандит настоящий. Мошенник. Теневик!

И мощно вдавленная Маникеевым сигарета, лопнув, раскрылась в пепельнице, распустилась, словно пегий цветочек или гриб-поганка. Разговор, шедший в генеральском кабинете, подходил к переломному моменту.

— Понимаешь, Вова. Или уже гражданин Маникеев. Случай на меня свалился настолько невероятный, что его вот так, прямо, ни на какой исповеди не изложишь. Говорю тебе как на духу, уже как теневик силовику! — переведа дух, продолжил в другом, замедленном темпе: — Но ты напряги свой воображательный блок или хотя бы просто отмотай пленку назад, до момента получения самой первой информации. Если бы я тогда пришел и раскрыл бы тебе весь свой проект... — поверил бы ты мне? А? Ты у нас самый справедливый но и самый тугодумный, честно скажи, что бы ты тогда решил? Что или Вадик Сумеров объелся грибов поганых, или маразм его настиг досрочно. Или, что скорее всего, ты бы заподозрил, что я гоню такую ахинею, чтобы замаскировать какие-то другие, реальные дела?! Ну по-честному, а?!

Справедливый генерал Маникеев подумал с полминуты и кивнул.

— Я и решил, что единственный шанс тебе поверить, это дать самому подсмотреть. Ты еще, может, оценишь — ход мой и хитрый, и, наверно, единственный! Я все тебе собирался когда-нибудь рассказать, но это было бы уже почти неважным, ненужным. Так, дополнительный комментарий к тому, что ты уже подсмотрел.

— Понял тебя, Вадик. Ты это сейчас после того, как я предъявил тебе факты, про гипнотизера твоего и обкраденных бизнесменов Мохова и Гальперина, решил по-

менять тактику. Что и не скрывал, что и сам собирался рассказать. Знаешь, что, дружок: на явку с повинной это ну никак не тянет.

— Эх, Володька! Готовился ты, готовился, пересматривал свою сраную прослушку, проглядку, а ничего так и не понял! Мне совершенно плевать: законно-незаконно ты вкрутил телекамеры, сейчас дело в другом. В хронологии. Я сейчас вообще уйду и оставлю тебя наедине со всей твоей видеотекой. И календариком. У нас, у вас же все даты съемок зафиксированы, как положено. Вот и ты сопоставь.

— Что? Что ты юлишь?

— Первые настоящие факты, про переговоры, про нас со Ждановым, про кинутых Мохова с Гальпериным, ты получил числа пятого или шестого марта. Не помню, сам уточнишь. А потом глянь и на свой дисочек от января. Двадцать второго числа. Посмотри, посмотри внимательно, еще раз. Сидим мы там с женой, и Алик Нартов у нас за столом. И приглядишься, как я мимо них подмигиваю прямо тебе в камеру! Это я тебе подмигивал. Вечером накануне я определил, что вы там вкрутили и где именно. Жена и Нартов еще немножко недоумевали, что я мимо них в угол часто смотрю. Ты посмотри, где-то в начале мая, я говорю жене: «Пока Володя Маникеев там на своем посту, я могу не опасаться даже бывших коллег». И что я делаю при этом? Прикрывшись ладошкой от жены. Вот до чего ты меня довел, Володенька. И заметь, первый, первый ты начал. Говоришь, что вы для меня — отработанные ступени ракеты. А я для тебя? Подопытная мартышка в барокамере! Следить: как поведение, как пульс, давление? Э-эх! Как, кстати, выражается мой Игнат Жданов: все мы обидчивы, архаичны и очень саблезубы!

— Чего-чего?

— А я и сам не понимаю... Но ведь Нартову я помогаю всерьез. Лично ты знаешь, он ни копейки не возьмет, а питомнику, красавицам его — перевозу. Ты собери справки за эти три квартала. Как раскрутился я, так и начал помогать. И тебе собирался, и Катьку твою пристроить. А ты... Ты еще в спальне у меня и у дочки установи свои паршивые гляделки! Хоть подумал, каково мне было это узнать, что мои друзья за мною же следят, камеру ввернули! Это я еще ладно... язык тебе показал! А мог бы и... вам всем...

Впервые за время разговора Маникеев потупился.

Через семь дней следователь по делу об убийстве Павла Сухотина вежливо опрашивал Игната Жданова. Но не у себя в кабинете, а в гостях в Инвесткредобанке, в выделенной переговорной комнате № 2 и в присутствии Андрея Румянцева. Простая формальность: в связи с убийством должны опросить всех его знакомых. «Что-нибудь, Игнат Иванович, вы можете сообщить, дополнить в связи с новым обстоятельством, убийством вашего знакомого гражданина Сухотина? Нет? Ну и прекрасно! Распишитесь, и это ответвление следственного лабиринта можно считать закрытым».

И оно действительно было закрыто буквально в тот же ноябрьский день, когда подполковник Григорий Рейнин вступал в должность заместителя начальника отделения милиции города Ахтубинска...

42

Всплеск паники после получения повестки и такая счастливая развязка — Жданов готов был молиться на Сумерова. А Румянцев вспоминал беднягу следователя. Ему и так, видно, приказали особо не терзать «хорошего человека» Игната Жданова, а тут еще и такой залп личного общения. Эффект Веры — в полный рост.

Однако легкий стресс после разговора со следователем оставался. Но оставались и разные средства борьбы со стрессами. Водка, унесенная с «дружеской встречи», текила «С.», шампанское «Наш дом — П.» (вот уж на что неделю смотреть не могли! Но на случай подарка, похода в гости — годилось). Три бутылки виски «Д. Д.». С них и начали...

— Андрей, вы в детстве играли в «кинофильмы»?

— Это как?

— Букву выбирают, и по очереди надо называть фильмы, на эту букву начинающиеся. Классе в четвертом-пятом мы на переменах рублились. Типа — «Вэ»: «Война и мир» — «Вий». И так далее.

— Да, что-то вроде было.

— А когда самые ходовые фильмы переберут, споры начинались дикие. «Не было такого фильма!» — «Был! Там еще один приезжает в город, а немцы уже мост взорвали...» — «Врешь! Это было в „Майоре Вихре“!» — «Сам врешь!..»

— Вспомнил, играли.

— Так вот я был, наверное, чемпионом школы. Ну, или пятых классов, старше-то в нее не играли.

— Фильмов много знал?

— Да, память была нормальная. Но и другие тоже помнят. И рано или поздно иссякают. Тогда и начиналось самое интересное. Выдумывать начинали, напористо, с подробностями. Тогда ведь еще было такое: «Расскажи мне такой-то фильм». Киношка — одна на поселок, не попевает, наверно, добрая половина фильмов так и ходила, в пересказах. Прямо жанр был такой. И тут еще игра эта, сначала бойкий перечень, а потом пересказы, споры. «Сам видел?» — «Нет. Дядя Витя в Москве смотрел. Там еще...» — «Врешь!» А чемпионом я был потому, что быстрее других придумывал название фильма и вдогонку — целый сюжет. И пересказывал так убедительно... в общем, побеждал. И так заврешься, столько насочиняешь фильмов! В сценаристы бы мне тогда. Часто и не помнишь, что сам смотрел, что тети-дяди рассказывали, что выдумал.

«Вот откуда ноги-то растут! Эффект Жданова! — вяло потягиваясь подумал Андрей. — Но мы не Кумихины, мы с “эвриками”, высунув язык, носиться по этажам не будем».

— Игнат, а ты дочитал «Рассвет над туманностью Андромеды»?

— Говно.

— Точно, говно. А знаешь, я вот вчера читал, посмотри: «Вахта на Кассиопее».

Игнат взял предложенный том, раскрыл на середине, через десять секунд вернул Андрею: «Говно»!

Тихое отчаяние. Его Жанночка медленно сходит с ума, бегаёт по отцовскому дому, прячется от космических негодяев так, что прислуга, охрана не могут найти, и он ничем, ничем ее пока не может...

— Слушай, Игнат, «голова как Голливуд», а ты мог бы сам сочинить фантастику, но обязательно с добрыми инопланетянами?

— Зачем?

— Затем, что я попросил.

— Никогда не сочинял фантастики.

«Ах ну да, ну да! — усмехнулся про себя Румянцев. — Какая, к черту, фантастика, когда все пересекающее линию этих зубов сразу же становится самой чистой правдой! Реализмом».

— Ну и не надо фантастики. Давай в этой... реалистической манере, но про инопланетян, которые спасут нас от всего этого бардака и глобального потепления...

Во! Ты же Юрия Шевчука любишь, да? — Андрей снял со стены гитару. — А у него как раз есть песенка, помнишь, как там, — пару раз чиркнул по струнам, — «Совет Галактики узнал, что кризис на Земле назрел, и, чтобы род твой не пропал, сюда я, парень, прилетел».

Допели, выпили, Игнат пообещал добрых марсиан.

— Теперь, Игнат, смотри. Надо, чтобы у тебя там был такой сюжет, что они прилетают сюда и... вступают в контакт с земной женщиной, насилуют, короче, но в чем фокус-то, делают это не потому, что злодеи, а ровно наоборот. Ну просто принято так, в ихней галактике. Как у нас рукопожатие. И они свою доброту выражают именно этим, а их женщины свое одобрение — криком. Понял?

Игнат начал что-то припоминать, недоверчиво сощурился:

— Ты, Андрюха, к чему все это клонишь, а?

— Да так, развить твой же забытый сюжет. И потом, у тебя же недавно была в эссе такая фраза: «Изнасилование — это продолжение политики ухаживания другими средствами». Вот и закольцуй сюжеты. Старый, как ты говоришь, из прошлой жизни. И новый, с этим твоим эссеизмом. Клево же тогда получилось: продолжение политики ухаживания другими средствами!

— Тебе понравилось?

— Не то слово!

— Ну ладно. Попробую.

— Только побыстрее.

— Да зачем тебе?

— А я загадал.

— Слушай, а давай я сейчас одной девахе позвоню. Видел, на вечере какую я заклеил? Луиза. Наверняка у нее подруга есть, че-то такое говорила...

— Нет-нет. Не звони. Почему? А-а, ты знаешь... Там же, на твоём вечере, были девчонки и получше, модели эти нартовские. Давай лучше к ним съездим. Помнишь, там одна?

— Которая шампанским облилась?

— Ага! Она ж от стиха твоего чувств лишилась! Впечатлительная, поэтичная, значит, натура.

— Не-е. Луиза, она...

— Да нельзя к ней! Она же — это... м-м, конкурентка наша. Из конкурирующего журнала. Знаешь, как Сумеров рвал-метал, когда их с редактором на вечере увидел. Тут еще целое расследование будет: кто их пригласил?

— Правда? Сумеров?

— Сказал, что предателей выгонит беспощадно!

<...>

44

Занятия в нартовском питомнике ей довелось увидеть впервые. Слава Богу — никаких парт, столов и томящихся за ними сонных красавиц. Вообще не класс, а скорее студия, похожие она видела на съемках ток-шоу. Посередине — подиум, кресло и большая передвижная вешалка, похожая на мостовой кран. Вдали кабинка с бордовыми занавесями. Полукругом на стульях — нартовские питомицы, девятнадцать человек. На вешалке — целая шпалера пестрых платьев, а в кресле... погодите-погодите... точно — имя сразу не вспомнить, но она часто мелькает в телепередачах о моде, какая-то дизайнерша. С указкой. Освещение и подвешенная камера — ну точно, телестудия.

Дама делилась тонкостями фасонов, тыкала указкой, девушки брали с вешалки плечики и удалялись вглубь, к кабинке, потом выходили новым, пружинным шагом.

Альбина осталась в дверях, отыскивая по затылкам, пышным черным, белым, каштановым гривам, хвостам свою сестру. Вон во втором ряду. Вертится что-то. Вот и оглянулась, но, наверно, не различила: они-то сидят под софитами, а двери в полумраке. Сзади на цыпочках подходил Нартов.

— Здравствуй, Альбинушка!

— Дядя Алик!

— Они там с бельишком-то закончили? — шепотом.

— Да. Платья мерят. Подходите.

Все ясно, будто и не первый раз она тут, а сотый. Нартов, как хозяин современного модельного агентства, конечно, осведомлен и о таком жанре, как демонстрация нижнего белья. Но стесняется. Просунулся в дверь рядом с Альбиной. Страж генов русской красоты. Рыцарь. Крестonosец. Мученик.

— Дядя Алик, у вас что-нибудь вроде... учительской есть? Или кабинет ваш? Да и сейф, чтобы... — Она подняла на руке увесистую спортивную сумку.

И они, развернувшись, припадая на полумысках, тихонько пошли по коридору до двери с табличкой «Директор». Вошли. Присели к журнальному столику.

— Чайку? — так же полупшепотом спросил Нартов и, сообразив свою ошибку, громко рассмеялся.

— Давайте. Только учтите, дядя Алик, еще и ужином меня кормить будете, и завтраком. Ночую я сегодня у вас.

Альберт Нартов и не скрывал, как ему приятно смотреть на Альбину, светился весь, оббегая ее с чайником, вазочками:

— А вот и мед. Настоящий, башкирский, Динаре прислали, угостила.

— Я, дядя, Алик, соберу материал, впечатления, с девчонками поговорю. А завтра с утра фотограф придет со всей техникой. И глядишь, к концу недели сладим о вашем питомнике статью. Это уже в декабрьский номер, но будет в самую точку, предновогодний... И еще одна идея по ходу возникла. Нужен будет и такой карнавальный видеоряд, костюмы, елка и прочее. Мы это или здесь организуем, или будет даже лучше, вывезем вас на какое-нибудь предновогоднее шоу. Они как раз в первых числах декабря готовятся.

— Умничка! А мои-то рады будут.

— Так, а теперь и о прозе жизни.

И Альбина приподняла свой груз. Нартов кивнул: «Понял-понял», подошел, открыл сейф и потянулся было забросить туда всю сумку.

— Э, нет, дядя Алик. Доставайте пачками. У меня ж там и зубная щетка, и ночнушка, и тапочки.

Они стали у открытой дверцы, и началась «операция», комическая до полного абсурда. Сумеров сообщил утром: «Три лимона», и все. При их отношениях какой-либо пересчет не требовался, оставалось перекидать. Альбина держала распаханную сумку, а Альберт выуживал пачки в банковском целлофане и, больше глядя на свою «умничку», бросал их на нижнюю полку. Несколько раз их фантастическая инкассаторская операция прерывалась легкими взвизгами: «Ой, а это колготок пачка!», «Ой, а это я Алинке привезла!», «Ой, это моя ночнушка!», — и Нартов шаривал в сейфе плотно сложенную пачку кружев под целлофановым пакетом, возвращая в сумку «банкирши».

И по всем водевильным законам именно в этот момент раздался еще один визг: «Альба приехала!» — и на Альбиной шее повисла ее дылдочка.

— А ты давно здесь? А мне сейчас только сказали, что ты приехала! Ой, сколько денег! Пачки! Ой, это что, Альба, за меня взятка? За то, что меня сюда приняли?

— Да, точно. Как в фильмах. Старшая сестра ограбила банк, чтобы младшенькая могла выучиться на топ-модель. Так что учись хорошо, собирай большие гонорары. Будешь мне пе-ре-дааа-чи носи-и-ить! — с киношным подвыванием закончила свой экспромт Альбина. Но, увидев смущение Нартова, оборвала спектакль: — Сядь, Алин.

Они доброслали оставшиеся пачки, закрыли сейф и присели рядом.

— Извините, дядя Алик! Это мы так дурачимся. Алина, но ты же у меня не совсем еще дурочка, да?

— Не совсем! — радостно кивнула.

— Так что еще недельку поживешь здесь и поймешь, что взятка и дядя Алик — вещи несовместные.

Комнату Алина делила с Дашей, бедняжкой экс-секретаршей, недавно на тусовке облившейся шампанским... Это соседство можно было истолковать как две самые новенькие, последние по времени из поступивших в агентство. Но опытный, например, Альбинин глаз различил тут и приметы внутрискрайной конкуренции. Обычное для любого коллектива дело.

За день Альбина прикинула и градус этой борьбы (а Нартов подтвердил): вполне терпимый, максимум насилия — щипки за попы. И понятно, что ее сестра и Дарья главными авторитетами здесь отнюдь не были: пришли «по блату», без званий «Вице-мисс» уездных городов.

И первая из подкинутых Нартову идей была косвенно связана с этим. Они опять сидели в его кабинете. Из коридора неслись ритмичная музыка и бравурные выкрики тренера. Что-то вроде аэробики.

— Смолянки. Дядя Алик, запомните: смо-лян-ки!

— Что смолянки?

— Образ. Ключевое слово. Сквозной импульс. Ваше агентство, как ведь не называют только? Любя, конечно. Питомник, интернат... И все уверены, что вы что-то такое небывалое выдумали. А девчонки не чувствуют, как им себя вести? Интернативки? Или — отборные чернобурки, норки, хорьки на звероферме? Особенно эта, с пепельными волосами...

— А-а, Ксюша! Наша «Мисс Энгельс».

— Кто-кто? — Альбину немного шарахнуло.

— «Мисс Энгельс». Город такой, на Волге.

— Ах ну да, ну да! «Мисс Энгельс»... Вот я, дядя Алик, и говорю. Ведь был же такой Смольный институт! Я сегодня наблюдала ваших и все прикидывала: а в Смольном институте благородных девиц, к примеру, щипала ли юная княжна Голицына за попу юную графиню Шереметеву?

— Ну и как?

— Конечно, щипала! Но все равно ведь... смолянки! Это и образ, и стиль поведения. Я вам в Москве литературу подберу.

— Ох, ну ты и... Альбиночка! Солнце ты! Я в тебя прямо с первого дня, как увидел, влюбился. Но тебя в мой питомничек приглашать нет смысла, Ты сама кого хочешь сохранишь, наставишь на путь. Точно, смолянки! Они и рады будут. Ты только, кроме книг, еще и фильм какой-нибудь подыщи про Смольный институт.

— Ага. «Ленин в октябре»... Шучу-шучу. Подыщу, конечно... И главное, что я вам хотела сегодня подсказать... я это по дороге придумала.

— Ну-ну.

— Одним... голым модельным бизнесом их долго не удержишь.
— Точно-точно. Я сам над этим голову ломаю.
— Замуж их надо пристраивать. Правда, я о них всех сейчас, как о сестре своей, думаю.

— У меня здесь двое за офицеров и выскочили. То-то радость была! Я же им зачитывал, когда они анкеты заполняли. Почему вы выбрали карьеру фотомоделей? — Хочу нести людям красоту! — Да как, кричу им, вы можете красоту принести? Розовым подолом на подиуме помахать, это красота? А на следующий год розовый уже и некрасиво, а «красиво» — зеленый. Да самую настоящую красоту... говорю им, вы с генами вашей... можете принести, если детишек родите. Так вы красоту людям и преумножите!

— Правильно, дядя Алик, вы только на моду уж так не нападайте. Они, может, и не из-за стипендий тут держатся. И не потому, что с жильем у них туго. Они ведь знаете, почему тут держатся? Нет? Да потому что они вас чувствуют. Что кто-то искренне их любит и заботится. Так что — любовь. И вам надо стать не только модельным, но и брачным агентством.

— Да я хоть свахой, хоть кем! Но дело-то тонкое. Сердечки не поломать.

— Вот с умом тут надо.

— Как у твоих смолянок?

— Да там, кстати, и балы были, с офицерами танцевали. А знаете, что я по дороге сюда слушала, я обещала вам рассказать. — Альбина вытащила телефон с болтающимися наушниками. Огляделась. — У вас компьютер-то есть?

— У меня? Компьютер?

— Ох, отстае, дядя Алик!

— А у нас же тут есть и свое... интернет-кафе! Там они, голубушки, и включают. Переписываются.

Они прошли по коридору, и через пару комнат Нартов толкнул дверь с табличкой «Интернет-кафе». Они присели к одному из шести компьютеров. На стене над ним, подобно застекленному эстампу, висело изречение, вроде агитации. Нартовская забота.

«Береги платье снову, а гесьть смолоду».

«Прожить надо так, чтобы не жег позор».

«Относись к людям так, как хозешь, чтобы они относились к себе».

Одно запомнилось, потому что было с подписью: «*Не играй своим Спасением. Игнатий Брянганинов*». И далее снова: «*Любите книгу — источник знаний!*»

Над ее компьютером висело довольно грозное:

«Ленивым рукам работу находит дьявол».

Альбина нажала кнопки, черным проводком подключила свой телефончик.

— Вот что я слушала, когда ехала к вам, и думала про Алинку.

Альбина прошла по клавишам, и из боковых динамиков Нартову заиграла бодрая музыка:

«Мы не знали друг друга до этого лета, мы болтались по свету, земле, и воде. И совершенно случайно мы купили билеты на соседние кресла на большой высоте. И мое сердце остановилось, мое сердце замерло. И уже ровно год как просыпаемся вместе, даже если заснули в разных местах. Мы идем ставить кофе под Элвиса Пресли, кофе сбежал под...»

— И кто это? — спросил Нартов без особого понимания, ожидая еще какой-то развязки сюжета.

— Понимаете, это написал и поет один очень талантливый и красивый молодой

парень. Александр Васильев из группы «Сплин». Вот с кем бы я и сама мечтала... оказаться на соседних креслах на любой высоте.

— Ну-у.

Уважение Нартова к группе «Сплин» в эти минуты выросло просто невероятно. От нуля и до небес... Его давно тянуло расспросить Альбину — о ее личных, сердечных делах. Чистый интерес рыцаря русской красоты: представить, в кого влюбляются *такие* девушки, как Альбина?

— Тут вам, дядя Алик, в этой песне и вся история. И красиво, и невзначай, и любовь. И шанс, шанс!! Надо, надо вам держать такого разведчика шансов: где? Кто? Когда? Например, вчера по радио передавали: послезавтра молодых хоккеистов награждают, где-то в конференц-зале или в РИА «Новости», адрес не расслышала. Понимаете, девчонкам надо дать шанс! Не за руку привести, на колени усадить, а именно — случай! Это, конечно, целое новое направление, и стоять будет порядочно, но я уверена, Вадиму Сергеевичу мы объясним, он поможет.

— Ну светлая же, золотая голова у тебя, Альбинушка! И сердце... Мое сердце, оста-новилося, мое сердце за-мерло...

— Да. И еще, дядя Алик. Вадим Сергеевич просил передать.

Совсем другим голосом, выключая музыку, компьютер, выдергивая телефончик, продолжила Альбина. Нартов заметно посерьезнел, притих. Они вернулись в кабинет.

— Про двадцать девятое число он просил напомнить. Что вы идете с Румянцевым в Администрацию президента.

45

А в итоге для Андрея Румянцева вся дилемма «плана спасения Жанны» свелась просто к выбору: Рябов или Сумеров? Кому довериться? Свою часть задачи Игнат Жданов с грехом пополам, но выполнил, короткий рассказик про добрых марсиан сочинил. Согласился при случае и зачитать его под запись в аудиоформат, то есть в микрофон, то есть в Дыханиеуловитель Кумихина. Но дальше-то сконденсировать ждановские выдохи «веры», выделить «Вещество» — это мог только сам Кумихин, который с большим, наверно, внутренним наслаждением и послал Румянцева... к Сумерову. «Без его разрешения, сам понимаешь, никак нельзя». Выкладывать все Сумерову? Но Жанна Рябова — главный фигурант, потерпевшая в том уголовном деле, в той истории, в рамках которой недавно, скорее всего, и грохнули Павла Сухотина, и чуть не забрали их Игната. Что тут Вадим Сергеевич навывчисляет? Даст ли добро?

Второй вариант: уговорить Рябова отпустить с ним Жанну, привести ее сюда и дать ей выслушать ждановскую добрую инопланетную сказку непосредственно, глаза в глаза (если учесть эти миллианограммные струйки «Вещества Веры»: рот — в нос). Было бы даже и действеннее. Но... Сумеров или Рябов?

Может, эта занесенность Вадима Сергеевича в свои недоступные планы, непостижимые хитрости сделали его сегодня в глазах Румянцева менее представимым, менее... человеческим, что ли.

Даже прекрасно понимая, что, скорее всего, это Рябов «заказал» Павла Сухотина, что и после этого он, возможно, не считает еще «вопрос окончательно решенным»... Андрей Румянцев все же решил просить именно его.

«Петр Александрович! Есть человек, который, скорее всего, поможет Жанне. В инопланетян она, может, верить и не перестанет, но бояться их, кидаться, прятаться перестанет точно. Саморазрушение психики прекратится.

— Ты... веришь, что поправится она?

Этот взгляд конкретного бизнесмена-депутата, наверно, надо было назвать — «контрольный». Отводить глаза не полагалось. Андрею вдруг представился Игнат Жданов, мгновенно вспомнились и вся их «байда», и миллионный бизнес вокруг этого «веришь», он слегка тряхнул головой, оставаясь на зрительной оси.

— Верю.

Рябов еще раз пристально поглядел на Румянцева, сказал: «Действуй» — и вызвал охрану, которая вызвала машину. Андрей с Жанной сели на заднее сиденье, она почти больно сжимала его руку. Серое истощенное личико. Видно, болезнь, подтачивая организм, подтачивает и себя саму. Они то неслись по осенней, залитой холодной водой Москве, то замирали в долгих пробках.

Охранник и водитель-охранник проводили их до крыльца Инвесткредобанка. Жданова он, как мог, подготовил ко встрече со знакомой «из прошлой жизни».

Выдаст он ей продолжение космической сказки со счастливым концом. Да, изнасиловали инопланетяне невинную девушку Жанну, так это потому, что в ихней галактике просто так принято. Никто никогда женщин и не спрашивает, у нас ведь тоже раньше похищали невест, и у древних славян похищали! А у этих — принято так, а женские крики, дрыганье считаются главными признаками одобрения. Сейчас-то они обучились, приняли культуру страны проживания, но тогда ведь был их самый первый контакт. Подумаешь, чуть на индонезийцев похожи! А розовато-сиреневый цвет — это «загар под другими солнцами другой галактики», в земных условиях пропадает за два месяца. И главное, главное: они вовсе не злодеи! Не уничтожать прилетели, а помогать, строить новую Москву, например. И дети от них у землянок — самые обычные дети.

Эх, кто бы оценил всю изобретательность румянцевского сценария, навеянного Жданову! Он ведь не только стирал миф о космических злодеях, завоевателях Земли и их детях — агентах погибели. Не только. Другим концом сюжета он слегка затушевывал и миф о космических спасителях, понимая, что и в «светлом периоде» жизнь Жанны с «сыном — Спасителем планеты Земля» тоже была бы непростой. Нет. Обычные ребята, типа космические гастарбайтеры, Первый Контакт, «Трудности Перевода»...

Когда Румянцев с Жанной сошли с крыльца Инвесткредобанка, облегчение выразилось даже и на служебных лицах охранника и водителя-охранника.

Теперь из окна их бронированной машины Жанна смотрела на Москву не так затравленно, годовой страх уходил, как мартовский снег. Андрей еще раз подивился жесткой воспитательной политике Рябова. Ну ладно, последние полтора года Жанна безвыездно жила в их жуковском поместье. Но, похоже, и раньше она бывала в Москве считанное число раз. С изумлением задирала голову на хромированные цилиндры и пирамидки кубиков «Москва-Сити» и, возможно, и вправду считала их новыми постройками гастарбайтеров-марсиан...

Они то неслись по осенней, залитой холодной водой Москве, то замирали в долгих пробках. На перекрестке с Беговой улицей Андрею полочка заслонила рекламная тумба с плакатом нового фильма. Юный волшебник-очкарик летел суперменом через миры и континенты.

«Странно ведь, — печально и тягостно думал Андрей, — творит там, небось, чего хочет. Рушит замки, воскресаает мертвых. А близорукость свою поправить не может. И всего-то, поди, минус три...»

Разница в облике, поведении, речи Жанны была еще более заметна к моменту возвращения домой. Полминуты всматривался отец в ее лицо, словно вчитывался

в вывешенный ему приговор, пока наконец все не услышали его кашалотовый выдох. Подобного «уф-ф-ф» не издал бы, наверно, и пробитый дирижабль.

— Ну что, ужинать?

— Да, пап! Мне — мои шоколадные блинчики!

И еще одно «уф». Видно, что-то давнее у них в семье было связано и с этим блюдом, забытым в долгие месяцы «космической одиссеи». Андрей сквозь навалившуюся вдруг смертельную усталость смотрел как по телевизору на приметы возвращавшейся, чужой жизни. Именно что чужой! — еще сильнее кольнуло Андрея.

Выпив чая с молоком, Жанна уснула прямо за столом. Отец первую минуту не верил, приглядывался, а потом подошел, отодвинул стул, взял истощенное тельце на руки и понес в спальню, в «детскую».

Петр Александрович энергичными мимическими средствами пригласил пройти за собой. В его кабинете Андрей сразу присел на кожаный диван, хозяин тяжело плюхнулся в кресло.

— Ну, Андрюха, ну, Андрюха! Я даже и не знаю! Боюсь и сказать... Вот те крест!.. Да!!

Хлопнул перстнями по лбу, точно как тогда, вспомнив об экс-капитане Семионове. Что означало: «Да! Теперь надо вспомнить и о другом!» Крутанулся на кресле к сейфу, распахнул дверцу.

«Неужели и мне сейчас отвалит? Окончательный расчет», — с ужасом и смертной тоской подумал Румянцев.

— Слушай, Андрюх, этот твой кудесник, твой целитель, он ведь, наверно, только в евро принимает?

— Нет! — с мгновенным облегчением почти выкрикнул Румянцев. — Он только в рупиях! В тибетских рупиях...

46

— Альба! А у меня увольнительная на два дня! Еду в Москву, я сейчас из электрички звоню. Нет, к папе потом, вечером! Я сначала хочу к тебе заехать. Я ведь еще ни разу не видела тебя в кабинете. Наверно, такая вся важная! Через час двадцать у тебя буду, — и положила трубку, боясь услышать запрет.

Просматривая верстку декабрьского номера, Альбина размышляла: не сильно ли она балует девчонку? Ладно, пусть едет, но буду с ней построже, постараюсь.

Откровенно говоря, Альбина и сама наслаждалась, важно здороваясь, со всеми «на вы», она показала сестре не только редакцию, но и банк (напустив там еще больше суровости), выдала пару нарочито строгих указаний по мобильнику и потом повела ее в «столовую»-ресторан.

Пару месяцев назад она весьма неопределенно, чисто теоретически говорила Алине о кинокомпании «ДЭС», знакомом режиссере и сейчас видела, что эту ступень ракеты включать еще очень рано. И строгий бизнес-антураж сегодня помог ей выдать сестре несколько горьких пилюль. Все ее амбиции сейчас должны лежать в пределах нартовского коллектива. Не сумеет утвердиться там, достойно пройти курс — какая уж тогда театральная труппа! (Надо заметить, что Альбина в своей озабоченности несколько искаженно представляла: театр — это «театральные интриги». Толченное стекло, подсыпаемое в балетки...) В общем, преувеличивала, страшая: «Не выдержишь у Нартова, тогда, Алина, точно — домой, в детсадовские нянечки и ждать замужества... Тоже, кстати, не самый последний вариант». И Альбина под большим секретом рассказала, что хозяин этой империи, страшный богач Вадим Сергеевич, например, готовит свою дочь Марину выйти за священника.

— Да-да, Алина, именно в — попадьи. В «матушки», вежливее выражаясь. — Альбина давно откладывала этот «урок жизни», но взявшись с помощью «родных стен», начертила сестре жесткий план, выполнение которого дает надежду, — только пока надежду, Алиночка! — на какую-то «кинокарьеру». Лишь после этого можно подключать и знакомых из «ДЭС» (то, что делать это Альбина планировала с использованием Эффекта Жданова, естественно, умалчивалось).

— И кроме этого, ты должна стала лучшей подругой этой, с пепельными волосами... «Мисс Энгельс».

— С Ксюшкой?! Ты что! Она ж такая! Никому спуску не дает.

— И чтобы ты переехала и жила не в комнате с Дашей, а именно с Ксенией.

— Альба, ты даешь. Откуда ты вообще про нее узнала? Что она у нас...

— Наблюдала за вами. Понимаешь, ты должна уметь заинтересовывать собой!

— Но же я не умею, как ты.

— Я и сама не умею, как я.

— Вот видишь, как ты ловко всегда отвечаешь! А я так не умею.

— Учись, тренируйся...

47

Проводив Алину, она спустилась к подвальному коридору, где когда-то ползала с приклеенной Мариной. Завидев впереди нелепую фигуру, она вжалась в стену, пропуская. Знакомая пятилитровая стеклянная в оплетке бутылка. Именно в таких (всего их было три), со специально закрывающимися и опломбированными горлышками, они получали спирт.

Для растворения «Вещества Веры» нужен был сверхчистый, и Сумеров, хорошо представляя, где сегодня выше уровень дисциплины, выбрал в поставщики один работавший под бандитами ликеро-водочный завод — впрочем, завод совершенно легальный, один из лидеров отрасли. Настоящим, материальным свидетельством этого лидерства и было то, что завод уже лет семь как имел свой собственный ректификационный цех и, вырабатывая свой спирт, не зависел от поставок. Именно из его лаборатории и привозили эти оплетенные бутылки (металлические канистры не проходили по ТУ, заданным Кумихиным).

Все давно прилично и отлажено, только сама фигура, несшая бутылку, вызвала у нее подсознательное раздражение, тревогу.

— Привет, Альбина!

— Здравствуй, Семионов! Чего это тебя послали на завод?

— Да как назло, и Пальч, и Митрохин заболели. Храпов попросил.

— Ладно-ладно. Ты осторожней.

Вернувшись в свой кабинет, она, чтобы выключить этот комариный зуммер тревоги, набрала Кумихина.

— Слушай, сегодня почему-то за спиртом послали этого клоуна. Да, Семионова. А он же развязал! Три месяца шатается, полупьяный, по офисам. В коридоре встретила. Его ж никогда к этому и не подпускали. Ты проверь сразу пломбы на бутылках, ладно? И перезвони.

«Вот ведь, — восхитился Кумихин, — и свой блок ведет, как картину пишет, и за других, за все дело болеет. Ну где еще Сумеров такую найдет!»

— Спасибо, Альбин, проверил. Все в самом полном порядке!

«Самый полный порядок, — Альбина мысленно взвесила эту формулировку, оценку и словно приложила ее, как печать, к парадным дверям Инвесткредобанка. — Где он сейчас? Но пожалуй, на нашей подложке — порядок».

И выключила зудевший десять минут зуммер тревоги. Но зря... Но выяснилось это позже.

У Сумерова уже почти год сны были уничтожены как класс, как жанр и замещены — кошмарами. «Дуновение, прикосновение Морфея» с полуявью, ядовитым поддувом из-под двери. И чаще всего где-то около четырех часов утра — этот самый, напророченный отцом Мефодием под названием «Все верят во всё». Те же улицы, заполненные, забитые вопящими людьми, задыхающимися в крике, трясущими друг друга. ОМОН в лаборатории Кумихина, взрыв, разлив и цепная реакция, революция...

А сегодня привиделся еще Игнат Жданов. Сидит на кухонной такой табуреточке в самой орущей толпе, ни на кого, ни на что не обращает внимания, читает горящую газету.

Полежав несколько минут, Игнат нащупал кнопку ночника, взял фломастер и на предпоследней странице валявшегося рядом томика начеркал две строки. Поразмышлял еще несколько минут на тему важности самого первого побудительного импульса: «Какая разница — кто сколько, каких и чьих книг сжег! Важна самая первая мысль, идея сожжения текста». Нашупал близ тумбочки бутылку тархуна, запустил в пышущий жаром пищевод прохладную цепочку гладких глотков, и — слава Богу — снова заснул. Забывшись, забыл и о включенном ночнике. На белой страничке поверх текста банальных благодарностей автора и издательской справки о тираже, объеме, адресе типографии красным фломастером наискось тянулось: «Гebbельс жег, но и Гоголь жег... какая разница... Второй том „Мертвых душ“ даже больше потеря, копий не осталось...»

А Терлецкой Альбине Викторовне во сне, кажется, втором или третьем, но точно — не первом... заявила Мария Кондратенко. Сегодня — под руку с Альбининым бывшим, с Мoneй-Артуром. И так заискивающе оба на нее смотрели. Просили у Альбины разрешения на брак. Или даже благословения, будто она мать чья-то... кого-то из них. Наверно, Машкина, потому что именно ее она сначала саркастически отговаривала: «Что, Машенька? Надоел тебе твой князь Мышкин-Подмышкин? К Свидригайлову переметнулась?» И дальше с сомнением: «Двадцать две бензозаправки по Москве, говоришь?»

А потом эдак, махнув рукой: «Ладно, Машка. Выходи за него... в конце концов, секс в жизни — не главное!» А Кондратенко вдруг: «Как не главное? Как не главное!»

Но это все же был какой-никакой — сон. «Прикосновение Морфея». А у Румянцева Андрея, вполне солидарно с шефом, сны заместились кошмарами, именно теми, что в четыре часа утра, когда наполовину проснулся и явью тянет, как гарью из-под двери. Скорее, это даже был и не кошмар, а обычный страх, опасение полнотью проснувшегося уже человека. То, что, может, и называют «кошмаром», но в аллегорическом смысле, типа: самая большая неприятность по службе — «кошмар». И страх, опасение просыпавшегося Андрея Румянцева было, что в следующий приход к Рябовым Петр Александрович заведет-таки его в кабинет, откроет сейф: «Ну ты, Андрюха, наверное, только в евро?» В смысле, что исцеление закончено и чтобы больше к Жанне он не приходил.

Четыре утра. Да, отец Мефодий говорил, что раньше в это время вставали, шли к заутреней. Молились, и целые века вот так. Может, потому этот освободившийся

от молитвы час теперь и зияет дырой для кошмаров? И Сумеров — все равно больше не заснуть — поднялся, вышел в коридор, остановился, как витязь на распутье: прямо — кабинет, направо — кухня, налево — библиотека, за ней — детская, спальня Маринки. Интересно, а до какого года, возраста мы будем называть ее комнату — «детской»? Ну, замуж она выйдет, квартиру им подарю, которая на Мясницкой, но если в гости, с муженьком, они в этой же комнате останутся. К тому моменту уж точно не «детская», а когда? Наверно, он пытался подумать, когда кончится Маринино детство, но, оборвав плетение полусонных полумыслей, он прошел в кабинет, книжку какую-нибудь можно и там выбрать.

48

А Кумихину Эдуарду и кошмаров было не нужно. Он сейчас думал только о том, что реально увидел и услышал на прошлой неделе, в четверг. В пять часов вечера он, Кумихин, зашел в редакцию «Российского фокуса». Не его вообще-то епархия, и зашел только, чтобы повидать Альбину. Он старался нечасто себя этим баловать, опасался, честно говоря, ей надоест. Но тут был небольшой повод. Альбина просила записать ей диск с песнями Ларисы Казанцевой и разузнать, когда ожидается ближайший ее концерт в «Гнезде глухаря». Кумихин и принес ей лазерный диск с тремя альбомами Казанцевой (наудачу дописал ей и Тимура Шаова). Почти все «господа редакторы» собрались в кабинете Геннадия Исидоровича, ожидалось обсуждение декабрьского номера. Альбина подняла голову, увидела Эдуарда, улыбнулась, даже рукой чуть махнула. И тут сзади протиснулся Игнат Жданов, еще более редкая птица на заседаниях редакции.

Игнат просунулся в дверях мимо Кумихина, пересек паркетную бездну кабинета и, подойдя к столам, оглядел совещающихся, выбирая себе место. Известная кабинетная конструкция: верхней планкой буквы «Т» был невероятный стол главного редактора, на «ножке» сидели «господа редакторы», место рядом с Альбиной было занято, Игнат плюхнулся с краю.

Но кроме его прекрасного костюма (Румянцев договаривался — бутик «Ларго» привозил сюда здоровую кипу вариантов для примерки), белой сорочки, аккуратно повязанного галстука, господа редакторы успели разглядеть и его низ: домашние шлепанцы и толстые вязаные носки, в каких только по дому и ходят. То есть (нервничали коллеги) уважительное вроде бы его одеяние не просто перечеркивалось его обуванием. Более того, получается: он у себя дома. Эрго — мы у него в гостях.

Геннадий Исидорович не знал, как словесно и организационно обработать это первое за год явление Игната на редколлегиях, но начал бодро:

— Вот и прекрасно! А то варимся каждый, так сказать, в своем соку. Для журнала будет полезнее, если мы, как говорится, будем знать, кто чем дышит.

— А я и так отлично знаю, чем все вы дышите!

Пауза. Конечно, такого никто и ни при каком раскладе ожидать не мог. Может, просто пьян? В принципе... уже четыре часа вечера... возможно. Обеспокоился и Кумихин: «Давно надо было сказать Сумерову, Румянцев не столько стережет Игната, сколько спаивает!»

— Все ваше дыхание у меня сейчас вот здесь! — И Жданов стукнул кулаком по солнечному сплетению. Ну какой нормальный главный редактор придумает, как тут дальше проводить совещание? Лодкин только и мог взглядом умолять Альбину сделать хоть что-нибудь. Но тут Игнат продолжил:

— Чего вы как ошпаренные? Да, я выпил все ваше дыхание, и что такого, грамм

двадцать всего-то и набралось. Геннадий Исидорович, что тут непонятного? Ваши три окна выходят во дворик? Я там сейчас и стоял. А под вторым окном — кондиционер торчит, штука здоровенная. Он ваше дыхание в себя и тянет. А дальше что? — Кумихин вам подскажет, он в этом деле спец, он и с моим дыханием работает тщательно, — подмигнул. — А дальше ваши пары конденсируются, а сбоку у кондиционера трубочка такая, и из нее кап-кап-кап. А я во двор вышел как раз со стаканом. Почему? Это уже другой вопрос, к теме сегодняшней редколлегии отношения не имеющий. Главное, что стакан у меня был, и я постоял-постоял и подумал: а почему ваше драгоценное дыхание, ваши пары жизни должны вот так бесследно капать на отмокту? И я подставил свой стакан и стойко держал его целый час. Нет, вру, я минуту его подержал, а потом аккуратненько поставил ровно под вашу капель, и сел рядышком смотреть. Знаете, как в Древней Греции водяные часы называли?

— Клепсидры? — испуганно пробормотал Лодкин.

— Совершенно верно. Я и капли начал было считать, дошел до двадцати четырех, бросил, ерунда и скучно. Главное-то — другое. Дыхание — это ведь что, а Кумихин? — опять подмигнул. — Дыхание — это жизнь! Как там говорят: «в нем уже не было дыхания жизни», «до последнего дыхания», ну и прочее... Так я и сидел часок на теплом ноябрьском солнышке и размышлял, и о вас, друзья мои тоже думал. Собирал капли. А потом встал, выпил все ваше дыхание и пришел сюда...

Поверх картины собравшихся за столом смело можно было пускать полоску титров: «Прошло три года». Кажется, столько, не менее, могли бы сидеть «господа редакторы» в полном, космическом безмолвии.

— Ну а если тут пукнул кто? — первой вернула самообладание Альбина. И под грохнувший всеобщий облегченный смех она продолжила: — Все-таки полтора часа сидим. Как в эссе, где ты, Игнатушка, придумал самый неуловимый в мире теракт? А?

«Один — один», — подумали, наверно, все, любуясь на своего центрфорварда, а притихший Игнат съехал в кресле пониже, взял читать первый попавший из рассыпанных листков верстки, тихо и смиренно бубня: «Что значит — придумал? Так все и есть. Так и было».

Общего облегчения не разделяли только Кумихин с Альбиной, переглядываясь, посылали друг другу мысленные эсмэски: «Он что, разузнал?» — «Похоже, он знает!» — «Точно знает!» — «Срочно Сумерову!»

«Но поскольку Жданов-то остается сидеть на редколлегии, да еще и так ловко смиренный нашей Альбиной, — прикидывал Геннадий Исидорович, — может, надо как-то попробовать обсудить и его блок? Конечно, Сумеров приказывал не править ждановских текстов, так все и идет почти уж год. Но ведь и сам Игнат это время не появлялся ни разу, а теперь вот — сидит. Я же его не вызывал, не тянул сюда. Может, ему помощь нужна, совет опытных журналистов?»

Надо знать душу главного редактора, никакие финансовые подачки не смиряют его с тем, что изрядная часть его журнала делается вне его контроля. И этой язвы, грыжи, опухоли решил вполне аккуратно коснуться Геннадий Исидорович, взяв листок с портретом Игната, заглавием «Уравнение с неизвестным числом неизвестных» и ниже словом — «эссе».

— Ну раз уж сегодня с нами и Игнатий Иванович, то я позволю коротко пройти по двум вопросам, у меня возникшим. Так-так-так, я зачитаю абзац, — Игнат поднял голову, — ага, вот... «Это напомнило мне восхитительный момент, когда российская прыгунья взмыла над стадионом. Вот выстрелил, разогнулся средневековым луком ее шест, вот он отброшен, забыт навсегда, вот она уже летит... одна в

мировом воздушном океане, вот ее ножки уже перелетают планку, вот и вся она сама, пластаясь, изгибаясь, перелетает висящую в осеннем небе рекордную черточку, и... она сбила планку буквально своими сосками!..» Гхм-хм... Игнатий Иванович! Ну, может, хоть насчет сосков поправим?

— Эх, Лодкин, Лодкин! Ну хорошо-хорошо. Будем мы с тобою убогими, плоскими, реалистами, жалкими коротычами! Исправляй. Значит, так... — Он принял позу диктующего, и всем стало понятно, что это первая его за год уступка и последняя еще на годы вперед, — значит, как там... пластаясь и изгибаясь, перелетает... рекордную черту... она зацепила. Во! Теперь будет так: она сбила планку буквально... своим левым соском!

И развернувшись, он покинул кабинет. Лодкин вжал уши: «Хлопнет ли дверь?», Жданов и не тронул ее, может, и не заметил, оставив кабинет открытым.

Ну и что это за такое? Наглый, разнузданный диктат, вызов, крайний пароксизм звездной болезни? Или «Белочки»?.. «Господа редакторы» словно посмотрели какой-то малопонятный, авангардистский фильм...

— Нет, товарищи, ну при всем при всем этом, — первой пробила подушку тишины Софья Генриховна, — мне как-то даже и... любопытно. Например, почему вот именно левым соском?

— Сердце? — предположила Альбина.

49

В коридоре на вошедшего Вадима Сергеевича налетела дочь Марина, выбегавшая из зала с ворохом прижатых к груди платьев.

— Марина, ты что там, бяшенька, делала?

— Примеряла. Вот это платье и это. И розовое, с гипюром. А вот из этого, шелкового, морской волны, па, я уже точно выросла! — Последнее было сказано с подтекстом гордости: их «овечка с кудельками» большой статью не отличалась.

— А почему в зале?

— Я всегда там меряю, когда тебя дома нет.

— Знаешь, Рин... Давай ты больше не будешь в зале переодеваться.

— Ну почему? Там зеркало большое!

— Но ведь я могу нечаянно зайти с гостями. А большое зеркало я тебе и в «детскую» куплю.

— Но я ж говорю, переодеваюсь там, когда ты не дома!

И Марина чуть покраснела, вспомнив, что, кроме примерок, она часто вертелась перед этим зеркалом, раздевшись совершенно. Вставала на цыпочки, отводила руки, полуоборачивалась, присаживалась верхом на стул, положив подбородок на спинку. Рассматривала себе голой, и так, и с помощью второго зеркала в профиль... О микрокамере, ловящей, записывающей разговоры ее отца, она, конечно, знать не могла, генерал Маникеев был раньше — «дядя Володя». И о ловком Одиссеевом выигрыше отца, показавшего язык в секретный объектив, тоже догадываться не могла...

Единственная ее дань предосторожности, стыдливости — перед началом этих «автофотосеансов» она открывала стеклянную створку книжного шкафа, брала фотографию брата Сергея в деревянной рамке и с траурной ленточкой через уголок и, задержав в руках на секунды, отворачивала ее лицом к шеренге книг. Когда-то, наверно, им читанных...

— А мама дома?

— Сейчас-сейчас придет. Пошли на кухню, я тебе котлеты разогрею. Мама такие

котлеты сделала — с ума сойти. Пошли-пошли-пошли, — потянула отца, с наслаждением играя роль хозяйки. — Так, мой руки, садись.

Отец выпросил пару минут, и, вернувшись в любимых домашних «трениках», сел, любуясь на хлопчущую хозяйку.

— Что вы сегодня... проходили?

— Толковую Библию Лопухина мы закончили, мы ведь только с восьмого по одиннадцатый том читали, где Новый Завет. А сейчас я составляю свой катехизис, а отец Мефодий читает и правит. У нас знаешь, какой позавчера спор интересный был? О Вере, Надежде, Любви — вот!

— Ну-ка, ну-ка, Марина! И о чем же вы там спорили? Кто из них главнее?

— Фу! Сразу угадал. Даже неинтересно! А я пока разогреть буду, расскажу тебе, хотя ты у нас и все всегда знаешь. Ты котлеты с рисом больше хочешь или с гречкой?

— А-а... а вот и не знаю. Говоришь, все знаю. А я вот и не знаю, с чем больше хочу.

— Тогда с гречкой, — строго сказала Марина. — А про наш спор тебе отец Мефодий ничего не рассказывал? Только честно.

— Мы с ним и не виделись уже недели три. Ну, так и кто главнее?

— Оказалось — Любовь. Но не главнее, а — больше. И первее.

— А почему же всегда начинают с Веры?

— А потому, папичка, что надо изучать! Ее император Адриан из трех сестер приказал пытать первой. Вере было двенадцать лет, а она все пытки выдержала. А мать их Софию заставляли смотреть, как ее дочек пытаются. Они прямо в такой очереди и стали священикомученицами: Вера, Надежда, Любовь и мать их София. Ужас полный. Веру бросили в котел с кипящей смолой, а потом положили на раскаленное железо. Но по молитве матери ее не сожгло.

— Па! Вот нож тебе положила. Не забывай: вилок и ножом. Ой, что, обжегся? Это я перестаралась, разогрела, тоже мне. А ты дуй, дыши.

— Рин, покажешь свой катехизис?

— Ага. Конечно.

Марина метнулась к себе, вернулась с большой пластиковой папкой. Отец положил ее справа от своей тарелки, открыл. Механизм папки, похожий на маленький щелкающий капкан, держал под стальными никелированными кольцами пачку разноцветных листов, белых, в клетку, вырезанных картинок. Наверное, какой-то новый творческий подход отца Мефодия: его дочь — составитель, он — редактор и комментатор. Листая, Сумеров углядел и то, упомянутое: «Веру бросили в котел с кипящей смолой... положили на раскаленное железо».

— Па. А как у тебя такая... Альбина Викторовна Терлецкая?

— Что как?

— Ну... она работает?

— Конечно, работает.

— И она ничего тебе не рассказывает?

— Как ничего? Докладывает, почти каждый день...

— Так... Ты гречку доедай. Очень полезная... Па! А можно я потом пойду к вам работать?

— Когда потом? Это, надеюсь, не после школы?

— Нет, я помню, — вздохнула. — После школы надо в институт... Ну а после института можно?

— Ну, если будешь учиться хорошо и в институте выучишься, то тогда можно посмотреть. Напишешь к нам заявление, правильно, как положено.

— Да я уже сейчас могу вам заявления так правильно написать, что ты и не прочтешь. Смотри... — схватила листки и авторучку. — Или нет, не смотри пока. Ты додай котлеты, остынут же!

И через три минуты она торжествующе пододвинула отцу два листка, из которых лишь на одном он и смог разобрать «Mr. Sumeroff», а на другом — причудливая красивая вязь.

— Это заявления о приеме на работу, по-английски и по-гречески!

Греческий она изучала с репетитором. Здесь Сумеров год назад дал только первый толчок и проверить успехи своей «овечки» никак не мог.

— Ну, ну. И как же будет Вера по-гречески?

— Пистис! Надежда — Эллис. А Любовь — Агапэ... Па, а она тебе нравится?

— Кто?

— Альбина Викторовна, конечно!

— Вот те на! Ну... конечно, нравится.

— И... больше, чем мама?

— Рин! И где ж ты набрала корзинку таких глупых вопросов? Ты что, с Альбиной Викторовной знакома?

— Разумеется, — с важно-взрослыми интонациями. — По-моему, очень толковый сотрудник. Ты ей сколько платишь жалованья? — не обращая внимания на хмыканье отца. — Я же приходила к тебе на работу. Несколько раз. Она мне тоже вообще-то нравится. С ней можно говорить. Умная. Ну конечно, не как мама. Но интересная. Ты тоже так считаешь?

— Считаю.

Сумеров продолжал листать катехизис дочери. Обсуждаемая тема тянулась еще от 17 сентября, Дня Веры, Надежды, Любви...

— Рин! А можно я возьму несколько листов... нет, я лучше весь твой катехизис возьму почитать, когда в командировку полечу?

— Что, интересно?! Пригодится тебе? — Торжествующий взгляд, синие глаза распахнулись словно пружинкой кукольного механизма.

— Интересно. Пригодится. Я послезавтра в Лондон должен полететь.

— Надолго?

— Нет-нет. Очень быстро, туда-обратно. Тебе чего из Лондона привезти?

50

Перед необходимым докладом Сумерову о том, что продержавшееся год с небольшим статус-кво разрушено и теперь Игнат определенно догадывается о своей роли, Альбина зашла к Кумихину в лабораторию и несколько минут ходила довольно бесцельно, читая листки, расклеенные по створкам стеллажей.

— Предупредим Румянцева или сразу... — Эдик кивнул наверх. (Универсальный жест обозначения шефов, хотя обычно руководство предпочитает первые этажи, и лаборатория тоже располагалась выше кабинета Сумерова.)

— Сразу. Что господина Румянцева по таким пустякам беспокоить, он же теперь — в Администрации президента!

Сумеров всем платил щедро, направления работы назначил очень разные, но по Андрею они оба сходились на точке растущего раздражения. Сложную задачу охраны, опеки, поддержания ждановского «модус вивенди», его жизненного тонуса, интереса Румянцев свел к элементарной совместной пьянке. Сюда же переехал изгнанный женой, спивающийся экс-капитан Семионов. Бутылочка-вторая, все «за счет фирмы», любая закуска из «служебного ресторана» — вот и все его заботы.

Зато уж со вторым своим направлением, тестированием на детекторах лжи сотрудников Администрации президента, Румянцев так важничал!

— А в чем там фишка, смысл комбинации, я думаю, он и сам не понимает.

— А ты, Альбина?

— Знаешь, я часто словно сажусь к шахматной доске со стороны Сумерова, размышляю над его ходами. Может, это и делает такой, как тут повторяют, серьезной, мудрой... и даже как пугают: это старит меня. Но меня игра завораживает. Но хода с администрацией я пока не понимаю.

— Теоретически если представить... передает он вместе с распечатками полиграмм наши обработанные номера, буклеты — например, этому... Петрову. Тот проникается, через него передают еще выше, и... наш Вадим Сергеевич Сумеров уже... — выразительное молчание.

— Шикарно, Эдик. Или представь другое, тоже теоретически. Если мы перешлем в полном объеме Игнатово внушение Президенту страны, это ж, наверно, будет эквивалентно... «попытке введения самодержавия в Российской Федерации». Да-да Эдик. «Попытка изменения конституционного строя России», статья такая-то.

И они посмеялись над шуткой и логикой их чудного бизнеса...

Доклад Кумихина с Альбиной о новой ситуации с Игнатом Сумеров выслушал почти спокойно, вежливо попросил вечером, после девятнадцати часов собраться. Под угрозой его Проект, самый хитроумный из всех, о каких-либо ей довелось в жизни услышать или прочитать в мировой литературе, под угрозой и астрономические его доходы — и такая выдержка!

Практически же собраться всей «Избранной Раде» означало всего-то лишь прийти им и позвать с собой Румянцева. Четверо, считая Сумерова, мало для порядочного детектива. Процедура возможного выяснения: «Кто продался?» или даже просто «Кто проболтался?» — волновала Альбину весь день, до периодически подступавшей дрожи в пальцах. Хотя она и была уверена, что виноват Румянцев, но сама процедура предстоящего выяснения! А что остается делать Сумерову? Запирать их в... подвальной пятнадцатой комнате? Собирать и сличать доносы на друг дружку? Организовывать очные ставки? Пытать? Током от розетки? Бить какой-нибудь там плеткой?

— Эдуард, Румянцеву... ты скажешь про собрание?

— Могу и я.

— Знаешь, ты не говори ему пока про причину. Просто Сумеров приказал.

— Считаешь...

— Да и ты так считаешь. Румянцева я подозреваю и не потому даже, что он больше всех с Игнатушкой общается, назначенный друг-приятель. Нет. Просто ведь чувствуется, кто в это все, — крутанула головой. За время разговора они дошли до лаборатории Кумихина, — влез по уши! Кто кожей прирос, а кто — так. У меня, например, здесь, честно тебе скажу, просто другая жизнь началась. Интересная, настоящая. Даже когда вон... Лодкин этот намекает: «Ах, Альбина, на новой должности вы так посерьезнели! Даже будто повзрослели, лет на пять-шесть...» Я в тот момент думаю: «Да и черт с ним! Если ты мне сейчас намекаешь, что я, заработавшись на *своего Сумерова*, внешне на эти пять-шесть лет постарела — плевать!» Невероятно для женщины, да? А мне мое прошлое порхание, щебетание: «Блеск! Блеск! Дорогуша!» — вот где сидит! Я даже, Эдик, если придется, очки надену — не испугаюсь! Как тут все рассыпаются по поводу моих «прекрасных серых глаз»... — Она устало потеряла средоточие общественного любования и комплиментарного творчества мужской половины су-

меровской фирмы. — А я если тут и сломаю зрение на буклетах, на этих срочных спецвыпусках — не пикну, буду носить очки, как училка в школе, во-от такие!.. Я правда для Сумерова что угодно готова сделать, и не только потому, что мне на квартиру осталось миллиона полтора-два собрать...

— Помню-помню! Когда еще в подвале восьмой номер пропитывали, ты говорила, как надоело тебе по съемным квартирам таскаться. Но... тогда тебе побольше оставалась сумма. Ты, поди, на солидную квартиру нацелилась?

— Именно. Жилищный комплекс «Корделия», на Беговой. Не за один же голый азарт я здесь готова на все. И уж ладно, Эдик, если ты так хорошо все помнишь, то в качестве бонуса я тебе отвечу и на самый твой животрепещущий тогдашний вопрос. Который ты тогда... затрепетал и задать. Тем более что проистекал он, надеюсь, не из праздного интереса, а из того, что я тебе, Эдик, очень нравлюсь, да? Так вот, заостряя тему... если бы Сумеров тогда мне приказал насчет Игнатушки — дала бы! Точно. Это к тому, что я сейчас говорила об отношении к нашему бесподобному Сумерову и его проекту... Но и ты ведь здесь открыл много интересных страниц жизни. Не жалеешь о своем НИИ?

Лаборатория Кумихина под прикрытием будущей, якобы частной клиники, разрослась до пяти просторных комнат. Первая, его кабинет, была обставлена просто очень щедро. Сумеровский шик. Но в смежной комнате — память о советских НИИ! — была небольшая кухонька со всем причитающимся. Эдик не очень любил спускаться в их столовую-ресторан. Альбина засыпала кофе и нажала кнопки.

— Уж конечно! Тут задача поинтереснее, и бессребреником себя никак не назову.

— Правильно, бессребреники порой опаснее других. Уровнем свободы, особенно если у них под этот уровень ума недостает. Так что и ты, Эдик, здесь, в сумеровских дворцах и катакомбах прочно привязан. И научно, и денежно. Да и меня, свою коллегу, надеешься как-нибудь, когда-нибудь и, того... соблазнить, верно? И может, не совсем беспочвенно надеешься. Ну опять ты краснеть! Прошу — кофе! Ты со сливками? — И Альбина метнулась к холодильнику. — И значит... остается в списке подозреваемых, из тех, кто знает тайну Эффекта Жданова, только Андрюша Румянцев!

— А сам Сумеров?

— Сам? Ну Эдик это уж слишком тонко закрутил. Типа, ему надоест бизнесменов раскручивать, и начнет играть с судьбой?

— Что-то вроде. Как Раскольников, намеки разбрасывать, смотреть, что выйдет. Испытывать, короче. Что-то сегодня он очень спокойно наше известие воспринял.

— Карамазовщина пошла? Да еще сверху со слоем свидригайловщины? Типа, надо сейчас нам спеца, Машку Кондратенко, звать, разбираться?.. Кофе не слишком крепкий? Я-то к такому пристрастилась. Дни тяжелые, ни капли не нормированные. Нравится? Так ты вызывай, буду тебе лично заваривать. Синхронизируем наши перекуры, кофе-брейки, а там, глядишь... Эдик, опять?! Прямо алые паруса. Я сейчас пудру тебе достану!

А слова у этой девушки никогда не падали просто так, и она действительно нырнула в сумочку, вытащила косметичку и протянула Кумихину.

— Вот пуховочкой пройдишь по скулам и ушам. Нет, давай я сама.

И оставив чашку, она нанесла несколько косметических штрихов покорному Эдуарду. И потом так же стремительно вернулась к начальному предположению, парадоксу.

— Нет. Сумеров, конечно, человек сложню-ющий. Но сейчас он судьбу подначивать не будет. Такому, да, за голыми деньгами погоня может и надоест. Но... я думаю, — понизила голос, — что он не совсем из-за денег все это затеял.

- А что он?
- Ну мало ли. Власть. Мечь. И не похоже, чтоб ему игра надоела... сейчас.
- Альбин, я Сумерова упомянул так, в строго логическом подходе. Я и сам считаю: Румянцев. У него и правда связей здесь немного. Его больше интересует эта...
- Инопланетно изнасилованная Жанна Рябова?
- Да. Недавно он очень просил сконденсировать для нее Вещество Веры.
- Вот как? Интересно. Что ж ты мне не рассказал!
- Так я же отказал ему. Разумеется.
- А чего он хотел?
- Уговорил Игната сочинить некий рассказик про добрых инопланетян. Которые на своих тарелках прилетели на Землю с самыми лучшими намерениями, и если кого здесь и изнасиловали, то это просто такая форма приветствия. Другая галактика, что с них взять?
- Прикольно. Так он собирался...
- Именно. Чтоб Жданов это зачитал в улавливатель, я собрал бы Вещество, приготовил Рабочую смесь. И он с этим поехал бы свою Жанну разломать.
- А ты?
- Ты, говорю, Андрей, порядок знаешь, иди проси Сумерова.
- А он?
- Видно, не ходил, не просил. Он потом сам сюда, к Жданову привозил эту девушку. Худенькая такая.
- От же мерзавец! Ну влюбился, ну решил помочь, но что ж ты скрытничаешь! В общем дело сбоку, тайком суешься. Да ведь и разрешил бы ему Сумеров, я думаю.
- Наверно, да. Он же сейчас такая важная фигура... Администрация президента... Тесты... Выделил бы, наверно, Сумеров ему Нектара Веры?
- Вот. А он же тайком. А у Жанны отец знаешь кто? То-то. И дружка Игнатов, актерчика, который дочку его... наверняка он и заказал. — Альбина, допив кофе, перевернула чашку и принялась разглядывать узор, «гадая на кофейной гуще». — А главное, Эдик... постой-постой, ведь эта Жанна была самая первая, на которую тогда, еще под следствием, и начал наш Игнатушка выдыхать свое Вещество Веры. И как же это все провел Румянцев? Наверняка безо всякой техники безопасности — ему же только одного нужно было... Нет, Эдик, тебе надо было сразу доложить шефу, как только Румянцев попросил.
- Да собирался. Забыл как-то. Думал, я ж все равно ему отказал.

51

А за два часа до назначенного собрания «Избранной Рады» поступила еще одна «вводная» — уже настоящий удар. Кумихин даже не стал нести к Сумерову укладку пробирок, а доложив, вызвал шефа к себе. И тот, бросив в переговорной всю делегацию «Нефтеойлпетролеума» во главе с гендиректором, через минуту был в лаборатории. Вызванные Альбина с Румянцевым явились столь же стремительно. Может, все они давно втайне ожидали чего-то подобного, если по первым же слогам угадали катастрофу.

— Я пока проверил на четырех образцах. Нет. Смотрите сами.

Под никелированным ящиком, похожим на большой кондиционер, стояла галерея пробирок с мутновато-зеленым, фиолетовым, оранжевым содержимым. Не было только этих, с маленькими ртутно поблескивающими серыми каплями, которые все они с таким восторгом рассматривали в первые дни. К которым потом привыкли, не заглядывая и вовсе, оставляя одному Кумихину лицезреть процесс конденсации Вещества Веры.

Эту новость Сумеров воспринял гораздо хуже, просто покачнувшись. Единственно, что он сумел сделать за десять минут, это набрать заместителя директора банка, и попросил зайти в переговорную, извиниться, сказать, что встреча переносится.

К одному из окон лаборатории был приставлен стол, куда они и уселись. Румянцев и Сумеров по одну сторону, Кумихин и Терлецкая по другую. Похоже на железнодорожное купе, только стол раза в два побольше. У окна — Кумихин и Румянцев, с краю — Сумеров и Терлецкая. Посередине стояла ваза с живыми розами — маленькая слабость ученого. Раз в три дня аккуратные дамы из банковского «рум-сервиса» ставили ему на стол свежие цветы — щедрый, демонстративный стиль Сумерова.

— Что думаешь, Эдуард? И предлагаешь.

— Завтра попросить Игната повторить сеанс, еще раза два, три. Сказать, допустим, файлы затерлись. Тогда только и можно выводы считать достоверными. И потом... может, организовать Жданову какую-то диспансеризацию? Он вообще-то мужчина здоровый, но может же... Ему объяснить я смогу. Он сейчас в больших опасениях живет и такую заботу примет. Одну очень квалифицированную клинику я знаю.

— Хорошо. Андрей с ними завтра съездит. Вроде как — на пару провериться. Даже лучше, достовернее. Вы вместе же пили-закусывали. Скажешь, что-то где-то у тебя не то. И выбери бок, за который будешь держаться.

— Нет. Румянцева нельзя! — вдруг резко вступила Альбина. — Я, Андрей, уже рассказала Вадиму Сергеевичу, что ты сюда тайком привозил Жанну Рябову. Да-да! Тут сейчас не до твоих дворовых, пацанских кодексов чести. Ведь этим ты всех нас подставил.

— Ну ладно, Альбинушка, — вступился Сумеров, — ну привозил. Девушке хотел помочь. Надо было, конечно, меня предупредить, но сейчас давай это забудем. Теперь видишь, какие у нас дела?!

— Я именно с нашими делами это сопоставляю. Вчера вечером Жданов дал нам понять, что он знает, что им манипулируют. Так? Так. А на чем у нас все держалось? Что он только фонтанировал и не мог засомневаться. Его доверие нам шло практически из того же источника, что и доверие себе. Вера. Сомневалка вообще отключена. Сказал — как выстрелил, и забыл, окончательная истина. А тут Румянцев его заставляет вернуться к старому случаю и, главное, заставляет его выдать нечто противоречащее тому первому выбросу. Румянцев ему как бы подставил экран — рикошетом Жданова и торкнуло. Он этим сеансом Игнату сомневалку и включил!

Все замерли, немного пораженные гибкой силой ее мысли. Подбирались они сюда по «аналитическому складу ума», чем гордились. Даже и Румянцев пробормотал с признающей интонацией: «Хитрая бесчувственная стерва». Тихо сказал, но недостаточно тихо для ушей Альбины...

— Еще раз задумайтесь, сопоставьте: Игнат стал догадываться насчет нашего Проекта и одновременно перестал выдавать на-гора свою Веру. Все точно... Приключись такая штука у бандюков — тебя, Андрюшенька, здесь бы, во дворе, и закопали.

— А я тебя, Альбина, прекрасно представляю главарем банды.

— Что, воображение хорошее? Да? Ну тогда и представь, — Альбина налегла на стол, приблизившись к Румянцеву, и продолжила, уставившись ему в глаза, гипнотизируя серым, ртутным блеском ненависти, — что ты сейчас лежишь в яме, руки-ноги стянуты колючей проволокой, а сверху земельку сыплют. Крутишь тупой башкой своей, а уже и рот, и нос забиты, да? Чихнуть, наверно, очень хочется? В последний раз...

— Фу, Альбина! Ты не только Румянцева, ты и меня сейчас запугаешь... Андрей для нас всех сделал тоже... огромное дело...

Сумеров заметно терял силы и уверенность, слегка даже шамкал слова. Может, виноваты были слишком высокая всегдашняя точка сравнения, его почти магическая уверенность, утраченное обаяние сложной силы... Высоко ж ему было падать. И мучительно было смотреть, как он пытается собраться, что-то сказать.

— Я, я же хотел вам всем, друзья. В-вы... если только вы не пропиваете сразу же свои оклады и бонусы — а на это, честно говоря, и не похоже, то, по скромным моим подсчетам, вы все, как это говорят: долларовые миллионеры уже. Извините за напоминание, я ж это впервые говорю, сегодня. Просто хочу призвать: ведите себя спокойно, солидно. Четыре миллиона на троих — это, может, и немного, ведь и вы наверняка прикидывали мои обороты... Но тьфу... что-то я, извините, не по-русски как-то, все на деньги перевел. Извините... Но я же создал такую систему, в которой вы, каждый на своих участках, прекрасно знаете свою абсолютную незаменимость. Некоторые строят бизнес так, чтобы «незаменимых сотрудников не было». А вы, признайте честно, вы же хорошо представляете, ввести кого-то в систему вместо вас — почти невозможно. Это, по-моему, и был наш с вами базис справедливого сотрудничества... И вы могли бы дружно, только дружно, втроем, ко мне подойти, попросить расширения вашего участия. А я бы вам тогда и открыл сюрприз: оказывается, у вас у каждого есть по семьсот пятьдесят акций Инвесткредобанка, да-да!..

Значимую паузу все сотрудники поняли так, что эти акции уже на каждого были записаны, и шеф ожидал сообщить им об этом более приятного случая, чем нынешняя свара.

— Эдуард, а сколько еще остается доз приготовленной «Рабочей смеси»?

— Сорок девять, Вадим Сергеевич. Могу, конечно, сейчас проверить... Да что там! Точно сорок девять.

— Хорошо. Ты, Эдуард, у нас кругом безупречен. Только вот... с прямым своим подчиненным Румянцевым не сумел... доверительного контакта наладить, да. Я ведь вас подбирал такими разными отнюдь не для стравления — не разделяй и властвуй, нет. А по разнообразию талантов. Даже думал, наверняка кто-то, а может и Жданов, в Альбину мою влюбится, может, и свадьбу сыграли бы... Я бы, например, точно влюбился бы... Что ты, Андрей, скажешь нам?

— Что сказать? Эта... которая меня сейчас здесь... закапывала, она ж все вам точно разгадала. Я и сам признаю, очень вероятно, скорее всего, так. Что Игнат после сеанса с Жанной и сомневаться стал, и его Вещество Веры, удои его пропали... Да, я сделал это, потому что и не то бы еще сделал для Жанны. Которая... она ведь самая первая жертва ждановского Эффекта, самая невиновная... Тебе, Альбина, этого просто не понять, у тебя-то самой с веронепроницаемостью, с «сомневалкой» всегда все в порядке, одна она у тебя и есть. Но я всем остальным, и вам, Вадим Сергеевич, скажу: а каково бы вам было, если бы Жанна умерла? И все бы мы прекрасно знали — от чего? Что, «повязало» бы это нас? Как это... «кровью»? И Жаннин отец, рано или поздно, все равно бы это вычислил, докопался бы. Я его характер хорошо представляю. Он уже, например, про Игната в курсе, и не от меня, разумеется.

— Ой ли! От кого ж тогда? — Альбина стегала его своими серыми молниями.

— Не знаю точно, — стараясь адресоваться только Сумерову. — Но кажется, из ГУВД кто-то вас... нас отслеживал и поделился с ним информацией, за деньги.

— Генерал Маникеев? — Вадим Сергеевич с большим недоверием.

— Может, кто из его подчиненных слил?

— Вот еще, разбирайся теперь и с этим... Но зато хоть про убийство Павла Сухотина, артиста этого, теперь уже все ясно.

— А я бы никогда такой подлянки Игнату не сделал бы, он же мне настоящий друг. И так доверяется мне. Но это, Альбина, извини, опять не для твоих прекрасных ушек, это можешь пропустить.

...Но не пропустила.

— Вот что, Вадим Сергеевич, я скажу вам насчет этого... Румянцева. Я и сделаю потом кое-что, но сначала должна ему и вам сказать. — Альбина пододвинула к себе вазу и вполне умиротворенно понюхала розы. — Я ведь тоже собиралась по-использовать Эффект Жданова в личных целях. Мне для Алины, для сестры, очень было нужно. Давно хочу помочь, мечта у нее есть большая. Сейчас ее отправила на жесткий подготовительный курс, но потом... — Она, видимо, купаясь в аромате свежих роз, вытащила туго вбитый букет левой рукою, поднеся, повела по лицу, как пуховкой пудреницы, правая рука осталась держать за узкое горло фарфоровую вазу. — Я хотела дать ей шанс пройти в театральную труппу. А что, вон этот, — ткнула взглядом, — под Игнатовыми парами пролез же в Администрацию президента!.. Собиралась просить вас, Вадим Сергеевич, разрешить это. За мой счет. Чтоб строго вычесть из моих окладов стоимость одной пробирки Рабочей смеси... И теперь у Алины этого шанса не будет... Все, Вадим Сергеевич. Я вам это заранее объяснила, а теперь... теперь... — она привстала и мощным движением плеснула водою из вазы точно в лицо Румянцева... И сразу села, скромно сложила руки... орудие мести оставив при себе. Заметила, как Сумеров не сильным движением, а скорее просящим жестом остановил встававшего из-за стола Андрея Румянцева.

— Все-все-все, Вадим Сергеевич! Я свое отношение выразила. Все, теперь буду еще хоть двадцать пять лет вам верой-правдой служить, вести себя тихо. Прикажите — буду и с Румянцевым работать и не поморщусь даже, когда он будет меня хитрой бесчувственной стервой называть. Да хоть по сто раз на дню будет мне говорить, что только он такой заботливый и знает, что такое любовь... А я же, я сейчас, — усмехнулась, — только землицу с него смыла, которой давеча засыпала...

Щадя и охраняя паузу его задумчивости, а может, даже и — бессилия, Альбина побежала готовить всем кофе. Подала, как вышколенная официантка, Румянцеву так же обходительно, как и другим. Причем ему даже с двумя дополнительными салфетками. Промокнуться.

— Что же, Андрей, от опеки Жданова я тебя... не отстраняю. Просто и не смог бы отстранить, я же недаром тут болтал про полную вашу незаменимость. Но теперь влиять на его образ, распорядок жизни будет еще и Альбина. Игнат действительно стал уж очень сильно пить. Мне еще и вся редакция нажаловалась, коллективное письмо протеста мне написали. Это про случай, что он все их дыхание выпил, — не выдержал наконец, улыбнулся. — И что он главного редактора Лодкина, при всех подчиненных, да еще и при... «исполнении им прямых служебных обязанностей по редактированию журнала», прямо при всех обозвал плоским убогим кретином.

— А вот это неправда. Мы с Эдуардом при этом были. И я точно запомнила: Жданов обозвал Геннадия Исидоровича плоским убогим коротичем.

— А эт-то что?.. Меняет что-то? Это вообще лучше или хуже?

— Не знаю. Но я за предельную точность. Если уж письма протеста писать.

— Да я бы не стал вам про это письмо и вовсе рассказывать. Подумаешь! Да, кстати-кстати-кстати! Снижу-ка я им с завтрашнего дня все цены в столовой... еще на... рубль тридцать пять копеек. Точно!

И не откладывая ни на полсекунды свою личную психотерапевтическую меру, он открыл мобильник и продиктовал:

— Алле, Храпов? Передай сейчас же в хозяйственный отдел и в столовку. С завтрашнего дня все цены, абсолютно по всем артикулам снизить на... на один рубль тридцать пять копеек. Распечатать новые меню. Вывесить по редакции три плаката следующего содержания, записывай: «Пункт первый. Поздравляю весь коллектив трудящихся редакции журнала „Российский фокус“ с Днем примирения и согласия. С сегодняшнего дня цены в нашей столовой снижены! Пункт второй. По результатам писем трудящихся редакции приняты меры. Эссеисту-колумнисту Жданову И. И. поставлено на вид. Председатель правления Инвесткредобанка Сумеров» — и сразу выключил телефон, видно, не планируя услышать с той стороны даже и полслова, кроме самого первого: «СлушаюХрапов».

А еще всем стало понятно, что сия иезуитская игра со столовским меню, с этими «крем-супом из мидий, двенадцать рублей семьдесят четыре копейки, котлетами по-киевски, четырнадцать рублей восемьдесят три копейки...», была какой-то особой, хитрой мерой самонастройки, отдушиной этого сложного человека. Сейчас, отдав сей абсурдный приказ, он заметно успокаивался от потрясений дня, даже напевая что-то из Высоцкого: «*И текли, куда надо, канал-лы... Было время, и цены снижал-ли*».

Альбина вспомнила, как вместе со всеми «господами редакторами» она впервые толклась в столовой, читая то фантастическое меню. Как журналисты вокруг мучительно гадали, представляли Сумерова, сочинившего циничный прейскурант, даже кем-то вроде... Иосифа Виссарионовича Сталина, игравшего советскими писателями накануне их первого съезда. И вот теперь она впервые видела подобный «процесс изнутри», видела игру лица человека, придумывавшего *это*. Словно на волшебной машинке пролетела и подсмотрела тайком за кем-нибудь из недоступных героев ЖЗЛ... И еще раз поблагодарила судьбу за подаренный интересный, захватывающий период жизни.

— Итак, друзья, на чем мы остановились? Ах да! Игнат Жданов стал много пить. И что теперь его стилем и распорядком жизни будет заниматься еще и Альбина Терлецкая. Теперь второе. Предложение Эдуарда по комплексной диспансеризации Жданова принимается. Может, у парня Эффе́кт его пропал — от здоровья пошатнувшегося, тут дело неизведанное. Но поездка его с Румянцевым в клинику отменяется. Эдуард, ты решаешь вопрос, чтобы они с бригадой, аппаратурой приехали сюда. Скажешь Трошину, чтобы выдал тебе наличными... сумму не уточняю, главное, чтобы твои айболиты были здесь завтра вечером. Типа... Диспансеризация трудового коллектива. Вместе со Ждановым проверить еще... человек пять. Так, а теперь у нас Альби-ии-на... Я тебе сейчас и приказываю, однозначно, как ты любишь: чтобы всю эту неделю, до следующей среды включительно, Жданов не выпил бы ни грамма спиртного! Способы, средства на твое усмотрение. Сколько понадобится по наличным деньгам, тоже скажешь Трошину, без ограничений. А Эдуард Кумихин проводит повторные сеансы. Вопросы есть?

— Вадим Сергеевич, мне для повторных сеансов, наверно, и не надо, чтобы Жданов не пил вообще. Может, такая резкая завязка даст какой-нибудь стресс. Раньше он выпивал умеренно, и все было в норме. Нужно только, чтобы не так много, как в эти недели.

— Принимается. Суточную норму Жданова согласишь с Кумихиным.

— Есть согласовать!

— А все равно ему больше Луизка Кошелева нравится, — пробурчал Румянцев, — а тебя он просто — боится.

— А это, старинушка, не твоя печаль. Да, он же к ней собирался поехать, Луизианой ее называет.

— Спасибо, Андрей. Альбина!

— Я!

— И еще один тебе вполне определенный, как ты любишь, приказ: с Луизой — не допустить! Понимаю-понимаю. У тебя, Альбинушка, самое сложное задание. Как у нас во внутренних войсках шутили: «Сержант Петров! Берите пару солдат и оцепляйте стадион!» И чтобы ближайшую неделю, нет, три Игнат вообще не покидал это здание. Дальше я решу вопрос более фундаментально. Средства — опять на полное твое усмотрение. Ясно?

— Так точно! А что значит «более фундаментально»?

— А не знаю пока! Может, поднимемся и всем составом уедем в гарнизон к Василенко. А может, и на Кипр, как в «лихие девяностые» туда всем составом махнул наш славный «Союзплодоимпорт», оттедова русской водочкой по миру и торговали.

— А теперь — из Лондона, — мрачно процедил Румянцев.

— Да! — оживленно вскинулся Сумеров. — Вот уж совпадение. Напомнил ты мне, Андрюша, я ведь послезавтра в Лондон лечу. Понимаю-понимаю, обстановка сейчас в нашем... Проекте не самая спокойная, но я буквально на полтора-два дня. Туда-обратно. Вам я тут все спланировал? Я вчера дочку спрашиваю: что тебе из Лондона привезти? Она смешалась, перебирает пластинки своих английских ансамблей, бормочет: «Да все у нас есть...» И знаете, что попросила? Шапку эту медвежью, мохнатую, в которой их гвардейцы королевские ходят на парады. Теперь и думаю, где ее там найти? Не в курсе, у них там есть вроде Арбата нашего с сувенирами?

— Есть. Наверняка есть. Вы у портье спросите, — все наперебой. — У вас где будет гостиница?

— А не знаю. Вот бумаги... Дайте сюда... так... Кэмден-Лок, — вслух прочитала «остающаяся за старшую».

— Ну а вам-то, други мои, что из Лондона привезти?

— Романабрамовича! Ну хоть немно-ожечко! — и все прыснули на молниеносную шутку Альбины.

51-а

Оставленной «на хозяйстве», взявшей с места в карьер полномочной начальнице Альбине утром следующего дня Кумихин вручил флешку: все новосозданные или обновленные файлы, вытасканные с обоих Игнатовых компьютеров. В том числе удаленные им, в том числе и отправленные «окончательное удаление» — программа-жучок в тех случаях салютовала Игнату: «ОК! Выполнено», но копия файла переправлялась на компьютер Кумихину.

В разъездах между переговорами этих дней, может, вечерами, а может, и ночью, Альбина собиралась прочитать, пропустить через себя все, что насочинял Игнат за последние два месяца. Похвала Сумерова за вчерашнюю гипотезу-догадку, вспоминаясь, вновь и вновь опаляла Альбиныны щеки румянцем, раззадоривала, гнала ее, как хорошую служебную собаку, за новым поощрением. Пользуясь хранящимися в спецификациях файлов датами и даже точным до минуты временем обновлений, она решила вычислить: когда и как, при написании какого текста Игнат потерял свое «моджо», перестал выдавать на-гора Вещество Веры.

«Как там Вадим Сергеич вчера наставлял? Бог создал нас разными, чтобы мы

нуждались друг в друге... Что ж, Сумеров! Ты будешь во мне нуждаться! Сильнее, чем в ком-либо!» — думала, почти вслух бормотала Альбина, перегружая на свой планшет вереницу файлов.

— Что-что? — переспросил Кумихин.

— Н-нет, я так... а что это за фельетон у него: «Волки и свиньи»?

— Х-ха! — засмеялся. — Это помнишь, его подталкивали про ММВБ, валютную биржу, написать? Вадим Сергеевич, наверно, хотел там как-то сыграть. На повышение или понижение — уж это я не в курсе.

— И-и...

— А ты не помнишь? Хотя проектик был несостоявшийся, отложенный, — и видя по-прежнему поднятые Альбинины брови, Кумихин пояснил: — Играющих на бирже в мире принято называть «быки и медведи». Кто работает на понижение биржевых курсов — медведи. На повышение — быки.

— Нет, ну это-то я...

— А Жданов, вишь ты, решил попутно припечатать. Дескать, наши биржевики не быки-медведи, а волки-свиньи... Альбин, не хочу еще раз жаловаться, но... и это все — румянцевское влияние. Ты же знаешь, ну какой наш Игнатушка политик? Смех один. А этот его и тянет. Пользуется ждановской изоляцией, вливает ему в уши. Зюгановец, если не сказать — лимоновец.

— Ладно-ладно, Эдик. Еще устроим мы тут «чистку партии».

На заднем сиденье сумеровского, оставленного ей БМВ, предчувствуя большую пробку сразу за Хорошевкой, она загрузила файл недельной давности, довольно внушительный, триста восемьдесят пять килобайт текста:

Пятнадцатилетний педофил

Сей мемуар начну с того единственного в жизни периода, когда я имел законное право интересоваться маленькими девочками: четырнадцатилетними «нимфетками», тринадцати- и даже двенадцатилетними... Заигрывать, трогать, собирать коллекции невинно подстроенных касаний, заглядываться часами, совершенно не опасаясь статьи «педофилия», — и все легально, просто как... их ровесник. Кха-ха-ха... Счастье, что ювенильная либеральная мысль пока еще не заползла с этого боку, не довела свои тезисы до абсурдно-логического финала. Ведь если запрещены приставания, касания и... литературные их описания (!) — в отношении тринадцатилетних девочек, значит, доводя это (как и все у них) до сияющих вершин идиотизма, получим... двенадцатилетнего мальчика, осужденного за «педофилию». Так что держись, Игнат: когда-то избежал «статьи» как действующее лицо, но еще получишь как автор.

В шестом классе, когда девочки определялись со своими растущими «формами», я определялся (меня кто-то определял) со вкусами, предпочтениями. Иначе говоря, когда они наполняли собой школьную форму, коричневые блузки с белыми воротничками... кто-то мне наполнял «конкретикой» словосочетание «красивая девочка».

Каштановый вьющийся хвост, совсем недавно по разрешению матери собранный из стандартных косичек, карие глаза, блеставшие из-под припухлых век, атласная кожа лица — если и кукольного, то какой-то очень дорогой куклы... в общем, Лена была точно «красивая девочка».

Альбина промотала несколько страниц. Вращивая в себе настрой строгой служебно-розыскной собаки, бдительно вынюхивающей все следы, что могут быть

нужны хозяину, она постаралась безучастно пропустить эту придорожную колючку ревности: присутствие в Игнатовом рассказе Луизки Кошелевой, хотя бы и в качестве «базы сравнения», хотя бы и не в ее пользу сравнения, но все равно — присутствие... Ну а по делу пока — ничего...

— Уф-ф! Тут еще двадцать три страницы, но, в общем, все ясно. Плач Игнатушки... «Женить его надо!» — это годы, новая работа, ответственность, хлопоты с сестренкой добавили Альбине прямой и простой бабской мудрости. «Жанить его». Но додумав, тут же спохватилась: «Куда ж его женить?! Уведет его какая-нибудь от Сумерова, выведет из дела. Нет, Игнатушка, помучайся еще. Поработай. Тем более, что ты себе еще и зарабатываешь — Имя. Во всеямосковские пророки выбираешься...»

Так, а вот файл, кажется, что-то поактуальнее:

Пожизненное — Николасу Кейджу! Оскар — кинокомпании «ЦРУ Пикчерс»!

В этой, похоже, недавней, довольно гневной статье по поводу ареста нашего Виктора Бута журналист Игнат изливался сарказмом на америкосов, глядящих в мир сквозь голливудские штампы и, соответственно, на русского бизнесмена — как на «Оружейного барона», сыгранного Николасом Кейджем в одноименном фильме.

Все обвинение Виктора Бута построено на провокации, инсценировке заманивших Бута в Бангкок, «на переговоры», под жерла скрытых телекамер (а... вот откуда «кинокомпания ЦРУ Пикчерс»!). В бангкокском отеле «Sofitel» Бут был арестован... Даже наш правозащитник Лев Пономарев определил суть дела: жестокое наказание на основе провокации.

Но как обстояли дела со «вживанием в роль»? Преподают ли цээршникам «систему Станиславского», которая с 1920-х годов «принята на вооружение» поколениями американских актеров? Какова была «сверхзадача роли», как ЦРУ-агенты выстраивали мизансцену, чтоб не услышать знаменитое: «Не верю!»

Важный пункт ускользнул от внимания всех театрально-судебных «рецензентов». Сцена с «колумбийскими повстанцами» имела место в... бангкокском отеле «Sofitel Silom Road». А вспомним нью-йоркский «Sofitel»... сцена «Изнасилование софителевской горничной Стросс-Каном». Уже второй «Софителю» становится театральными подмостками... Похоже, у режиссеров «ЦРУ Пикчерс» завязки именно с этой сетью сценических площадок. Мхатовскую «Чайку» «Софителю» пририсовать в эмблему, наверно, нельзя («защищенный товарный знак»), но какие-нибудь узкие дамские трусики, стринги, напоминающие парящую чайку, вполне. Вспомните другой голливудский хит: «Хвост виляет собакой» (Wag the Dog) с Робертом Де Ниро, Дастином Хофманом, о выдуманной угрозе, спецоперации, о вторжении «второй реальности» в «первую» и о том, что «молчаливое большинство» уже давно их не различает...

В это время сумеровский водитель, выискивающий подобно полярному капитану хоть двадцать метров свободной ото льда воды, углядел просвет и рванул со светофора так, что Альбину словно ручищами какого-то любовника-атлета вдавило в замшевую спинку БМВ, и она перескочила на следующий файл.

Директору МВФ Доминику Стросс-Кану, жертве другой провокации, ранее повернувшегося, казалось, лишь для сопоставления обстоятельств ареста, Игнат посвятил еще две статьи. «Секс, власть, Валютный фонд» — здесь он вцепился в целое поколение политиков-«секс-скандалистов», израильского президента Моше Кацава, Берлускони, Клинтона, вытягивая сходство судеб из периода их молодос-

ти, из 1960-х, из «Секс, драгс, рок-н-ролл»... А в день Доменикового повторного ареста во Франции за «сутенерство» Жданов ехидно-мстительно припомнил случившийся точно там же и с тем же обвинением арест миллиардера Прохорова — в статье, называвшейся «Сам себе сутенер».

И совсем поздно вечером, пролистав еще семь файлов с его автобиографическими пассажами, Альбина вдруг поняла: а ведь Игнат всегда именно этого и хотел. Подполья. Взгляда из Подполья, записок из Подполья, редких и потому впечатляющих, почти наркотических, галлюциногенных выходов из Подполья.

Конечно, с Сумеровым у него (да и у нее, Альбины, у всех «наших») вышло приключение просто невероятное. Но ведь и до этого у Игната была Бутырка, куда он почти сам себя загнал. И две последовательно унаследованные квартиры — казалось, уж на что заурядное событие, ведь сколько народу стареющей Москвы живут бабушкиными да тетушкиными кэвэ метрами! Но и эти наследования оборачивались Игнату не допингом, помощью, «стартовым капиталом»... а алкогольно-поэтическими запоями, годовыми изъятиями себя из общества, придавая ждановской жизни, сочинительству, «карьере» характер какой-то штрихпунктирной линии. А его взгляду — черты искренней ошарашенности.

— Впервые за три месяца вышел из дому дальше магазина, да еще сразу — аж на Тверской бульвар проехался! И оказалось, что темный слух о каком-то массовом помешательстве или зомбировании верен! Среди отогревающихся на мартовском солнышке голубей с воробьями туда-сюда одиночно сновали люди, смотревшие прямо перед собой и энергично что-то говорившие. А громкий разговор с собой считался приметой помешательства столь же верной, как и слюна, текущая из углов рта...

— Ага. Этот фокус, значит приключился с ним на Твербуле. Публика продвинутая, первыми понакупили гарнитуру «хэндс фри», понацепили, не предупредив Игнатушку. И бубнят, орут себе в микрофоны под куртками, сбивая беднягу с катушек... А раньше он точно так же проспал период наплыва первых мобильных. Страниц десять назад описывал, как на даче покойного дружка Сухотина. Типа сторожил ее почти год, сбежав от первой жены... Вот так, Игнатушка. Поймаешь на бульваре сумасшедшего, а он: отстаньте! Это у меня вай-фай и айфон с хэндс фри!

Альбина сняла углом салфетки кофейную кляксу, под которой открылись мерцающие цифры сегодняшнего числа и времени: один час двадцать семь минут.

— Боже, полвторого ночи!.. — Она оглянулась, но не смогла заставить себя донести до кухни блюдце с остатками паштета, колоду нарезанного сыра, чашку и давно остывшую турку...

— Весь окружающий воздух переменялся. Иной страшно и представить, как его в любую секунду, каждую миллионную долю, прорезают во все стороны миллиарды килобайт слов, сигналов эсэмэсок. Глупое спокойствие, нечуткие слоновьи уши не укроют от кошмарного факта: ты еще мечтаешь о чем-то... в тот самый момент, когда сквозь твоё тело, твои липкие мозговые извилины, сквозь студенистые глазные шарики, ухающее сердце и вспархивающие легкие, сквозь изготовленные два плевка спермы с копиями твоей личности, как через проходной двор, без спросу и жалости продираются они, те, от кого ты надеешься дешево отделаться, произнеся «электромагнитные волны». Нетерпеливо заглядывая в окошко микроволновки на курицу, жарящуюся в этих «волнах», ты не видишь подобия, а жаль... «Смерть идет по проводам» — старая страшилка, а вчера я нарочно проследил — Весь Путь. Медный проводок, нить Всемирной Паутины, вползшая в мой дом, заканчивалась розеткой под письменным (да каким «письменным»! — компьютерным) столом. Нет, еще двадцать пять сантиметров от розетки к роутеру, черному ящичку, подмигива-

ющему двумя, красным и зеленым, глазами, а от него дальше — только нагоняющие меня волны. Гуляя по квартире с ноутбуком, вообразил было его — своим серфом, доской, бегущей по волнам, но скоро забыл об этой глупости, усевшись на диван, спиной к разноглазому роутеру. Я тогда скачивал фильм, сто лет его хотел посмотреть, да все не получалось или забывал. Режиссера Лени Рифеншталь тот самый фильм, «Триумф воли» (ну... это про то, как Гитлер бросил курить). Столько толков было о нем когда-то, разговоров — а вот ведь... клик-клик, и «идет загрузка... 30 %... 50 %... 75 %... 90 %... 98 %... Выполнено».

Нынче всякие философы выводят Бессмертие человека, то есть Души, из неумиротворимости Информации. ВСЕ витает ГДЕ-ТО... Где-то — здесь! Значит, и этот фильмец с твякающим Адольфом, и юные барабанщики продолжили свою жизнь в виде вибраций... маршируют в моих печенках и яйцах. Да что Адольф! Электроны и фотоны, посланцы Всемирного Вай-Фая, триллиарды слов, каждую микросекунду царапаясь, продираются сквозь твои мускулы, сосуды и извилины, безжалостно спрямляя себе дорогу. Они-то и стали воздухом, которым... принимая его за прежний, как-то еще пытаются дышать эти несчастные спамоносители...

Реклама коммерческого Ново-Котляковского кладбища. После перечня всех удобств и скидок: «Бесплатный Вай-Фай», «Free Wi-Fi». Или...

Платный нудистский пляж в Серебряном Бору: «Free Wi-Fi»...

Здесь уж Альбина в голос захохотала. Пляж этот она хорошо знала. В свой содержанский, у Артура-Мони, период часто там бывала. Точнее, это Моня, извращенец гребаный, выгуливал ее там, хвастался, ловил и считал воспаленные взгляды, мысленно перепродавая ее всем, кто пожелает... Мажорная публика, ходят, потряхивая вторичными половыми признаками, болтают по мобильникам, действительно похоже на выставку-конкурс собак. Некоторые слушают свои айфончики, из надетого у них — только наушники. И представить эту публику «безо всего», но с компьютерами в руках... все такие... подключенные, «держашие руку на пульсе», рассылающие и принимающие свои идиотские письма, «посты»... а кто-то «фрилансерный», может, шлет по редакциям свои политологические или маркетинговые обзоры»... Это действительно тянет на символ эпохи... голые с ноутбуками. Тут ты, Игнат, прав.

— Сумеров меня точно избегает. Но не боится же! После всего, что для меня сделал! Избегает, наверно, опасаясь, что я буду слишком назойлив, рассыпаясь в благодарностях.

Андрей просто потряс меня: вся эта история с добрыми-предобрыми инопланетянами нужна была для... Привез вчера, девчонка, худющая как смерть, смотрит пронзительно. Пригляделся — да это же Жанна! Из-за которой я в Бутырке, а Пашку убили недавно. Села, в подлокотники вцепилась — пальцы аж белые. А Андрюха дергает меня за рукав поминутно, оттаскивает в угол, тоже совершенно ненормальный, и яростным шепотом объясняет, и всякий раз — разное. То он хочет дорасследовать то дело об изнасиловании, себя как следователя реабилитировать, потом — нет, убийц Пашки, заказчиков найти. То вообще дикость — вроде жениться хочет на этой Жанне. Чего от меня хотели?!

Такие вот Вера-Надежда-Любовь. И мать их Софья...

И если ты не веришь в любовь, то и я не люблю твою веру. Синтетика.

«Вера же... — по слову апостола — есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»! Вера — трепетание ветвей и поклоны деревьев, за пять минут до прибытия ветра... Ты живи только пять минут и всегда будешь купаться в море Веры.

— Может, здесь была твоя потеря, Игнат? Что-то стал много рассуждать о Вере.

— Спина — парус, наддуваемый восторженными взглядами. Мой Золотой Век: улыбочивые фиксатые земляки из поселка Торфобрикет. Но был и более давний, Плюшевый Век: портьеры, мягкие игрушки, детство.

А остаток моей жизни будет настоящее шоу.

— А вот это точно, Игнат. Фирма... Сумерова — гарантирует!

52

Около одиннадцати часов утра, открыв дверь Альбиного кабинета, к ее столу довольно резко подошел Игнат Жданов.

Альбина работала сегодня с восьми, но взгляд ее, поднятый на Игната, был полон самого свежего, доброжелательного и даже немного... чисто женского интереса. Так, во всяком случае, истолковал это Жданов, полагавшийся на визуальный контакт. С собой он захватил какие-то листки, но, увидев в руках прекрасной редактрисы верстку своего эссе, сразу же почувствовал шум и толчки крови, словно с его «мотора-сердца» (*«сердца вытывший мотор»*) сняли глушитель. Ведь буквально позавчера, поздно вечером, Альбина, принимая листки и флешку с новой порцией его творчества, посмотрела на него как-то особенно. Вызвав... Зародив... Первый всплеск на сейсмографе.

В этом он был абсолютно уверен, уж он-то знает, уж настолько привык за год к ее деловому, бесстрастному тону, отношению, чтоб почувствовать даже и мельчайшее изменение... А это было и не мельчайшее...

— Альбина! Ну и как тебе мое — новое? Твое личное впечатление, а?

— Это которое? Что с такими тонкими аллюзиями на акмеизм?

— Ну да, конечно. То, что ты сейчас читала. А ты, выходит, и акмеизм разглядела? Да, я всегда считал и считаю тебя одной из самых умных женщин, которых я знал. Это настолько само собой разумеется — что тут и повторять! Но ты же, согласишься, всегда была со мной такою сдержанной. Почти никогда не делилась впечатлениями от моих... творений. Молча забирала, и все. Понимаешь, границы наших вкусов, знаний, они же нащупываются в процессе живого разговора... Вот я, извини, и не знал, насколько ты знакома со всем этим... Акмеизм! Мандельштам! Ахматова!

— А Николай Гумилев!? А Сергей Городецкий с Георгием Ивановым! А Михаил Зенкевич?!

Хотя не столь опьяненные слух и зрение, возможно, и различили бы в этой обиде нечто утрированное. И последнее в блестящем списке знаменитых поэтов-акмеистов «А Зенкевич?!» прозвучало уже совсем похоже на шуру-балагановское «А Козлевич?!».

На многлюдных совещаниях столы вроде этих от щедрот Сумерова дают руководителю необходимую защиту и дистанцию, удобную позицию для наблюдения за рассевающимися на жердочке — примыкающем основании буквы «Т». Но для разбора текста тет-а-тет с автором он подходит не очень, и, собрав листки верстки, Альбина поднялась и пошла к тому из двух замшевых диванов, что стоял у окна. Она не обернулась пригласить Жданова, но весь контекст предыдущего разговора наталкивал его на то, что надо тоже подниматься, идти, тоже присаживаться, правда, непонятно — на каком расстоянии.

Быстрым движением, напоминая девушек-крупье в казино, она разложила листки на стеклянном журнальном столике подле дивана и непринужденно продолжила, полубернувшись влево, — и как раз на этом месте и оказался подошедший Жданов.

— Игнат! Этот спецвыпуск, как я понимаю, адресуется нашим медиамагнатам, и тема борьбы за культуру, страх ее утраты будут пронизывать весь наш блок журнала. По адресной и ВИП-рассылке, как я слышала, его получают хозяева издательств, руководители телеканалов, продюсеры... и здесь твой эпатаж будет очень уместен... где ты это пишешь, погоди... ага, вот: «Бессонница, „Плэйбой“. Тугие телеса. Я список потаскух прошел до середины...» Ве-ли-ко-леп-но!

— Нет, правда? Альбина, правда?!

— Правда-правда. Прекрасно тебя понимаю! Мандельштам тосковал по утраченной связи с европейской культурой, а мы утрачиваем и связь с Мандельштамом! Вообще, эта тема утрата утраты у тебя прекрасно раскрыта!

— А у меня, Альбина, и еще есть (картина: «Приободренный хвостун»), есть штучка, тоже на базе Мандельштама, по поводу СМИ. Помнишь, меня на ток-шоу приглашали? Вадим Сергеевич дал добро, мы с Румянцевым ездили. Там еще экспертов было много разных. Болтали! Кто о чем! Оглянутся испуганно на ведущего — и давай дальше пиариться! Вот, значит, мои впечатления. Игнат вскочил и, кашлянув пару раз, начал: «Мы идем, на ходу приспуская штаны. Наши визги бывают далеко слышны. А сюжетная нить разговорца, глядь ушла на... Людовико Сфорца... Или дальше — зависит от „полулюдей“ и размеров „эфира“ пришедшим триндеть...»

Видно, Игнат готов был читать ей и на трапедии, под куполом, и на канате... но Альбина жестом прервала это токование.

— Игнат, это сейчас к делу не относится. И кстати, эти твои стихотворные вставки, «Бессонница, „Плэйбой“...», должны более органично связываться с дальнейшим прозаическим текстом. Вот смотри...

Смотреть пришлось плотнее придвинувшись, и минуты этого «органического связывания» трясли Игната, как листок в школьных электростатических опытах. Румянец давеча был отчасти прав (насчет Игнатова страха), но теперь... бурные одобрения Альбины по поводу его текста как-то толкнули правую Игнатову руку... и — прямо на бедро заместителя главного редактора.

Альбина спокойно дочитала страницу со своими комментариями и наконец обернулась влево.

— Игнат. Я абсолютно, ну просто... статистически точно знаю, что девяносто из ста мужчин и даже женщин посчитают меня красивее твоей Луизианы. Не менее девяносто из ста выберут меня. А если нас с твоей Луизианой будут сравнивать обнаженными, то, возможно, и все девяносто девять из ста.

— А ты... что же... хриплым, ломающимся голосом спросил потрясенный Жданов, — видела ее обнаженной?

— Я себя видела.

— Н-нно ты что же? Так уверенно говоришь... Ты уверена, что я не окажусь этим... одним из ста?

Альбина еще раз оглядела его, словно того требовала мера ответственности, и продолжила так же медленно и взвешенно:

— Нет, я думаю, ты вполне нормален. Хотя долгое воздержание, возможно, и начинает сказываться. Но думаю, ты не окажешься одним из ста.

— И-и как же... Твое, Альбина, заявление, твое такое ответственное, надо бы подтвердить... и... ну... в общем... эк-кспериментально.

Выиграть у Луизы Кошелевой конкурс в жанре «ню»... Но ладно. Если тут у некоторых витают какие-то сомнения, то, наверно, придется внести это дело в список приоритетов и организовать это самое... эк-к-кс... пер...

Все это время рука Жданова оставалась на бедре Альбины, единственно, что

была проделана меленькая операция. Медленным археологическим или, если угодно, саперским, аккуратным миноискательским движением ждановская правая спустилась сначала до колена, нащупав край шерстяной юбки, и, нырнув под него, совершила возвратное движение, замерев где-то на полпути, успев там даже согреться. Остального Жданова трясло.

— Ну так и когда? И как ты это видишь технически? Скажем — организационно? И где вы с Луизой будете...

— Фу, Игнатушка! Давай не будем переходить к ролевым играм. Я ж сказала о конкурсе, да? Его вполне можно провести и по фотографиям... И ты, Игнат, сам отлично знаешь — это обычная практика, многие газеты и журналы такие конкурсы проводят, голосования. Раньше особенно часто, «Комсомолка» и таблоиды разные... Да-да, Игнат, фотографии, конечно, будут в жанре «ню». Наверно, восьми-десяти штук тебе хватит для определения?

— В-восьмидесяти?

— Ну-у, господин эссеист, ты и маньяк! Я сказала: восьми тире десяти! Ненасытный ты мой.

— А Луизы-то... фото?

— Ну, разумеется, достанем и Луизины.

— А и как же ты собираешься это сделать?

— Ну, конечно, не фотографировать ее самой. Через ее шефа, Семена Гарина, и достану.

— То, что Гарин на вечере на тебя очень крепко запал, это видели все. Но фотографии-то ее как ты заполучишь? купишь, что ли?

— Купить? Слушай, спасибо за идею! Было бы проще всего. И правда: тупо купить!.. Хотя, боюсь, все же не продаст... Он, конечно, сутенер, но несколько иного формата... Да, вряд ли....

— Хорошо, а как ты сама думала решить вопрос фотокарточек?

— Я просто выпрошу их у Гарина. Я же сказала, что вполне представляю их «социально-классовые роли». Более того, не буду перед тобой разыгрывать такую всевидящую, всезнайку, но на том... твоём вечере я ведь и сама расспросила его. И получила вполне удовлетворительные ответы.

— И насчет Луизы?

— И насчет.

— И ты уверена, что у него... такие фотографии найдутся, есть?

— Уверена? Не то слово! То есть если бы вдруг у него их не оказалось, то это только потому, что на прошлой тусовке он их уже кому-то всучил! Так что вопрос будет минутный: распечатать еще. А если в электронном виде, то и того быстрее.

— Ну так как же... именно ты их выпросишь?

— Ну например... посулю им какого-нибудь большого клиента. Он же знает наш круг общения, связей. Скажу, надо показать товар лицом... и всеми остальными местами.

— А как ты тогда сдержишь слово насчет клиента? Что, ради этого конкурса, ради... меня будешь ее кому-то предлагать?

— Знаешь, Игнат, день-то у меня рабочий. Мы уже час тут с тобой. Хорошо, сказала же тебе, что конкурс будет, значит, будет! Я просто... тупо выменяю их у Гарина — на свои. Вот только лишние копии сделаю и выменяю. Бартер. Тут, может, и получится так, как ты ослышался: восемь тире десять моих, на восемьдесят ее... Все. Ты, Игнат, в школе когда-нибудь марками менялся? Или этикетками со спичечных коробок? Или открытками артистов? И еще будет один у нас чейндж, бартер. Я устраиваю тебе этот конкурс, решительно и бесповоротно доказываю тебе

то, с чего мы начали этот разговор. Ну а ты, хотя бы уж до выяснения результатов, не видишься с этой Луизианой. Ни разу! Идет?

— Идет.

Довольно быстро согласился Жданов. Скорей всего, он по-прежнему, и особенно после убийства Павла Сухотина, боялся высунуть нос за пределы сумеровской крепости. Возможно, в душе, после остережений Румянцева и нынешних Альбининых, он стал побаиваться и этой стремной Луизы. И просто решил: «Фотки — тоже неплохой результат».

— Я знаю, Игнат, что несколько месяцев ты жил здесь безвылазно и какие-то перемены, новшества расценю не только как нарушение нашего с тобой уговора, но и как сугубую нелояльность Вадим Сергеичу. А в «Русском шелкопере», уж поверь, твой век был бы недолог... Во всех смыслах.

Закончив свой экспромт на такой угрожающей ноте (несколько неожиданно даже и для себя, просто к слову пришлось), она почувствовала необходимость и подсластить пилюлю.

— А я первые свои фотографии подыщу, может быть, даже и сегодня вечером. И завтра тогда принесу. Нет, все не обещаю, надо еще и вспомнить, где они. У меня же комплекта наготове нет. Извини. Умеешь, однако, убалтывать...

Вернувшись за стол, она энергично полистала ежедневник, припоминая инструкции Сумерова.

— Так кому же сначала? Ага, сначала заместителю директора Миражкомбанка. А потом по результатам разговора звоню в Научно-производственное объединение «Энтропия», нашему космическому флагману...

И помахала эссеисту ручкой... не совсем прощальным жестом, а примерно как отгоняют мух от варенья.

53

С чувством законной гордости возвращавшуюся с переговоров в Миражкомбанке Альбину на диванчике близ ее кабинета поджидал Кумихин.

— Альбина! Завтра вечером Лариса Казанцева может у нас выступить. Но договаривался я, конечно только предварительно. Теперь дело за тобой.

— Заходи-заходи, Эдуард. А что за мной?

— А ты должна разрешить это. Сказать Храпову и Александрову.

Боже! Альбина не могла привыкнуть к своей роли на эти три дня. Что это была не шутка, не сон, что Сумеров накануне своего лондонского вояжа действительно оставил ее за старшую.

— Погоди, Эдуард, а как с организацией, с оплатой?

— Да какая организация! Приедет с гитаристом. В нашей столовой стулья передвинем, и все. Когда ее на вечер ждали, а Сумеров отменил, я и подумал: а чего усложнять? Все скинулись по четыреста рублей, и готово. Имеем же мы право вечером после работы задержаться, двух человек пригласить?

— Нет, хорошо-хорошо. Я скажу Храпову. Извини, Эдик, мне самой так непривычно... Начальствовать.

Она виновато улыбнулась, полезла в сумочку, открыла кошелек, потянула деньги:

— Это восемьсот. Я Алину завтра приглашу. Она у меня в музыкально-поэтическом отношении совсем запущенный случай. Эдик, буквально еще два звонка и бегу к Храпову. Решим. Рустам, два кофе, пожалуйста. Давай вместе с тобой, Эдик, и сходим.

В своей лаборатории Кумихин отказался от такого селектора, потому и до сих

пор удивлялся: пропустишь, не заметишь маленькое движение руки к кнопке — и вот человек, продолжая говорить с тобой, дружески глядя прямо тебе в глаза, чередует фразы со служебными распоряжениями.

Повелителя всех четырех проходных сумеровского комплекса на Версильском переулке, начальника охраны Храпова они встретили в коридоре совершенно растерянными.

— Альбина Викторовна! А ваши-то... все уходят!

— Что? Куда уходят?

— Говорят, на обед уходят. Говорят, в городе будут обедать.

Да, это был первый случай с тех самых времен, как Сумеров, перевезя редакцию журнала к себе на Версильский и жесточайше ограничив пропускной режим, подавил общественное недовольство, учредив столовую-ресторан.

— Двадцать три человека ушли в город. Сказали, что имеют полное право на обеденный перерыв. Что их профсоюз может... — докладывал, семена сзади, Храпов.

Первое, самое смутное ощущение, подозрение, что сия проблема как-то связана с их совещанием накануне отъезда Сумерова, мелькнуло у Альбины, когда они подходили к кабинету главного редактора.

— Так ведь и Геннадий Исидорович вместе с ними, с ушедшими. Можно сказать, «во главе».

Напротив приемной главреда, накрывая почти всю доску объявлений, висел плакат с текстом приказа, как раз и продиктованного Сумеровым позавчера... «Пункт (1) Поздравляю коллектив... Цены снижены! Пункт (2). По результатам писем... поставлено на вид... Председатель правления...»

Вспомнила пропажу удоев ждановского «Вещества Веры». Как и без того выбитый из равновесия Сумеров в ответ на открытое письмо возмущенных сотрудников диктовал по телефону: «Пункт первый. Поздравляю весь коллектив трудящихся редакции журнала... цены в нашей столовой...» И далее-далее... как он, иезуитски улыбаясь, только трубка — не изогнутая, курительная, а — прямая, антрацитово-блестящая, телефонная... продолжает диктовать: «Передай сейчас же в хозяйственный отдел и в столовку. С завтрашнего дня цены по всем артикулам снизить на... на один рубль тридцать пять копеек! Распечатать новые меню! Вывесить по редакции три плаката!» Все точно! Альбина уже почти догадалась.

— Приказ Вадима Сергеевича мы выполнили, как всегда. Мгновенно и абсолютно точно! — рапортовал Храпов.

На красивой резной перегородке у таблички «Касса» висело и обновленное меню. Теперь уха из осетрины стоила девять рублей девяносто четыре копейки, а любимый Альбинин крем-суп из мидий — одиннадцать рублей тридцать девять копеек... и вот... ближе к концу, на третьем листке меню, Альбина и увидела буквальное и цифровое подтверждение своей догадки... салат витаминный стоил теперь минус четырнадцать копеек. салат московский — минус девять копеек. Компот вишневый — минус одиннадцать...

Все ясно. И с этим меню, и с происхождением отрицательных цен... а уж с психологией оскорбленной «русской творческой интеллигенции», ушедшей сегодня обедать в город, и того яснее!

Но... похоже, что, неосторожно перейдя эту точку — «ноль», пусть и всего-то на семнадцать, двенадцать, девять, четырнадцать копеек, он погрузил своих работников на совершенно новую глубину нравственного страдания, «Марианскую впадину» унижения, и потому сегодня в почти пустой столовой Альбина увидела только... трех человек из вспомогательного персонала.

Альбина устало попросила себе котлеты по-киевски.

Что-то взяли себе и Храпов с Кумихиным и, аккуратно присев рядом с начальницей, принялись за еду.

— Да. Я ведь должна была сообразить, вспомнить сказать ему, — задумчиво сказала Альбина, обращаясь или к Кумихину, или к себе. — Но, признаюсь, я тогда просто им... любовалась. Понимаете... это обаяние... сложной силы? Именно, что — силы, и — сложной. Сейчас ведь популярно такое представление: если сила, то грубая, первозданная. А если уж сложность, интеллигентщина, то это как хлипкая шея Семена Гарина... А тут... наверно, он и спортсмен... А вы же с ним служили Храпову, он каким видом спорта тогда занимался?

— Это как его... лыжи... футбол. Ну самбо, конечно, это мы все...

— А наши «униженные и оскорбленные», значит, отреагировали вот так. Ну да, они же коллективное письмо ему написали, как их всех Жданов оскорбил, как назвал плоскими, убогими... А Вадим Сергеевич отреагировал, если произвести необходимые арифметические действия, получается: «Выдать всем по семнадцать копеек!» Конечно, в свете вековых традиций русской интеллигенции... Белинский, Чернышевский, Илья Эренбург... это и прямой вызов, и посягательство.

— И надо ж, Альбина Викторовна, это ведь именно случилось, когда наш Вадим Сергеевич в отъезде!

— Да, Храпов, да. Ужасно. На броненосце «Потемкин» все как раз-то и началось с отказа матросов обедать в корабельной столовой. Мясо, кричали, червивое. У нас-то с этим как? В отсутствие Вадима Сергеевича!..

И подцепив вилкой кусок котлеты по-киевски она подняла на свет, покрутила, высматривая червей.

Между тем легкий гомон свидетельствовал, что мимо по коридору возвращались на работу протестанты, диссиденты демонстранты, во главе с Геннадием Исидоровичем... Некоторые из протестно обедавших в городе, правда, заскочили в столовую купить к чаю эклеров и профитролей, наверно, полагая, что «это не считается». Пирожные, впрочем, были вкуснейшие, на агар-агаре, сливочном масле и к тому же стоили порядка трех-четырех рублей, так что их сумеровская насмешка еще не обратила в отрицательные величины...

— Смеетесь, Альбина Викторовна! А что мне с ними делать?

— А... как на броненосце: накрыть брезентом, и ужасно всех расстрелять...

Дождавшись, когда обиженный Храпов поднимется и уйдет, Альбина продолжала:

— Да, Эдик! А как результаты Игнатовой диспансеризации?

— Те результаты, что готовы, почти все — в пределах. А... вот верхнее давление немного выше нормы, шумы в сердце. Уж и не знаю, влияет ли это. По-моему, у Игната все дело здесь, — постучал пальцем по виску. — И еще там... уж не буду показывать тебе. Опять же, сопоставь. Больше года он был у нас в эдаком равновесии. А в последнее время смотри: пьет сильно и за женщиной той как потянулся!.. Хотя еще раз скажу: главная догадка, напрямую выводящая нас к проблеме, твоя! Что сеанс с Жанной Рябовой, где его, получается, заставили дать задний ход — основная причина. А мерами по здоровью мы только косвенно пробуем вернуть равновесие. Нет, Альбина, честно скажу, год я с тобой знаком и не перестаю на тебя изумляться...

— Спасибо, Эдик. А что ты хотел уточнить, когда Вадим Сергеевич объявил было «сухой закон» по Жданову?

— А, это! Говорил, что и не нужно, чтобы напрочь. С Румянцевым они и правда слишком уж зашибали. Это действительно повлиять могло. Но и полный «сухой закон», к тому ж резко стартовавший, может вызвать дополнительный стресс.

- Да, Вадим Сергеевич и велел мне с тобой согласовать его норму, так?
- Думаю... в сутки можно бы ему грамм десять-пятнадцать, в пересчете на девяностошестипроцентный этиловый...
- А в пересчете на то, что он предпочитает?
- Две рюмки водки. Или два бокала вина.

54

До приезда сестры Альбина решила на один очень долго, почти суеверно откладываемый разговор. Даже просто — звонок. Она уже несколько месяцев «пробивала» по Интернету «Элитный жилищный комплекс „Корделия“», подолгу рассматривая фотографии четырех рядом стоящих тридцатидвухэтажных зданий, похожих на поставленные на попу вафли «Артек», изучала транспортную схему, план застройки с аккуратно прилаженными у подножий гигантских «вафель» игровыми площадками, детским садом. И «в реале», сворачивая на редакционном БМВ направо от Беговой улицы, она каждый раз оглядывалась на палево-золотистые (если было солнечно) башни с гигантским плакатом: «Квартиры. Телефон...». Всякие схемы покупки квартиры на «нулевом цикле», «долевого участия» ее не устраивали. Только покупка готовой квартиры «под ключ»... и позвонит она в «Принцстрой», только имея на всех трех своих счетах сумму, как она определила для себя, — девяносто пять процентов от стоимости своей «двушки».

Подсчет на прошлой неделе, приуроченный к получению ее очередной премии за идею насчет НПО «Энтропия», зажег в мозгу Альбины некую зеленую лампочку: «Пора». И так совпало, что с тех пор она уже три раза вспоминала о «Принцстрое» только после семи-восьми вечера. Вряд ли остающийся в это время какой-нибудь дежурный клерк мог бы сказать ей больше, чем вывешено на их сайте. Но сегодня все сошлось, и переговоры в НПО прошли «на ура», и времени — начало пятого... Альбина позволила себе и, позвонив, получила адрес управляющей компании, имя, фамилию, номер сотового сотрудника, который съездит с ней на объект.

«Отпрошенная» у Нартова «курсант Алина» приехала около пяти, за два часа до концерта Ларисы Казанцевой и теперь завороченно озиралась на стены сестриного кабинета.

- А меня все спрашивали: что за концерт? Что за Лариса Казанцева? А я и не знаю, что отвечать, сестра, говорю, пригласила. Нет, а правда, кто такая?
- А вот и кстати. Сразу, чтобы не забыть. Давай сюда свой плеер.
- Вот. У меня на телефоне.

Альбина взяла ее мобильник, подключила к своему ноутбуку.

— Вот тебе, Алинка, и маленький примерчик активной жизненной стратегии, мелочь абсолютная, но из них она и строится. Вот ты вернешься в гарнизон, будут тебя подруги спрашивать что да как, а ты раз — и сразу сможешь им завести. Понравится или нет — это совершенно десятый вопрос! Главное, что ты не забыла о них, о подругах. Ты с ними... Сейчас я тебе все и скачаю... Помнишь, я к Нартову приезжала и наставляла тебя? Учила же, как ты должна уметь всегда заинтересовывать собой. А ты еще отвечала: «Альба, я не умею, как ты».

— Ага. А ты мне: «Да я и сама не умею, как я!»

— Потому что это идет уже от инстинкта. Но ничего, и инстинкты прививаются. Понимаешь, отношения — они как струны, всегда должны быть натянуты, аж звенеть. Чуть тронули струну — и ты на связи, глаза горят. И тебя все помнят, и ты... Как у тебя с подругами? Выходишь из аутсайдеров? Как «Мисс Энгельс»?

— Хорошо. Нормально.

— Что нормально? Ты уже живешь с ней в одной комнате, а не с Дашей?

— Ну, Альба! Ты такая прям реактивная. Нет, живу я пока в комнате с Дашей, но на занятиях я уже чаще сижу вместе с Ксюшей, с «Мисс Энгельс» твоей. И на фитнесе, и когда мы пресс качали на соседних тренажерах — она со мной много разговаривала... Только она меня все больше о тебе спрашивает. Так что хоть ты и приказала мне втереться к самому лидеру и общаться с ней, но все равно разговоры у нас пока получаются... Видишь. Слушай, Альба, а как ты вообще ее углядела?! Она разве что, по-твоему, самая у нас красивая?

— Тьфу. Опять ты не про то. Она самая у вас... как тугая струна, в каковые я и тебя, дуреха, тяну.

— Ага, струна. Как щипанет!

— И когда будут приезжать к вам с разными кастингами, вот увидишь, ассистенты всякие будут выбирать — ее.

— Ага, — вздохнула. — Уже два раза и выбирали. И вчера еще на одну телевикторину, призы выносить. А мне и Дашку очень жалко. Она вся такая... как вздрогнет, как уставится в одну точку и сидит так десять минут.

— Переписала, держи. Погоди-погоди... Что у тебя еще тут?! «Блестящие»? Билан?! А это? Группа «Хай Фай»? Ужас... Да... вот и еще один фронт работы: ты ж в актрисы мечтаешь, Алиночка! И какой тут может быть Билан?! Актриса — профессия творческая. Духовный мир нужен, какие «Блестящие»? Так, что еще тут? Кир... коров? — продолжая разыгранную сестрами аналогию «щенка», можно было сказать, что Алина поджала хвостик. — Знаешь, как нам журфаке на эту тему довольно грубо говорили?.. Если вы пришли домой от станка, от трактора — можете читать что хотите, хоть Донцову. Но если есть поползновение в журналистику — вы уже не вольны в своем чтении, и такая дрянь забьет ваши эстетические индикаторы! Это пример по чтению, но он ко всему подходит. И заметь, Алин, речь не о том, что те, от станка, люди — второй сорт и пусть слушают, читают дрянь, нет! А речь о том, что они — вольны. Могут слушать и дрянь. Но человек с творческими поползновениями — не так волен...

55

Пройдя еще шагов двадцать, Альбина вдруг поймала себя на непонятном, но довольно сильном, девятибалльном волнении: сейчас она будет давать распоряжения Александру Александрову, шефу отдела безопасности. Хотя рослый, эффективный «Джеймс Бонд» ее никогда особо не интересовал — но так в чем же дело? Что меня сейчас так бьет? Неужели власть, даже столь краткая, условная, «закавыченная», так меняет природу женщины, словно ведьмино зелье перед шабашем? И таблицы оценок надо заполнять наново?.. Альбина, минуты назад читавшая сестре лекцию о струнах человеческих отношений, и сама сейчас чувствовала себя звенящей, натянутой-перенатянутой тетивой. И за это новое чувство она тоже мысленно благодарила Сумерова... Полная ясность обстоятельств, почти физически осязаемая подконтрольность всего и всех сочетались с дрожью полной неизвестности.

— Александр, тщательно следите, пожалуйста, за Ждановым. После концерта будет небольшое чаепитие. Так вот для Жданова оно и должно быть — чае-питием! Конечно, основной контроль, ответственность — за мною. Но на всякий случай. Меня будут дергать, спрашивать. Могу отлучиться, извините, и в туалет. На вас, Александр, надеюсь. Тот вечер со стихами и шампанским вы провели просто изумительно. Честно, я наблюдала мельком и просто восторгалась, сколько вы тогда

ситуаций разрушили. Сегодня, кстати, задача прямо противоположная, в смысле... — она коснулась горла.

— Редакционный бар закрыт?

— Да.

— Нужно и стеллаж, и барную стойку в ресторане — аналогично. Нет, лучше унесите оттуда спиртное, оставьте Рустаму только компоненты для безалкогольных коктейлей, он у нас мастер... Так что еще? В переговорной в шкафчике коньяк стоит.

— Запрет, Альбина Викторовна.

— Все?

— У редакционных у всех в комнатах есть алкоголь. Даже у Софьи Генриховны...

— Что у Софьи Генриховны?

— Бутылка мартини начатая, полбутылки рижского бальзама и... две бутылки водки по ноль семьдесят пять, одна — полная.

Первый раз за время доклада бесстрастный Александр Александров позволил себе что-то вроде... вроде ноль двадцать пять улыбки.

— Вряд ли редакторы будут сегодня Жданова приглашать. Они теперь в больших контрах, с чего, собственно, все и началось. Но учтем, спасибо. Да и обязательно следите за Семионовым. Сам-то он меня волнует постольку поскольку. Но если он напьется, может и Жданова напоить. Или Игнат увидит теплого Семионова, присоседится.

— Ясно, Альбина Викторовна. Семионову тоже все варианты отрубим.

— Да, и передайте это Храпову, на все проходные. Жданов, Семионов живут здесь практически безвылазно, но если сегодня-завтра попробуют выйти в город — задержать. С карточками, мол, что-то не то, если сейчас выйдут, то и впустить обратно будет нельзя... Ну, примерно. И сразу звоните мне.

— Есть, Альбина Викторовна.

Она чувствовала, будто на ней не юбка, топик, жакет, а генеральская форма. А интересно бы увидеть себя хоть раз в военной форме!

56

Игнат сидел перед компьютером, Румянцев полулежа тренькал на гитаре. На столике, так и есть, стояла початая бутылка водки. Увидев Альбину, Румянцев встал, отложил гитару и почти демонстративно покинул комнату. Показалось даже, что иронически козырнул ей в дверях. Если так, то очень глупо с его стороны.

— Чё, Альбин, фотки принесла?

«Нет, объективно, прямо другое состояние у меня», — Альбина сравнивала прошлый тет-а-тет со Ждановым у себя в кабинете, не чувствуя сейчас и четверти вчерашней победительной уверенности. «Бери себя в руки... Теперь что? Ах, да, фотографии. На ноутбуке у меня лежало несколько»

— Нашла, Игнатушка, нашла!

— Так что? Посмотрим сегодня? — Теперь пришла очередь дрожать и эссеисту.

— В электронном виде. На ноутбуке.

— Ладно, можно пока и на экране глянуть.

— Да хоть сейчас. Побрейся только. И не забудь — сегодня концерт.

— Лариса Казанцева? Ув-важаю! Правда. У меня два диска ее есть. А кто ж ее к нам организовал?

— Кумихин. Иди брейся.

Под удаленное жужжание Альбина быстро соображала, куда бы припрятать их

бутылку. Ничего лучше, чем за томик Бродского не сообразила. Прикрыла стеклянную створку... В оставшиеся секунды «Мата Хари» заглянула в экран его компа:

— Князь Курбский. «Выбранные места из переписки с друзьями».

Хоть Чехов и говорил насчет раба... но сколько из себя ни выдавливай по капле, а последняя все равно капает в штаны.

О применении бисера в свиноводстве...

«А... типа заготовок к будущим эссе», — сообразила Альбина.

«Н-да... сколько он в своем монастыре, без женщин? Год уже, наверно...»

Вошедший Игнат заметил изменение в комнате (есть такая игра) — в первую же секунду.

— Не. Я так не играю. Верни бутылку. Ты, конечно, начальница у нас и вся крутая, может, и круче Луизки, и красивее... Но и я вам не мальчик на побегушках и представляю, сколько вы с Сумеровым на моих эссе зарабатываете.

«Еще одна опасная новость! Новая, как выражается Валим Сергеевич, вводная».

— Ладно-ладно, Игнацио! Уж и поиграть нельзя. А сам найдешь? Слабо? По запаху?

— Типа я такой алкан — по запаху водяру искать?

— Хорошо Игнацио! Доиграем в эту игру по-нормальному, ну как в детстве играли. Я читаю тебе три строчки, это будет точный намек. А ты находишь. Идет?

Похоже, это имеет объективно терапевтическое значение — вид красивой, пусть даже не совсем понятной, даже совсем непонятной женщины. Помявшись с полминуты, Игнат немного посветлел лицом и сказал:

— Идет. Давай намекай.

— Так-так-так. Погоди. Ага... «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» Тьфу ты, забыла дальше. Ага!.. «Теперь мне сорок. Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной. Только с горем я чувствую солидарность, но пока мне рот не забили глиной...»

— Хорош-хорош, не забили пока. — Игнат уверенно поднялся, подошел к книжному шкафу и, отодвинув том Бродского, достал пол-литровую бутылку-фляжку. Водрзил ее снова на столик, но тотчас наливать не стал. — Так, Альбин, а на что мы с тобой сейчас играли?

— А ведь и не на что!

— Ну, давай тогда выпьем — за наши игры и наши конкурсы!

— Погоди, погоди. Не гони, если вправду хочешь, чтобы я с тобой выпила.

— А что?

— А то. Вы по сколько сегодня уже с Румянцевым пропустили?

— Да по одной только. Ну ты, вообще, генеральша! Куда там Сумерову!

Альбина посмотрела на полоску уровня. Похоже, и правда по одной.

— Концерт же будет, Игнат! Ты ведь знаешь. Казанцева — не какая-нибудь попса галимая, которую только под этим делом и слушать. А у меня и сестра приехала. Так что решено. Мы сейчас выпиваем с тобой ровно по одной рюмке, и я забираю эту бутылку... Нам же еще надо зайти ко мне за ноутбуком.

Альбина взяла фляжку и медленно, Игнату — чуть меньше, разлила... Закусили маслинками со шпажек.

— А знаешь, ты меня на своем вечере так тогда напоил, я потом два дня просто никакая была. Работать надо, показывать шефу проект спецвыпуска, с твоим же, между прочим, эссе. А меня крутит и крутит.

— Я!! тебя напоил?!

— А кто же тогда еще? — изумилась хитрая черно-бурая лиса, округлив глаза на эссеиста-Буратино. — Нет, ты, конечно, тогда больше хотел свою Луизиану спойть. Бедняжка весь туалет обтошнилась... я тоже тогда набралась.

- Правда?
- Представь, а я такая вся... бессердечная стерва, я даже сняла ее там на телефон.
- Покажешь?
- Покажу.
- Когда?
- Когда придумаю, что с тебя поиметь за это.
- Да-а, Альбин! Интересно с тобой... Правда. Ты такая вся... Ты вся как Божия гроза! Молниеносная, молниевидная. Быстрая. Точная... А правда, что Сумеров злился, что Луиза с Гариным пришла?
- Нет. Сумеров злился, что *Гарин с ней пришел*, вот разница! Не она с ним — он ее таскает, как торпеду самонаводящуюся. Как же Сумерову не злиться, ведь ниши наших журналов почти совпадают. Конкуренты!
- Понимаю. Вадим Сергеевич правда вел расследование, кто их пригласил?
- Ну да. Допросил всех, но почему-то так и не выяснил.
- Потому что это я их вставил в список.
- Так я и думала. Только как ты исхитрился?
- Я к Александру Александрову подошел, вручил листок. Сказал, что это Вадим Сергеевич вставил Семена Гарина и Луизу Кошелеву.

«Ах вот оно что, — уяснила Альбина, — теперь понятно, почему и “служебное расследование” зашло в тупик. Видно, тогда ждановский Эффект бил еще на полную мощность, и в организационной суматохе шеф “секуритаты” не только внес в итоговый список этих неразлучных Базилио–Алису, но еще и как-то для себя зафиксировал, будто это и правда не Игнат, а сам Вадим Сергеевич их вставил».

— Фу, Игнат, уже пятнадцать минут осталось. Это же полное свинство! Всех бросила. Я же пока начальствую над всем этим заведением! А если там вопросы возникли? Я и поприветствовать их как-то должна, не делай ты меня полной свиньей.

Они быстро спустились к ней. Альбина перед Игнатом демонстративно, примерно как фокусник, показывая: «Господа! Смотрите сами! Все пока честно», открыла сейф, поставила туда ждановскую фляжку, закрыла. Из шкафчика достала бутылку шампанского «Д. П.»: «С твоего еще вечера. Надо ж Казанцевой подарить что-нибудь!» Потом подошла к столу, взяла ноутбук и скомандовала: «Вперед».

57

Изменили ресторанный расклад, все столы в одну сторону, стулья — рядами перед небольшим, в одну ступеньку возвышением. Пришло и человек пятнадцать банковских. В аппендиксе Альбина увидела рядом с Кумихиным невысокую девушку с каштановыми волосами и крепкого лысоватого дядьку — Казанцева с гитаристом.

Даже и без своего сегодняшнего обостренного состояния она почувствовала бы легкую волну враждебности, плеснувшую от журнальных коллег. Выбилась. Начальница. Оттирает, интриганка, нашего Геннадия Исидоровича. И еще заявила сегодня под ручку с этим хамом, при ней же оскорбившим всех нас... Да может, это и она сама, как-нибудь сидя на коленях у своего солдафона Сумерова, подсказывала ему, играя пальчиком, диктовала это циничное меню: «А давай выдадим им всем по семнадцать копеек! И посмотрим, проглотят ли?» Прямо Аракчеев и его фаворитка Минкина. Но ничего-ничего! Мы эти ваши «военные поселения»...

И еще сюрприз. Среди банковской группы, нейтрально или даже благожелательно ей улыбавшейся, она вдруг увидела и Марину Сумерову. Кто-то, верно, общается, может, даже дружат семьями. Интересно, кто ж? Ближе к Марине стоял Трошин, к которому Вадим Сергеевич, раздавая перед отъездом приказания, велел обращаться за деньгами... В памяти Альбины снова прозвучала сладкая музыка последнего совещания... Только проконтролируй Игната! Любые расходы, скажешь: «Приказ Сумерова». Сумму не называю. Мастер царских жестов. И правильно, что со Сталиным сравнивают. Марина на него все-таки похожа, немного. А как Трошина по отчеству? А ладно...

И она, как была, с ноутбуком, тяжелой полторалитровой бутылкой шампанского, с Игнатом под ручку подошла к ним.

— Здравствуйте, Павел м-м... Позвольте вам представить нашего лучшего, неуловимого и полулегального эссеиста — Игнат Жданов!

— Очень, очень приятно. А это дочь Вадима Сергеевича, Марина... А это, Марина, правая рука твоего отца, Альбина Викторовна.

— А мы с Мариной знакомы уже!

Марина покраснела, но — дочь своего отца! — быстро овладев собою, важно обратилась к Игнату:

— Папа приносит домой журналы. Я все ваши эссе читаю.

— Ну и как вам?

— Очень, очень интересно. У вас такой кругозор! То о политике, то о страховых компаниях, то о спорте... И знаете, Игнат, всегда кажется, что это для вас — только случайный повод, будто кто-то вам подсказал тему, но вы все равно пишете о своем. Ой, уже рассказываются, пойдёмте?

Первые три ряда оккупировали «господа редакторы», явившиеся как на митинг протеста. Банковские, сегодня гости, перешедшие через Версильковский переулок по арочному переходу из пуленепробиваемого стекла, занимали галерку. Альбина с Игнатом прошли по этому социально-профессиональному водоразделу к Алине, сидевшей в четвертом ряду. Трошин с подопечной Мариной и девушками из кредитного отдела уселись ровно позади. Кумихин, видно, ориентируясь еще по первоподшедшей Алине, зарезервировал себе посредством большого букета местечко ровно впереди Альбины. Справа... справа, подобно милицейской мигалке, ревнивые взгляды бывшей подруги Маши Кондратенко. Да, Альбина сегодня под ручку с ее «князем Мышкиным-Подмышкиным»... Аккуратно установив бутылку шампанского под креслом, отдав свой ноутбук Игнату, она подключилась к прибою аплодисментов...

— Здравствуйте, все! Друзья мои, сегодня мы будем исполнять песни замечательного поэта, композитора Михаила Константиновича Щербакова. — Просвещенные, в основном в первых рядах, похлопали. — А также других известных авторов, Алексея Иващенко и Георгия Васильева, с которыми мы познакомились во время работы над мюзиклом «Норд-Ост»...

И концерт начался, сразу же сбив с толку всех малосведущих. Барды? Но никакой банальщины про «палатки, дожди, как здорово, что все мы...». Голос? Тоже ничего «вокругострового» и близко. Богатый, гибкий, может, эстрадный или как раз из этих мюзиклов. Интонаций, настроений, точности, иронии — «вагон».

Путь не длинный, не короткий, повист плетки, запах водки.
Кратко-времен-ный ночлег, скрипы сосен корабельных,
всхлипы песен колыбельных, дальний берег, прошлый век...

Потом минута — перевести дух, себе, слушателям перенастроиться и:

Погрузить бы в корабли, затопить бы в океане
Все песеты и рубли, все иены и юани.
Этот хлам из разных стран ни к чему и задарма нам,
Все сокровища обман, а прожить нельзя обманом...

Игнат недоверчиво косился на вытянувшуюся струной Альбину. Привыкнув за год к ее отстраненному, даже снисходительному отношению к нему, он подсознательно переносил ведь *это* и на Поэзию вообще. Видно, творческая мания величия, пересекаясь с другими комплексами, выдает такие отводы, коленца, в которых и не всякий сантехник разберется.

...Все рассыплется в момент, измельчится при размене.
Лишь один эквивалент в этом мире неизменен,
Только он в потоке дней абсолютно одинаков.
Без портретов королей. Без гербов и водных знаков...

Алина восторженно и благодарно сжимала ее левую руку...
— Боже! Ну я и уселась! Слева — сестра, справа — главный подопечный... Спереди Эдуард в паузах ревниво оборачивается. Сзади — дочь Вадима Сергеевича. Струна...

...И не споря о цене, не теряя ни минуты,
Конвертируешь ты мне нашу тайную валюту.

Игнат положил ей руку на бедро. Уверенней и тяжелее, чем тогда, в кабинете.

Пусть тощает мой карман, если рядом ты со мною.
Все сокровища — обман! И не что-нибудь иное...

Наверно, восприняв *это* как некий антимонетаристский гимн, стоявший в левом проходе Геннадий Исидорович, скрестив по-наполеоновски руки, гордо поглядывал на банковскую галерку.

— Спасибо-спасибо, друзья. Мне так хорошо, интересно петь тут у вас. Я перед началом гуляла по вашему... что это у вас? Это у вас столовая или ресторан?

— Ресторан! Столовка! А и так и так — обидите!

— Правда? Я тут у вас такое смешное меню видела. Котлеты по-киевски — четырнадцать рублей восемьдесят три копейки, а салат витаминный — минус семнадцать копеек! Это у вас игра такая, да?

Тут все «редакционеры» так дружно и злорадно оглянулись на Альбину, что Игнат испуганно отдернул руку.

— Да, Лариса Рюриковна. Игра. — Оставленная за начальницу отвечала удивленной артистке и своему озирающемуся коллективу. — Что-то вроде смеси: «Верись-неверись» и «Вышибалы».

Интересно. А сейчас, друзья, мы с вами сыграем еще в одну игру... и опять с песней Михаила Константиновича Щербакова...

Мало ли чем представлялся и что означал
Твой золотой с бубенцами костюм маскарадный,
В годы, когда италийский простор виноградный,
Звонкие дали тебе, чужаку обещал...

Рука труса, наглеца и поэта опять приземлилась на ее бедре, да еще и начала блуждать, дрейфовать. Альбина взяла ее, сжала и, чуть повернув, провела ребром

его ладони черту на своем бедре, а потом отпустила, уложив ниже, у самого колена. Лишь когда эта операция повторилась третий раз, Игнат понял, что прочерчивалась граница дозволенного ему. И, приняв очередное условие, стал гладить ее коленку.

Мало ли что под руками твоими поет,
Скрипка, гитара, шарманка, волынка... челеста,
Время глядит на тебя как на ровное место,
Будто бы вовсе не видит, но в срок призовет.

«Вот и не верь после этого в телепатию, — подумала Альбина. — Какая же умница! И поет будто и не ртом, а — глазами!»

...В срок призовет тебя время, но прежде, прежде
Даст оправдаться и только потом умертвит...
...Время стремится к забвению, как ты к забвению.

Лариса Казанцева объявила, будто попросила, перерыв. Несколько человек встали размять ноги. Игнат, включив, развернул к ней ноутбук: «Ну показывай! В какой они у тебя папке?»

— Игнат! Люди же, — прошипела Альбина.

— С боков отвечает, а спина у меня пока не прозрачная.

— Да ты реальный маньяк... — обернулась, — Лин, сестричка, принеси нам, пожалуйста, по «Мохито». Рустам сегодня безалкогольные делает.

Сестрица надула губки, но пошла. Альбина вернулась к своему озабоченному подопечному:

— Ну?

— Во-первых, Альбин, мы ж договаривались. Я, например, Кошелевой не звонил. А во-вторых, и это главное, ты, похоже, меня... вдохновляешь.

— Да-а? — так же приглушенно, но уже с гораздо большим интересом протянула Альбина. — Вот с этого места, Игнатушка, пожалуйста, поподробнее.

— Понимаешь, я чувствую. Я будто весь этот год иссякал. И ты об меня тоже ноги вытирала. И вся эссеистика эта меня стала утомлять, ты не представляешь как...

— Ну, а... теперь ты... — как учительница, вытягивающая двоичника у доски.

— Да я прекрасно вижу, что я как мужчина не очень-то тебе интересен. Ну и прекрасно! И твоя холодность, трезвость, рассудочность нравятся мне больше, чем любой жар-пожар.

— Да-а? — протянула Альбина с сомнением...

Рустам на время антракта включил громко-тягучий индийский инструментал. «Вроде и глушит наш с эссеистом разговор, но все равно, Эдуард впереди как-то нервно ерзает». Оглянулась. Сзади Трошин что-то увлеченно рассказывал Марине... Справа и чуть спереди — проблесковый маячок ревнивой Машки Кондратенко.

— Понимаешь, это ведь — точно мое. Другое может быть у всякого мужика, а это — только у меня! Ради этого и стоит быть поэтом... вот главное отличие, а не строчка в трудовой книжке!

Альбина присматривалась к его пышущему взгляду. Эти вот проблески, пошедшее дыхание — не долгожданное ли Вещество Веры? Хотя сейчас его веди на сеанс к Кумихину. Ну это был бы успех! Не только отшить Луизку, не дать напиться, но еще и «Веру» вернуть!! Сумеров бы тогда... мне... просто...

— Ну что ж. Быть Музой — к этому я отношусь сверхсерьезно. — И Альбина протянула руку и, коснувшись клавиш, погнала курсор по лабиринтам своих файлов. — Ага, вот эта папка. Ой, там даже пять штук. Ну, сегодня ты мой должник... Экран-то не свети по сторонам...

58

Немного погрустневшей, кажется, вышла к аудитории корпоративного концерта и Лариса Казанцева. Песни ее — маленькие кусочки жизни, и сколько ни срывай аплодисментов, каждый отрывной листок приближает к финалу.

— Итак, друзья, вторая часть нашего альбома, концерта...

А где-то далеко, за далью и за пылью
Остался край чудес, там человек решил,
Что он рожден затем, чтоб сказку сделать былью.
Так человек решил, да, видно, поспешил...
И сказку выбрал он с печальной развязкой,
И призрачное зло в реальность обратил.
Теперь бы эту быль — обратно сделать сказкой,
Но слишком много дел и слишком мало сил.

И когда эхо последнего аккорда песни, ткнувшись бильярдным шариком по всем четырем стенам столовой, уже тонуло в поднимающейся волне аплодисментов, вдруг поднялся Семионов.

— Уважаемая артистка Казанцева! А не могли бы вы спеть эту песню еще раз. Она меня очень-очень волнует.

Оказывается, он сидел сзади, в пятом ряду, на четыре места левее Трошина с Мариной. На него зашикали. Понеслось: «Здесь тебе не радио по заявкам!», «А это наш...» — как бы объяснения Ларисе Казанцевой. И друг другу по рядам: «Трезвый!», «Нет, сегодня трезвый!», «Трезвый!»

— Да, трезвый! — расслышал этот шелест Семионов.

— Я лучше потом подарю вам пластинку с этой песней, — нашлась Лариса Казанцева.

Семионова ткнули, заткнули, усадили, концерт продолжился.

Вчера, и сегодня, и завтра, и после. Почти незаметно,
Всегда неизменно. Почти не начавшись, кончаются сроки...
...Мы свиделись с вами в гостях у какого-то странного века,
И нынче меж нами обряды, обеты, законы, запреты.
Мы были друзьями, мы стали чужими — путного ветра...

Лодкин захлопал первым, «редакционеры» завертели головами. Похоже, сегодня все песни Щербакова имели для них оттенок «Марсельезы»... «Бунт! Бунт на корабле! — неслось по натянутым нервам капитана. — Зачинщиков — за борт! Кто первым отказался есть котлеты по девять рублей, и салаты по минус семнадцать копеек?! Накрыть брезентом и расстрелять!»

И совсем не стало покоя Семионову. В каждом песенном перерыве он поднимался, извиняясь, протискивался, наклонялся, подсаживался, спрашивал. Вот Софья Генриховна покачала головой. Потом Лодкин. Теперь и Кумихин шикнул на него. И вежливо, лицом к залу, Семионов начал выбираться из третьего ряда. Футболка на этот раз на нем: «Мосметрострой. 60 лет».

Боже, ну откуда он их выкапывает!? То «Красноярскстройдортехника», то эта... Мосметрострою-то уже давно лет семьдесят или семьдесят пять!

Нервически обостренный слух дал Альбине различить и комментарий сзади. Трошин, нагнувшись, пояснял Марине: «Это Семионов. Они служили вместе. Он... как бы контуженный немного на службе. А твой отец, видишь, взял его в хозяйственники. Пожалел. Такой у тебя папа... Хозяйственники? Это которые следят за электриками, слесарями. Хранят у себя все ключи».

«Да, контуженный, — подумала Альбина. — И еще один тревожный, но пока непонятный, нерасшифрованный знак: звук, звяк ключей... Хранят у себя все ключи...»

К ней обернулся Кумихин. Может, просто желая вмешаться в их с Игнатом идиллию, спросил о первом попавшемся:

— Альбина, забыл спросить... ты же сегодня днем ездила в Миражкомбанк. Как прошло? Вручила экземпляры?

— Экземпляр. Один. Теперь их надо беречь. Сколько Рабочих смесей у нас осталось?

— Сорок одна пробирка.

— Мне чуть ли не на колени к нему пришлось сесть, но добилась. Взял на личное, срочное ознакомление. Клялся, что прямо сегодня вечером распечатает и прочитает наш журналчик. Значит, — глянула на часы, — если в этой жизни *мущинам* еще можно верить — сейчас он и читает. Может, уже и прочел.

Дождавшись, когда Кумихин отвернется, ее дернул Жданов:

— А где это ты? Декорации такие красивые...

Альбина наклонилась, глянула на экран и увидела себя на фоне старинного замка. Из одежды — только шляпка со страусиным пером, красные башмачки с золотыми пряжками, рядом двое в костюмах каких-то средневековых пажей с хорошо разыгранным обожанием смотрят на нее.

— А, это? — с полным равнодушием. — В павильоне каком-то. Фильм они заканчивали, название, как его... ну помнишь, мы еще репортаж о нем давали, в майском, кажется, номере. Я приезжала интервью записывать, режиссер какой-то там вроде знаменитый, с рядовыми корреспондентами не разговаривал...

Игнат молча повернул к ней экран ноутбука. Видно, пробежав уже несколько кругов по великолепной пятерке ее фотографий, он открыл текстовый редактор, выбрал самый гигантский шрифт (№ 72) и написал на весь экран: «**КОГДА?**»

Первой мыслью Альбины было — ответить ему не менее «изячно». Она протянула руку к клавиатуре и набрала было перед игнатовским словом букву «**Н**», но далее задумалась. Какая из приставок была бы лучше: «**НЕ**» или «**НИ**»? Похоже, серьезность ее задания, ее положения и (возможно) поступившего сейчас предложения требовали устного, развернутого, хотя и шепотом, ответа.

— Игнат, как официально сегодня приглашенная тобой на роль Музы должна заявить следующее. Общеизвестно, что именно сдержанная сексуальность у мужчин обращается выбросом творческой энергии. Я, может, и не боюсь стать деревом, в которое ударит твоя молния. Но ты же так восхищался моим расчетливым умом, холодной ответственностью! Я буду беречь твое электричество. Ну-ка...

Альбина забрала свой ноутбук, тронула клавишу.

Пятью строчками ниже гигантского «**КОГДА?**» шел текст, набранный обычным шрифтом, видно, Игнат делал пометки, выплескивал впечатления в копилку будущих эссе.

Евангелие от Мента... но тридцать серебряников были помечены специальным химическим раствором, и когда взятый в оперативную разработку гражданин Иуда

Искарriot взял их, он был изобличен в присутствии понятых. Однако по недосмотру охраны подследственный повесился в следственном изоляторе.

Показания четверых свидетелей: Марка, Матфея, Луки, Иоанна — совпадают...

Генерал Сумеров.

— Вот видишь! Это же небось от ревности к Вадиму Сергеевичу у тебя сложилось, когда я тебе ответила: «...нет, пока нет». Ну и прекрасно, пригодится для твоих эссе, не забудь скачать себе. Я тебя такими импульсами обеспечу. Пиши свои тексты так, чтобы люди восхищались не меньше меня. И обязательно, чтобы... *верили* им... Идет?.. Ну ладно, давай слушать Казанцеву.

Дай Бог вам счастья или чуда — за скитания,
Но вы Туда, а мы — Оттуда. До свидания...
...Грехи как камни из реки... сосет под ложечкой.
Не отпускай мне все грехи, оставь немножечко...

— Ой, Алинка, аж больно! Ну, у тебя и пальчики. Ты о чем сейчас думала?

— О многоженстве.

«Веселенький вечер! Еще и с ней разбираться!»

— И что же ты думала о многоженстве?

— А то, что если бы наш папа... женился на твоей маме, родил тебя, а потом женился бы и на моей, но с вами не разводился бы. Представляешь, мы жили бы вместе! А то ведь у меня целых... шестнадцать почти с половиною лет не было сестры!!

Слезы так мгновенно, внезапно ударили по глазам Альбины, словно это со стороны кто-то брызнул из детского водяного пистолетика. Она крепко-крепко сжала руку сестры, свободной полезла за платком.

— Лин, посмотри. Как у меня... тушь?

— Ну-ка. Дай сюда, — и самым уголком она протерла под левым. — А ты чего это?

— Да так. Песни классные же? Нравится?

— Очень, Альба...

Альбина еще раз оглянулась — и опять Трошин что-то болтал Марине Сумеровой.

И чего это он тут с дочкой *ее* Вадима любезничает?! Вот как возьму сейчас — и прикажу, чтобы он прямо в эту минуту сбегал и выдал бы мне м-м... четыреста тысяч рублей! Вадим Сергеевич велел! Любые суммы! Это у *меня* сейчас самое важное дело! И беги тогда к своим сейфам! Гречи ключами!..

Да, к сейфам! Да, ключами! — и опять звук, знак тревожного напоминания о чем-то, звяк связки ключей? Ах да! «Семионов! Алкаш-хозяйственник! Отец пожалел!» И вдруг связав концы струн, она наконец сообразила. Чувствительно шлепнула по плечу Кумихина.

— Эдик! А чего к тебе Семионов прилезал?

— Спирту просил из лаборатории. Его все уже послали, даже Софья Генриховна водки не выделила...

— Так... И ты опять мне не сказал.

— Да у меня и не осталось почти спирта. На той неделе собирался заказывать... Хотя теперь... «Веры» нет — что растворять? Из чего Рабочую смесь...

— Значит, опять не дал и опять не сообщил. Эх, Эдик-Эдик!.. — Всплывшая аналогия с недавней к нему просьбой Румянцева добавила еще пару тревожных нот к пригрезившемуся звяку ключей на связке алкаша-хозяйственника... Боже! Она оглянулась, просканировала зал. Семионова не было. Не было ключника-хозяй-

ственника, и параллельно со сгущающейся, конденсирующейся ртутной каплей тяжелого предчувствия она быстрым шагом покинула зал, а в коридоре перешла и на бег... Добежав, дернула дверь лаборатории. Заперто. Да лучше бы он сюда залез! Альбина метнулась к лестнице, проскакала по двум пролетам и через десять секунд была у двери в подвальный коридор, тот самый, где месяц тому назад они с Мариной Сумеровой тащились в ацетоновых парах склеившимися сиамскими близнецами... Она распахнула створку и в тусклом свете дежурного освещения увидела, прочитала первую строчку своего приговора. Дверь в их «святая святых», хранилище их «Вещества Веры», была открыта. Она и с тридцати пяти метров поняла, что это дверь именно с табличкой «Комната № 17», куда ж еще!.. И Альбина, секунды назад буквально летевшая по коридору первого этажа, лестничным пролетам, оставшиеся подвальные метры прошла на ватных ногах, как до помоста с гильотиной...

Она. Ведь именно она будет ответственна за этот невиданный крах. Завтра утром придет Вадим... Голова закружилась, и кровь подбежала к щекам, собралась вокруг глазных впадин едва ли не сильнее, чем в тот вечер, когда ее до нитки облили ацетоном... Она, оставленная здесь «за главную», еще три минуты назад счастливо купавшаяся в бурлящем море ответственности, переживавшая все удаchi дня, она завершает свое царствование полным крахом, как в древнегреческой трагедии...

Все точно. В маленькой комнатке между раскрытым сейфом и столом — Семионов. На столе брошенная связка ключей, валяющиеся пустые пробирки с номерами. Ближние к Альбине: «Рабочая смесь №...», «...№ 6», «№...»

— А! Альбина Викторовна! — Семионов браво отсалютовал ей, подняв стакан. Правый его локоть по-гусарски, по-военному высоко поднят, отставлен. — Ваше здоровье!

Она было потянулась к нему ватной рукой, беззвучно, как рыба, открыла рот... Из сорока одной пробирки «Рабочих смесей» набралось примерно на три четверти семионовского стакана, и вторым присестом, мощным глотком за ее здоровье, он допил все «Вещество Веры», но видела это оседавшая по рельсе дверного косяка Альбина Терлецкая уже в странном, искривленном, сильно увеличенном изображении, как сквозь линзу слезы.